

133

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

12

Д Е К А Б Р Ъ

О Г И З * 1 9 3 5
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
« С О В Е Т С К О Е З А К О Н О Д А Т Е Л Ъ С Т В О »

СОДЕРЖАНИЕ № 12

	<i>Стр.</i>
Памяти борца	2
А. Вышинский — Вопрос действительно решен	4
Ф. Юрина — 1933 — 1935 годы	5
С. Пригон — Закон 8 декабря в практике прокуратуры Саратовского края	7
Б. Боронов — Задачи прокуратуры в области надзора по гражданским делам	14
В. Зорин — Укрепить отделы по надзору за ИТУ	17
А. Герцензон, З. Вышинская — Борьба о убийствами в судебной практике 1935 г.	19
А. С. Тагер — Кассационные заметки	23
В. Тадевосян, А. Чернов — Больше внимания следователю и качеству расследования	28
Н. Русанов — О бумажном руководстве	32
А. Сольц — Очередные вопросы	34
С. Потранин — Должностные преступления в органах связи	35
М. Мальсагов — Заочное правовое обучение	39
Н. Александровский — Прокуратура и печать в борьбе за проведение хоалопит-кампаний 1935 г.	40
Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза	42
Право — процесс — судоустройство в капиталистических странах	53
В Институте уголовной политики	58
Библиография	57
Официальный отдел	61
Сводка важнейших постановлений правительства Союза ССР за октябрь 1935 г.	63
Приветствия, поступившие на имя тов. А. Я. Вышинского	64

**СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ
ЗАКОННОСТЬ**

ОРГАН ПРОКУРАТУРЫ СССР

**ДЕКАБРЬ 12
1935 г.**

Редакция:

Москва, Б. Дмитровка, д. 15

СЕРГЕЙ МИРОНОВИЧ КИРОВ

ПАМЯТИ БОРЦА

Год назад пуля классового врага оборвала жизнь одного из лучших соратников Ленина и Сталина, талантливейшего борца за коммунизм, руководителя ленинградских большевиков — Сергея Мироновича Кирова.

Перестало биться сердце замечательного человека, героическая жизнь которого является образцом самоотверженной борьбы за дело рабочего класса, за дело коммунизма. Подлейшая пуля прервала жизнь человека, обладавшего исключительной волей, огромными организаторскими талантами, пламенного трибуна революции, воодушевлявшего своей деятельностью к героической борьбе миллионы трудящихся; жизнь железного большевика, от начала до конца своих дней последовательно борющегося за генеральную линию нашей партии, отстаивая ее, непримиримо воюя против всяких отклонений и паскоков, откуда бы они ни исходили.

Неслучайно контрреволюционной зиновьевско-троцкистской бандой, этой замаскированной двурушничеством белогвардейской организацией, выстрел подлого убийцы был направлен против т. Кирова. Неслучайно остатки разгромленной троцкистско-зиновьевской оппозиции, став щитом всей фашистско-белогвардейской сволочи, направили свой удар в Сергея Мироновича, сыгравшего особую роль в разгроме бывшей троцкистско-зиновьевской оппозиции, возглавлявшего одну из наиболее мощных большевистских организаций нашей страны, выдающегося деятеля нашей партии.

Выстрел в т. Кирова, в момент, когда наша страна добилась великих побед в деле социалистического строительства, когда наша страна твердо и уверенно идет по пути построения бесклассового социалистического общества, явился попыткой разгромленных классовых врагов внести в наши ряды замешательство.

Однако, как и всегда, и на этот раз классовый враг просчитался. Огромная утрата, понесенная нашей партией и трудящимися всего мира, великая скорбь, овладевшая сердцами миллионов, не остановили победного марша революции. Наоборот, еще тесней сплотились трудящиеся массы вокруг Центрального комитета нашей партии и горячо любимого вождя советского народа т. **Сталина**. Гул миллионов, шествовавших на улицах в дни похорон, речи ораторов, поднимавшихся на трибуну, чтобы выразить свое негодование, сотни тысяч принятых резолюций — все дышало одним гневом, одной ненавистью к врагам, одной мыслью — довести до конца дело, за которое жил и погиб Сергей Миронович, победу которого он всегда ясно и отчетливо представлял, о которой он всегда мечтал, во имя которой он отдал лучшие годы своей жизни, отдал всю свою жизнь.

Гнусное убийство т. Кирова показало всю глубину падения троцкистско-зиновьевской банды, обнажило подлое, трусливое нутро изменников пролетарской революции, превратившихся в гнусных агентов наемных убийц международной белогвардейской своры.

Усилением большевистской бдительности, суровой расправой с врагами народа, сокрушительным ударом по контрреволюционным гадинам, новыми величайшими успехами социалистического строительства ответили партийные и непартийные большевики, миллионы трудящихся масс на этот гнусный выстрел классового врага. Этот ответ прозвучал в гудках фабричных сирен социалистических заводов, в ускорении бега паровозов и вагонов, в резко поднявшейся кривой роста нашей промышленной продукции, в бурно-развернувшемся стахановском движении, ознаменовавшем новый этап нашего великого социалистического строительства.

В связи с террористической деятельностью классово-враждебных элементов, 1 декабря 1934 г. Президиум ЦИК Союза ССР принял решение об исключительном порядке ведения и слушания дел о террористических актах. На основе этого закона был ликвидирован ряд террористических организаций. Справедливый приговор Верховуда Союза ССР по делу подлейших бандитов, сразивших любимого Миросыча, был принят всей нашей страной и трудящимися всего мира с вели-

чайшим удовлетворением. Нанесен сокрушительный удар по раскрытым и обнаруженным остаткам троцкистских и иных контрреволюционных организаций. Очищаются ряды партии путем партийной проверки от пробравшихся в нее двурушников, последней троцкистско-зиновьевской оппозиции, жуликов и иных классово чуждых и враждебных элементов.

Однако, дело разгрома классового врага и его агентуры еще не закончено. На наши успехи классовый враг отвечает новым, еще более ожесточенным сопротивлением, переходя к новым и новым формам наскоков» (Сталин). Когда в нашей стране бурно разворачивается имеющее величайшее политическое и хозяйственное значение движение стахановцев, эти наскоки особенно ярко проявляются в самых разнообразных формах сопротивления этому движению, начиная от саботажа и травли героев и героинь социалистического труда и кончая террористическими актами.

«Нам необходимо и впредь, — как говорил т. Киров на XVII съезде партии в одной из своих последних речей, отличавшейся исключительной глубиной и яркостью, — соблюдать в наших рядах, в рядах нашей большевистской партии величайшую и глубочайшую партийную бдительность и железную большевистскую дисциплину». Мы должны быть на-чеку.

Задача всемерного укрепления диктатуры пролетариата является решающей для осуществления поставленной нами цели. Величайшая ответственность за осуществление этой цели падает на все органы пролетарской диктатуры, в том числе и на органы юстиции.

Наша работа должна быть боевой, репрессия — меткой, точной, целеустремленной, политически подготовленной. Вся система нашей работы, начиная от порочных актов расследования и кончая исполнением приговоров, должна быть построена таким образом, чтобы ни одна попытка классового врага и его агентуры нанести вред делу социализма не оставалась нераскрытой и безнаказанной. Вот почему поднятие качества всей нашей работы и, в первую очередь, борьбы с контрреволюционными вылазками враждебных нам элементов, стоит перед нами во весь рост и сегодня.

Социализм в нашей стране победил окончательно и бесповоротно. Железной волей большевиков, руководимых гениальным рулевым революции — Сталиным, обеспечены все возможности для построения в нашей стране коммунистического общества. Мы уверены в нашей победе, несмотря на все сопротивление остатков умирающих эксплуататорских классов. Эта вера звучала мощными аккордами в заключительной части речи Сергея Мироновича на XVII съезде партии, когда он, характеризуя неизмеримые высоты нового, небывалого в истории человечества, коммунистического общества, говорил: «Работа, товарищи, не только захватывающая, но работа очень трудная, очень сложная и очень ответственная. Но когда мы имеем такой героический рабочий класс, который поселяет нашу Советскую страну, когда мы имеем такую партию, которую выпестовал величайший из людей, Владимир Ильич Ленин, цвет которой заседает вот здесь сейчас, партию, которая не знает никаких преград, никаких препятствий, партию, у которой в правоте своего дела нет ни малейшего сомнения, я думаю, что с такой партией, с таким рабочим классом стоящие впереди задачи не только разрешимы, но разрешимы блестяще и разрешимы победно, тем более, что основные трудности уже остались позади».

С этой верой в нашу победу мы строим нашу счастливую и прекрасную жизнь. Каждый новый день которой раскрывает перед нами изумительное своим богатством содержание бесклассового социалистического общества.

В этой борьбе за наше счастливое будущее, о котором так мечтал Сергей Миронович, которое все более и более входит в нашу повседневную жизнь, образ т. Кирова, его героическая жизнь вдохновляет нас на новые подвиги, удешевляет нашу энергию.

Год назад мы, похоронив т. Кирова, дали клятву довести до конца дело, за которое боролся Сергей Миронович, и вырвать с корнем из нашей жизни остатки враждебных нам элементов. Эта клятва будет нами выполнена. Враги социализма будут уничтожены. Знамя коммунизма будет реять над всем миром.

Вопрос действительно исчерпан

Тов. Крыленко решил резко оборвать наш спор, не пожалев при этом грубых слов и раздражительных выражений. При таких условиях, конечно, полемику продолжать нет смысла.

Тов. Крыленко апеллирует в конце своего последнего ответа читателям. Против такой апелляции и я не возражаю.

Что может служить предметом этой апелляции? Ответ на три вопроса, по поводу которых шел спор и которые, по существу, мне кажется, уже сейчас разрешены не в пользу т. Крыленко.

В самом деле. По первому вопросу о точных или неопределенных составах т. Крыленко сдал все свои позиции, прикрывшись, впрочем, ссылкой на требования нашей эпохи и оставив, таким образом, для себя лазейку вновь вернуться к теории неопределенных составов в «подходящую» эпоху.

По второму вопросу о дозировке т. Крыленко фактически сдал свои позиции, даже не прикрываясь никакой эпохой.

Вопрос третий — о двух процессах — новым проектом УПК разрешен в направлении, прямо противоположном взглядам т. Крыленко.

Стоит ли после этого продолжать спор? Спор продолжать не стоит, и я также его с т. Крыленко кончаю, но бороться против ошибок и путаницы т. Крыленко придется еще не мало, ибо предрассудки, являющиеся источником путаницы т. Крыленко, к сожалению, еще живучи.

Не имея в виду продолжать с т. Крыленко спор, я все же не могу не выразить нескольких недоумений по поводу его попытки поставить «Точку над «и».

Тов. Крыленко возражает против моего утверждения, что недопустимо привлекать к суду за преступления, не обозначенные в законе, пытаясь этот мой тезис изобразить, как забвение основного принципа нашей уголовной политики, признающей институт аналогии. Если бы т. Крыленко хотел подойти к вопросу серьезно, не выдергивая отдельных фраз из всего контекста моих рассуждений, то беспочвенность его обвинений была бы ясна сама собой. Ведь сам т. Крыленко, цитируя мою статью, указывает на то, что я не отрицаю, а признаю необходимость аналогии.

Смысл моего утверждения заключается в том, что привлекать к суду можно лишь за преступления, указанные в законе, причем я имею в виду, что в самом законе указано право пользоваться аналогией в соответствующих случаях. Следовательно, весь вопрос заключается в том, как понимать это право, как

пользоваться этим правом, т. е., иначе говоря, дело сводится к вопросу о пределах аналогии.

Возражает т. Крыленко и против моей второй формулы о необходимости руководствоваться точным смыслом закона, заявляя, что этот принцип мы сейчас не можем принять, «не связывая себя этим самым без нужды». Но т. Крыленко безбожно путает, когда вопрос о точном смысле закона подменяет вопросом о текстуальном толковании закона.

Подмена понятий налицо. По т. Крыленко, это одно и то же. По-моему, это не одно и то же, и утверждать противное значит впадать в ошибку, допускать непростительную путаницу.

Такую же путаницу допускает т. Крыленко и в своем последнем замечании, говоря: «Политическая линия судебной политики при этом остается правильной, хотя формально-логическое толкование закона страдает».

Странное рассуждение! Разве речь идет о формально-логическом толковании в нашем споре? Речь идет не о формально-логическом толковании, а о марксистском, ленинском толковании закона, о таком толковании закона, которое опирается на научную теорию Ленина—Сталина, т. е. о диалектическом толковании.

Чтобы устранить всякую путаницу, повторяю, толкование закона допустимо, неизбежно и необходимо, но толкование по смыслу, а не по тексту. Такое толкование (по смыслу), конечно, дело трудное, но без преодоления этой трудности невозможно проводить правильную судебную политику.

Тов. Крыленко меня упрекает в недиалектическом моем подходе к затронутым в нашем споре вопросам. С «диалектикой» т. Крыленко мы хорошо знакомы не только по нынешнему спору, но и по ряду других его устных и печатных выступлений. В частности, его позиция в вопросе о дозировке и твердых составах лучше всего свидетельствует об этой «диалектике», следователю которой, однако, оказывается небезопасно и для самого автора.

Несмотря на прекращение нашего спора, я считаю, что вопросы, явившиеся предметом этого спора, столь серьезны и имеют столь серьезное значение для дальнейшего развития нашего советского права, что, независимо от наших личных вкусов и настроений, к этим вопросам нам придется еще возвращаться неоднократно. Я уверен, что, как бы ни старался т. Крыленко замазать ошибочность своей принципиальной позиции, в нашу эпоху эти попытки обречены на заведомую неудачу.

Два года закона 8 декабря

Закон 8 декабря нельзя брать вне общей обстановки грандиозных успехов народного хозяйства, вне общих мероприятий партии и правительства по борьбе за выпуск лучшей в мире доброкачественной и комплектной продукции.

Этот закон нельзя рассматривать вне общих мероприятий партии по борьбе с безответственным отношением к социалистической фабрике и к своим обязанностям по отношению к государству.

Закон 8 декабря был издан в конце 1933 г., т. е. в тот момент, когда были уже созданы все необходимые предпосылки для того, чтобы наши советские фабрики выполняли бы план не только по количеству, не только в срок, но и по качеству.

За время издания закона 8 декабря 1933 г., под руководством великого зодчего социалистической стройки — г. Сталина, страна добилась новых всемирно-исторических успехов.

На XVII съезде г. Сталин говорил, что переживаемый подъем «замечателен тем, что он внес принципиальные изменения в структуру СССР и коренным образом изменил лицо страны». За время с XVII съезда страна сделала новый гигантский шаг вперед. Девятимесячный план выполнен почти во всех отраслях промышленности. Особенно знаменательны успехи, которых добилась тяжелая промышленность и те ее участки, которые еще недавно были величайшей заботой нашей партии, те участки, овладеть которыми, казалось еще столь недавно исключительно трудным.

Значительное количество металлургических предприятий перешло на работу без дотации и даже начало давать прибыль; черная металлургия увеличила выплавку и прокат чугуна.

1935 г. — год переломный, год особый. Слова г. Сталина о том, что наши люди, овладевшие техникой, могут и должны показать чудеса, осуществляются сейчас у нас в совершенно исключительных масштабах и размерах лучшими людьми нашего времени стахановцами.

Эти люди показывают, что только при социализме возможно такое гармоническое, единое устремление замечательного человеческого мозга, пролетарской воли и преданного сердца, которое превращается в непреодолимый мощный поток движущейся вперед к новым невиданным высотам культуры, науки, литературы, искусства, к новым завоеваниям захиточной, радостной, полной напряженной творческой жизни миллионов.

Органы диктатуры пролетариата, суд и прокуратура, в этой общей, идущей в стране творческой работе выполняют нужную и ответственную роль по подавлению сопротивления классового врага. Это на них в первую очередь ложится задача развевать в прах все воровские махинации классового врага. Они должны, вооруженные большевистской бдительностью и зоркостью, распознавать врага народа, жулика, мошенника в любой личине и беспощадно их сметать с пути.

Прошлое вредит, мешает, портит в самых разнообразных формах и проявлениях. Халатность, разгильдяйство, небрежное отношение к своим обязанностям, отношение к советской фабрике и заводу, как к старым капиталистическим предприятиям, стремление урвать для себя побольше и дать государству поменьше — это остатки старого проклятого капиталистического прошлого.

В общей системе мер, которые принимала партия в борьбе с пережитками капитализма, сыграл и играет большую роль закон 8 декабря.

Закон 8 декабря имел свое значение не только в качестве меры частной превенции в отношении отдельных работников, преступно относящихся к своей работе, он имел гораздо большее значение общего предупреждения всех руководителей хозяйственных организаций о тех повышенных требованиях, которые к ним предъявляет партия и правительство сейчас.

К этому закону органы юстиции отнеслись с глубоким вниманием. Дело шло о близких людях, зачастую о людях, имеющих немалые заслуги и поэтому надо было особо тщательно, осторожно и вдумчиво подходить в каждом конкретном случае. Надо было со всей ответственностью в каждом отдельном случае разбираться, действительно ли данный технический руководитель виновен в том, что качество выпущенной продукции плохое или что продукция некомплектная.

Применение закона было обставлено целым рядом гарантий. Было установлено, что возбуждение каждого дела по закону 8 декабря санкционируется край(обл) прокурором, об этом немедленно сообщается в Прокуратуру Республики и Прокуратуру Союза, туда же высылается обвинительное заключение и приговор. Дела слушаются лишь в краевых, областных судах. Каждое дело обязательно попадало в Верховный суд, либо в порядке кассационном, либо с протестом прокурора, и по каждому делу 8 декабря Прокуратура Республики давала заключение, обязательно санкционированное прокурором Республики и в ряде случаев прокурором Союза.

За 1934 г. в РСФСР было возбуждено 747 дел. Из этого количества дел многие впоследствии были отшлифованы. Всего было осуждено за год по закону 8 декабря — 163 человека.

За первое полугодие 1935 г. по закону 8 декабря по всей РСФСР прошло только 92 дела.

Необходимо проанализировать, разобраться в причинах такого резкого сокращения дел по закону 8 декабря. Изжил ли себя закон или мы не умеем правильно его применять? Такая прямолинейная постановка вопроса сама по себе порочна. Закон и его применение нужно рассматривать в его диалектическом развитии. Безусловно, что к тому времени, когда закон был издан, к концу 1933 г., преступность в области выпуска доброкачественной и комплектной продукции была несравненно больше чем сейчас.

Все больше и больше создается атмосфера общественной нетерпимости в отношении тех руководителей, администраторов и рядовых рабочих, которые не проявляют добросовестной социалистической бережливости, которые не сознают величайшей ответственности за порученную им работу, как бы велика или мала она ни была.

В 1934 г. борьба за социалистическое отношение к своим обязанностям в области выпуска доброкачественной и комплектной продукции требовала поэтому более широкого применения репрессии. Этим объясняется такое, сравнительно большое число, привлеченных и осужденных по закону 8 декабря. Одновременно, анализируя количество возбужденных дел, количество осужденных судами, приходится констатировать, что, несмотря на весь неослабный контроль, организованный за прохождением дел 8 декабря, в первый период в ряде случаев имело место необоснованное привлечение и необоснованное возбуждение дел по закону 8 декабря.

Оправдал ли себя закон, дало ли результаты его применение кроме наказания конкретных виновников. Проверка, произведенная на ряде предприятий в Ленинграде, Горьком и Калинин, после того, как руководящие работники этих предприятий были осуждены по закону 8 декабря, показала, что репрессия по закону 8 декабря, как вспомогательное средство в общем социалистическом наступлении на фронте борьбы за качество продукции, себя оправдала. На предприятиях, где была произведена проверка, фактами, материалами, настроением общественности подтвердилось, что в результате процессов усилилась бдительность и зоркость со стороны всего рабочего коллектива и административно-хозяйственного персонала в отношении выпуска продукции, выросло чувство ответственности за качество и комплектность выпускаемой продукции, выпуск бракованной и некомплектной продукции на этих предприятиях прекратился.

Таким образом закон 8 декабря достиг своей цели и дал свой результат.

Что означает сокращение количества дел сейчас? Можно ли ставить вопрос о том, что в связи с гигантскими успехами в промышленности, в свете роста стахановского движения, на фоне невиданного подъема энтузиазма, растущей преданности родине исчезает необходимость в применении репрессии в борьбе за дальнейшее улучшение качества выпускаемой продукции? Такая постановка вопроса совершенно неправильна.

Рост стахановского движения безусловно создает все большую и большую обстановку общественной нетерпимости в отношении ко всякому дезорганизатору, ко всякому недобросовестному работнику.

Чуткое и внимательное отношение к кадрам сочетается сейчас в нас с гораздо большей бдительностью и зоркостью при подборе каждого работника на ответственную руководящую работу. Все эти обстоятельства создают обстановку, которая безусловно приводит и должна привести к сокращению преступности на этом, особенно важном, участке социалистической стройки.

Но было бы величайшей близорукостью, оппортунистической самоуспокоенностью думать,

что сейчас полностью прекращена возможность для дезорганизатора, лодыря, рвача, для человека, не изжившего пережитков прошлого в своем отношении к труду, к социалистическому производству — попасть на ту или иную руководящую, административно-техническую работу. Такие случаи еще имеются.

Мы недавно провели большой процесс по закону 8 декабря в Московской области по делу о недоброкачественном выпуске медицинских инструментов. Казалось бы, на таком производстве, где выпускаются инструменты, от которых зависит жизнь и здоровье людей должна быть обеспечена особая зоркость, особая бдительность; однако на таком предприятии было обнаружено явно преступное отношение со стороны административно-технических руководителей к выпуску продукции.

Сокращение количества дел по закону 8 декабря — явление естественное, оно обусловлено двумя причинами. Первая и главная — громадный рост наших успехов, рост стахановского движения, рост бдительности, зоркости и ответственности за порученное дело. Сокращение количества дел по закону 8 декабря объясняется одновременно и тем, что на уроках ошибок первого периода прокуратура научилась более правильно применять закон.

Репрессия была и есть лишь вспомогательное средство в общей системе мероприятий в борьбе за качество продукции. В этой области, в борьбе за все лучшее качество советской продукции страна далеко не сказала еще своего последнего слова. Наоборот, по мере нашего продвижения вперед, перспективы дальнейших успехов становятся все более и более грандиозными. Техники овладевают миллионы. Технику двигают вперед замечательные люди нашей страны, люди сталинской закалки: стахановцы, виноградовцы, демченки, число которых растет бесконечно, безгранично.

Страна будет предъявлять все более и более повышенные требования к качеству выпускаемой продукции. Созданные возможности дают это право. Не должно быть ни малейшей халатности, разгильдяйства, недобросовестности со стороны руководящих административно-технических работников наших фабрик и заводов.

Партия окружает величайшим вниманием, любовью, заботой каждого стахановца, каждого самоотверженно борющегося за наше продвижение вперед. Пример забот о людях дает нам великий зодчий нашей стройки т. Сталин. И в нашей работе, и в работе органов юстиции, и в работе прокуратуры надо больше и лучше осваивать сталинские методы, в особенности в применении закона 8 декабря. Нужно уметь сочетать самое бережное, самое внимательное отношение к людям с самым беспощадным, суровым отношением к преступникам, к дезорганизаторам, к людям, допускающим выпуск с наших советских заводов недоброкачественной или некомплектной продукции, к людям, которые сводят на-нет творческий энтузиазм, громадную работу передовых людей страны, выпуском плохой или некомплектной продукции — таких людей мы будем судить по закону 8 декабря.

И на дальнейшее время применение закона 8 декабря должно находиться под неослабным контролем и вниманием всей прокуратуры сверху донизу.

Закон 8 декабря в практике прокуратуры Саратовского края

Центральный комитет ВКП(б) принял постановление о сооружении в Саратове величайшего в мире завода шарикоподшипников.

Новый гигант социалистической индустрии, строительство которого началось 1 июля 1935 г., по производственной своей мощности рассчитан на пятьдесят миллионов шарикоподшипников ежегодной продукции, что в два раза превышает производственную программу Московского завода им. Кагановича.

В программу строительства 1936 г. по Саратовскому краю, намечено дальнейшее развертывание производства на заводе зуборезных станков, включено сооружение обувной фабрики с производительностью в 3 млн. пар обуви в год, завода гидролиза, кондитерской фабрики с выпуском 20 тыс. тонн продукции, нового пивоваренного завода на 200—300 тыс. литров пива, огромного механизированного терминального элеватора.

Огромный шаг нашего края по пути социалистической стройки выдвигает перед органами юстиции края новые, несравненно более расширенные, сложные и ответственные задачи.

К числу этих задач относится, в первую очередь, активнейшая и неустанная борьба за качество выпускаемой продукции.

Необходимо, прежде всего, окончательно ликвидировать остатки вреднейших настроений, вытекающих из недооценки индустриального значения края и питающихся явно оппортунистическими пережитками представлений о том, что край, мол, исключительно сельскохозяйственный, что у нас, мол, Магнитостроев нет, и поэтому борьба за качество продукции не может явиться одним из основных звеньев напряженной работы органов юстиции.

Разумеется, борьба за дальнейшее организационно-хозяйственное укрепление колхозов, борьба за большевистский колхоз, ведущий колхозника к зажиточной и культурной жизни, борьба за социалистическое животноводство, за качество полевых работ и повышение урожайности, за сокращение сроков сева и уборки хлеба, за сохранность хлеба — все эти задачи исключительно важного политического и хозяйственного значения. Неисчислимый вред могло бы принести малейшее ослабление работы на фронте социалистического сельского хозяйства.

Но в такой же мере вредной и опасной является и недооценка значения борьбы за высокое качество продукции наших предприятий.

Практика прокуратуры Саратовского края сталкивается с весьма убедительными образчиками далеко недостаточной борьбы за качество продукции в ряде предприятий края.

Достаточно отметить, что за четыре с половиной месяца 1935 г., прокуратура края вынуждена была возбудить уголовное пресле-

дование по закону 8 декабря 1935 г. по пятнадцати делам, причем из этих дел в стадии следствия было прекращено два и одно переквалифицировано. При прохождении рассмотренных краевым судом дел этой категории через кассационную инстанцию и президиум Верховного суда по десяти делам вынесены определения об утверждении приговоров полностью, с сохранением квалификации по закону 8 декабря, по двум делам приговоры утверждены с изменением квалификации (оба эти определения прокуратурой края опротестованы; один из протестов в данное время президиумом Верховного суда удовлетворен).

В борьбе за качество продукции прокуратурой края охвачены весьма разносторонние участки производства, причем первичным поводом к возбуждению уголовного преследования по закону 8 декабря не всегда являлись моменты, характеризующие выпуск недоброкачественной продукции. Так например, дело о недоброкачественном ремонте моторных трамвайных вагонов саратовского трампарка возникло при проверке следствия о бытовом разложении представителей администрации и общественных организаций трампарка. В процессе следствия следователю было поручено исследовать ряд вопросов, связанных непосредственно с производством, и тогда открылось, что вследствие недоброкачественности ремонта из предназначенных к эксплуатации 80 вагонов фактически работало только 40—45, т. е. 50%.

Некоторые вагоны, пущенные в эксплуатацию в 1932—1934 г. и капитально отремонтированные в ноябре 1934 г., заходили на повторный ремонт десятки раз в течение месяца.

По делу трампарка осуждены были по закону 8 декабря начальник движения Малоземов — на 8 лет лишения свободы, начальник депо Масловский — на 5 лет лишения свободы, его заместитель Пожарицкий — на 5 лет, сменный мастер Смирнов — на 5 лет, председатель завкома Солин — по ст. 109 УК к 3 годам, председатель ЗРК Кряхов по закону от 7/VIII 1932 г. — к 10 годам лишения свободы.

Кассколлегия Верховного суда по делу трампарка переквалифицировала действия всех обвиняемых на ст. 109 УК, сохранив Малоземову вынесенную судом меру наказания в виде 8 лет лишения свободы и снизив наказание Пожарицкому и Смирнову — с 5 лет лишения свободы до 3 лет, Масловскому — с 5 лет лишения свободы до 2 лет.

Определение Верховного суда по делу трампарка в части переквалификации преступления являлось настолько принципиально неправильным и дезориентирующим прокурорские и судебные органы, что прокуратура края вынуждена была принести протест на это определение через прокурора РСФСР в президиум Верховного суда, от-

менивший вынесенное кассколлегией определение.

УЖК Верхсуда приводит в своем определении следующие основания и мотивы переквалификации преступлений обвиняемых:

а) Вагонно-ремонтные мастерские и депо находились в ведении трамвайного парка, поэтому выпуск недоброкачественно отремонтированных вагонов не может рассматриваться, как выпуск продукции потребителю.

б) Деятельность обвиняемых не связана с выпуском продукции на рынок.

В своем протесте прокуратура края отмечала исключительное значение совершенных преступлений, состоящих в том, что обвиняемые в течение 7 мес., в период с июля 1934 г. по февраль 1935 г., выпускали из депо и мастерских недоброкачественные вагоны заведомо непригодные к эксплуатации, результатом чего явился развал работы трамвайного парка города, массовые аварии, часть которых сопровождалась массовыми человеческими жертвами.

Так например, при аварии, имевшей место 6 июля 1934 г., погибло шесть человек.

Качество ремонта было настолько низко, что вагоны, вышедшие из капитального ремонта, возвращались на повторный ремонт в течение месяца до 46 раз, некоторые новые вагоны поступления 1934 г. ремонтировались в месяц 51 раз (вагон № 107).

Серьезность преступления, совершенного обвиняемыми, признана была и Верхсудом, что нашло свое выражение в том, что руководителю депо и мастерских — начальнику движения Малоземову Верхсуд утвердил установленное судом наказание в виде 8 лет лишения свободы.

Ремонтные мастерские и депо являются совершенно самостоятельными хозяйственными единицами, отвечающими за качество выпускаемой продукции, имеют своих бракеров—контролеров и пр.

Точка зрения Верхсуда, что поскольку вагонно-ремонтные мастерские и депо находятся в ведении трамвайного парка, то выпуск недоброкачественно отремонтированных вагонов не может рассматриваться как выпуск продукции потребителю — явно неправильно. Если разделить эту точку зрения, то вообще исключается возможность применения закона 8 декабря 1933 г. по делам о недоброкачественном ремонте во всех тех случаях, когда ремонтные мастерские или предприятия являются не самостоятельными хозяйственными организациями, а входят составною частью в пределы более крупного и сложного предприятия.

Между тем совершенно установившейся являлась практика применения закона 8 декабря 1933 г. за недоброкачественный ремонт паровозов, тракторов, трамвайного парка и т. д. в тех случаях, когда недоброкачественность ремонта носит массовый характер и влечет за собой серьезные хозяйственно-политические последствия.

23 мая 1934 г. президиумом Верхсуда РСФСР по протесту прокурора Союза ССР т. Вышинского рассматривалось дело о недоброкачественном ремонте в октябрьском трамвайном депо г. Москвы.

По этому делу Верхсуд, соглашаясь с протестом прокурора ССРСР, сохранил квалифика-

цию преступлений по закону 8 декабря 1933 г., подчеркнув большое общественное значение дела.

Совершенно неправильным и дезориентирующим является также указание УЖК Верхсуда на то, что преступления обвиняемых не могут быть квалифицированы по закону 8 декабря 1933 г., так как эти преступления «не связаны с выпуском продукции на рынок».

С этой точки зрения выпуск, например, недоброкачественной продукции в области судостроения не может быть квалифицирован по закону 8 декабря; например, выпуск недоброкачественно отремонтированных паровозов не может быть, с точки зрения Верхсуда, квалифицирован как преступление, преследуемое по закону 8 декабря, только потому, что как известно, на рынке паровозы не продаются.

Что же касается вагонов трамвая, то хотя эти вагоны и не являются предметом ширпотреба в том смысле и значении, как например, мануфактура или обувь, но уже самое хозяйственное назначение вагона трамвая, как известно, направлено на непосредственное обслуживание самых широких масс населения, и поэтому недоброкачественный ремонт вагонов трамвая настолько существенно затрагивает интересы громадных масс трудящихся, что по своим хозяйственным и политическим последствиям может иметь не меньшее значение, нежели выпуск недоброкачественных предметов ширпотреба.

Как упомянуто уже, протест прокуратуры края по этому делу был удовлетворен.

Жалобы потребителей на выпуск недоброкачественной продукции двумя предприятиями, изготовляющими аккумуляторные ящики, привели прокуратуру края к необходимости возбуждения уголовного преследования по закону 8 декабря в отношении работников фабрики им. Халтурина и восьмирамного лесокombината. Работники фабрики им. Халтурина допустили массовый выпуск негодных к употреблению 6700 аккумуляторных ящиков, что составляло 67% брака.

Виновные осуждены по закону 8 декабря 1933 г.: директор фабрики Муравьев и технорук Киченко — по 6 лет лишения свободы каждый; начальник цеха Шмидт — на 5 лет.

В процессе следствия по делу дирекции фабрики Халтурина вопрос о выпуске брака и о причинах возбуждения уголовного дела был широко обсужден среди рабочих фабрики.

После проведения судебного процесса была таким же образом проведена проработка проработка проработка.

В результате брак снизился с 67,6% до 1,2%, цеха приведены в порядок, побелены, станки 1-й очереди вновь отремонтированы.

Второе же дело о выпуске цехом восьмирамного лесокombината брака ящиков для аккумуляторных батарей прекращено производством, так как в процессе расследования установлено, что выпуск брака объясняется тем, что завод не был в состоянии освоить сложные технические условия производства ящиков. К моменту окончания следствия завод стал выпускать исключительно доброкачественную продукцию.

4 мая прокуратурой края вновь произведена проверка качества выпускаемой лесокombинатом продукции, проверка убедила в том, что выпуск брака совершенно прекратился.

Безобразное состояние ремонта автомашин в саратовском МТМ вызвало необходимость возбуждения уголовного преследования по закону 8 декабря 1933 г. против заведующего производством Васина, осужденного по закону 3 декабря к 1 году исправительно-трудовых работ. Применяя в данном случае ст. 51 УК, суд мотивировал это применение ст. 51 УК тем, что Васин молодой специалист, сравнительно незначительное время работающий в МТМ.

После судебного процесса по этому делу, по заявлениям работников профилактической станции, выпускаемые машины ремонтируются доброкачественно и впервые за время существования МТМ машины после ремонта допущены к эксплуатации без возврата на повторный ремонт.

Закон 8 декабря был применен также и по делу, связанному с проведением весенне-посевной кампании.

Основанием для возбуждения уголовного дела послужил выпуск 40 недоброкачественно отремонтированных тракторов Краснозвездинской МТС Аркадакского района.

Все сорок тракторов МТМ по актам были сданы как вполне отремонтированные и прошедшие капитальный ремонт.

Фактически же ни один из отремонтированных тракторов не оказался пригодным к эксплуатации без повторного ремонта и не мог быть использован для работ весенней посевной кампании.

По этому делу по закону 8 декабря осуждены исполняющий обязанности директора МТС Савельев, приговоренный к 7 годам лишения свободы.

Как показала проверка эффективности процессов, проведенных по закону 8 декабря, ни один из этих процессов не прошел для предприятия бесследно: все процессы оказали исключительное влияние на повышение качества продукции, выпускаемой предприятиями.

Саратовский швейной фабрикой, например, выпускающей 1 000 000 изделий в год, направлено потребителю брака: в I квартале 1934 г. — 21,6%, во II и III кварталах 33,5%. За 10 мес. уплачено уценки и штрафы за зыпущенный потребителю брак — 105 172 руб.

Виновные осуждены по закону 8 декабря 1933 г.

Директор фабрики Горячев приговорен к 5 годам лишения свободы; зав. производством Гришин — к 7 годам лишения свободы; инструктор по качеству Шитов вследствие применения ст. 51 УК приговорен к 1 году исправительно-трудовых работ.

К моменту возбуждения дела брак выпускаемых фабрикой швейных изделий был равен 18,4%.

Уже в процессе проведения расследования борьба с выпуском брака усилилась.

В результате проведенной в процессе следствия работы брак быстро сократился, и в январе 1935 г., т. е. тотчас же после проведения судебного процесса, брак выпускаемой продукции сократился до 0,35%.

Уже в процессе расследования и после вынесения приговора обновленная дирекция фабрики, учтя уроки судебного процесса, провела ряд серьезных мероприятий, обеспечивающих улучшение качества работы.

Приводим важнейшие из этих мероприятий:

1. Начальники цехов заменены более квалифицированными.

2. Назначены более квалифицированные мастера.

3. Перестроена вся система проверки выпускаемой продукции.

4. Увеличены штаты бракеров.

5. Пересмотрен состав бракеров, заменено 10 бракеров, на должность бракеров выдвинуты лучшие ударники.

6. Введена 100-процентная отбраковка текстиля в то время, как ранее просматривалось только 25%.

7. Введена практика посылки начальников цехов на базу в момент просмотра и приема потребителем изделий его цеха.

8. Усилены материальная и дисциплинарная ответственность за выпуск брака.

9. Пачкающие части машины покрыты чехлами.

10. Введена химическая чистка фабричных ярлыков.

11. Организован учебный конвейер для резервных рабочих.

В проработке приговора участвовало 1000 рабочих.

Проведено 16 собраний по цехам по проработке приговора.

В процессе проработки приговора собрано 9 ценных рационализаторских предложений, сейчас уже введенных в жизнь.

Прокуратурой края был возбужден также ряд дел, охватывающих предприятия пищевой промышленности. Эта категория открывается делом о выпуске недоброкачественной продукции Трехихинским плодоовощным комбинатом.

Комбинат систематически выпускал недоброкачественные, негодные к употреблению консервированные и засоленные овощи.

Комбинат отпустил военным частям, ОРСам Рязано-Уральской жел. дор. и другим организациям свыше 150 тонн негодной к употреблению, подлежащей уничтожению и фактически уничтоженной соленой капусты.

Виновные преданы суду по закону 8 декабря 1933 г.

Бывший директор комбината Хайкин приговорен к 5 годам лишения свободы, технорук Малышев — к 5 годам.

Директор комбината Шелогуров осужден по закону 8 декабря 1933 г. с применением ст. 51 УК к 1 году исправительно-трудовых работ.

Прокуратурой края был принесен протест в Верховный суд на чрезмерную суровость приговора в отношении Хайкина; приговор Верховным судом утвержден с удовлетворением протеста прокуратуры в отношении Хайкина.

Проверка эффективности судебного процесса на Трехихинском комбинате показала, что выпуск бракованной продукции прекращен совершенно, внутривзаводский брак снизился с 16% до 2,6%.

В результате судебного процесса проведены следующие мероприятия:

1) Сменены цеховые мастера.

2) Производится отбраковка сырья, чего ранее не было.

3) Введено отопление овощехранилищ.

4) Не употребляются в посол мерзлые овощи.

Пригово по делу проработан на общем собрании рабочих.

К категории дел пищевой промышленности относится дело о массовом выпуске беконных изделий, изготовляемых Ртищевской беконной фабрикой, работающей исключительно на экспорт.

С ноября 1934 г. по февраль 1935 г. фабрикой выпущено и направлено в Одесский порт свыше 10 тонн непригодного к экспорту забракованного бекона, что составляет 9,4% ко всей выпущенной продукции.

Испорчено 13 тонн бекона, задержанного отправкой.

3 тонны явно негодного к употреблению рулета отправлено Балашовской авиашколе.

Выпущено с производства 60 бочек испорченных экспортных кишек.

Директор Мясокомбината Шмакова и заместитель по производству Долгих приговорены по закону 8 декабря к шести годам лишения свободы каждый.

Приговоры по всем перечисленным делам утверждены Верховным Судом.

Постановлением ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) о ликвидации карточной системы продажи хлеба с особенной остротой поставлены в порядок дня вопросы о качестве выпускаемой мельницами муки и о качестве хлебопечения.

В связи с этими важнейшими политическими и хозяйственными задачами, прокуратурой края был возбужден ряд уголовных дел по закону 8 декабря. К этой категории дел относится прежде всего дело мельницы № 1 о выпуске и направлении с подложными сертификатами не стандартной и недоброкачественной муки.

Приговором саратовского краевого суда обвиняемые Привалов и Малинов признаны виновными в преступлении, предусмотренном законом 8 декабря 1933 г. и ст. 120 УК и приговорены к 5 годам лишения свободы каждый.

Обвиняемые Уханов и Нацаренус признаны виновными в преступлении, предусмотренном законом 8 декабря 1933 г. и ст. 120 УК и, с применением к ним, ст. 51 УК, приговорены к 2 годам лишения свободы.

Хазов — по ст.ст. 111 и 120 УК приговорен к лишению свободы сроком на 2 года.

Фрицлер — по ст. 111 УК приговорен к 1 году исправительно-трудовых работ.

Однако кассационная коллегия Верховного Суда своим определением от 26 марта 1935 г. изменила приговор, исключив из него квалификацию преступлений по закону 8 декабря и ст. 120 УК.

Преступление осужденных Привалова, Уханова, Нацаренуса переквалифицировано на п. «б» 128 УК с определением им меры наказания в виде года исправительно-трудовых работ по месту работы с удержанием 15% из зарплаты каждому.

К осужденному Нацаренус также применена квалификация по п. «б» ст. 128 УК и мера наказания снижена до 6 мес. принудительных работ по месту службы с вычетом из зарплаты 15%.

В отношении обвиняемого Хазова оставлена квалификация ст. 111 УК с снижением меры наказания до 1 года исправ.-труд. работ, по месту работы с удержанием 10% из зарплаты.

Определение Верховного Суда в части переквалификации преступления обвиняемых и снижения им меры наказания прокуратура края считала явно неправильным и через прокурора РСФСР принесла протест на это определение в президиум Верховного Суда.

В своем протесте прокуратура края, отмечая исключительную принципиальную важность вопроса, указывала, что обвиняемые систематически сбывали потребителям вырабатываемую ими нестандартную и недоброкачественную муку и всего, таким образом, за 4 мес. по январь 1935 г., обвиняемыми выпущено и направлено потребителям 6578 тонн или 400 вагонов нестандартной и недоброкачественной муки, в том числе недоброкачественной по вредным примесям — 2704 тонны.

Чтобы избежать ответственности за свою антигосударственную деятельность и скрыть факты массового выпуска недоброкачественной и нестандартной муки, обвиняемые составляли подложные сертификаты и подложные акты о якобы произведенной ими переработке муки.

Будучи уличенными в составлении подложных документов, все обвиняемые виновными себя признали.

Отгруженная мука являлась нестандартной по признакам повышенной зольности, повышенного количества минеральных примесей, повышенной влажности.

Зольность отгруженной пшеничной муки 1 сорта доходила до 2% вместо 0,6% дозволенной по норме. Зольность 96% помола доходила до 2,5% вместо 1,9%. Влажность достигала 14%.

Такого рода нарушение стандарта муки, резко понижающее ее качество, должно быть квалифицировано по закону 8 декабря 1933 г.

Судебная коллегия Верховного Суда, не отвергая факта нарушения стандарта муки в пределах, резко снижающих ее качество, дает неверную ориентацию, квалифицирует преступление обвиняемых по данному делу по п. «б» ст. 128 УК, что является тем более недопустимым после решения ноябрьского пленума ЦК ВКП(б).

Признав установленным выпуск и направление потребителю муки, зараженной спорыньей, кассационная коллегия Верховного Суда считает, что допущение в муке примеси спорыньи сверх предельной нормы преследуется по п. «б» ст. 128 УК.

Между тем, согласно постановлению Всесоюзного комитета по стандартизации, утвержденному СТО 2 сентября 1934 г. и введенному в действие с 15 октября 1934 г., мука, зараженная спорыньей свыше 0,06%, не может быть допущена к употреблению как опасная для жизни и здоровья.

Никаких указаний о возможности употребления в пищу муки с повышенным против установленного предельного содержания спорыньи не имеется и быть не может, и поэтому всякое иное решение вопроса является недопустимым, так как находится в прямом противоречии с постановлением СТО от 2 сентября 1934 г.

Продукты питания, недопускаемые к употреблению по признакам их вредности для жизни и здоровья в случае выпуска их, являются особо опасной разновидностью брака продукции, и характер этого преступления далеко перерастает значение преступлений, связанных с несоблюдением стандарта.

Органы, специально контролирующие качество муки, учитывая вредные последствия спорыньи, резко снижают норму допуска спорыньи в зерне, идущем на переработку.

Так, согласно постановлению Центрального управления хлебной инспекции от 8/IV 1935 г. № 149, «норма допуска спорыньи в зерне, идущем на переработку, снижается с 0,06% до 0,01%, т. е. в шесть раз в то время, как судебная надзорная коллегия Верховного суда ориентирует на возможность повышения норм допуска спорыньи сверх установленного правительством предела».

На основании постановления Центрального управления государственной хлебной инспекции от 20/VIII 1934 г. № 42 определение вредной примеси в муке производится по зерну, идущему в первое дранье.

По данному делу, несмотря на то, что при анализе зерна на первом дранье было точно установлено, что спорынья вместо 0,06% достигает 0,12%, т. е. в два раза превышает допустимую норму, такое зерно перерабатывалось, и мука, заведомо негодная к употреблению, направлялась потребителю.

Указание судебной коллегии на то, что закон 8 декабря 1933 г. в отношении лиц, виновных в выпуске муки, зараженной спорыньей, может применяться лишь в тех случаях, когда специальными актами стандартного надзора или судебно-медицинской экспертизой будет установлены вредные последствия употребления такой муки, является совершенно недопустимым, так как ориентирует суды на то, что привлечение виновных в выпуске зараженной спорыньей муки по закону 8 декабря 1933 г. возможно только тогда, когда уже наступят вредные последствия, т. е. когда обнаружатся случаи отравления этой мукой.

Преступления обвиняемых являются особо опасными и потому, что обвиняемые свою антигосударственную деятельность скрывали путем составления подложных документов и актов.

Кассационная коллегия Верховного суда, признав подтвердившимся факт составления подложных документов, отвергла возможность применения к обвиняемым ст. 120 УК, мотивируя это тем, что «в силу точного смысла ст. 120 УК» для ее применения необходимо установление корыстных целей, в то время, как корыстные мотивы в действиях обвиняемых отсутствуют.

Такого рода понимание и истолкование ст. 120 УК не имеет ничего общего с самым существом этой статьи: ст. 120 УК во второй своей части устанавливает «те же действия, совершенные при отсутствии корыстных мотивов»... т. е. в ст. 120 дается прямое указание, что подлог, а равно составление и выдача заведомо ложных документов крадется даже тогда, когда корыстные мотивы этого подлога отсутствуют.

Признав отсутствие в действиях обвиняемых корыстных целей, судебная коллегия могла только указать на необходимость применения ч. 2 ст. 120 УК, но не имела никакого основания исключать квалификацию этой статьи.

Вместе с тем необходимо отметить, что совершенно неверно заключение судебной коллегии о том, что в действиях обвиняемых отсутствуют корыстные мотивы.

Корыстные мотивы, приведшие к составлению подложных актов и документов, заключаются в том, что обвиняемые, демонстрируя путем

подложных актов высокое качество выпускаемой продукции, получали премии за якобы выдающуюся работу.

Прокуратурой края поставлен вопрос в Прокуратуре СССР о пересмотре этого дела.

Прокуратурой края в борьбе против выпуска недоброкачественной муки произведена работа в следующих направлениях:

1. Проведено 9 судебных процессов, связанных с борьбой за качество муки (из них 2 процесса по закону 8 декабря 1933 г.).

2. Приговоры по делам, связанным с борьбой за качество муки, прорабатывались на мукомольных предприятиях и особо проработаны среди инспекторов ГХИ.

3. Созывалось специальное совещание директоров мельниц, технологов и крупчатников, где прорабатывался вопрос о качестве муки.

4. Вопрос о необходимости изменения системы работы мукомольных предприятий и системы контроля за качеством был поставлен перед уполномоченным комиссии советского контроля, который подверг обследованию крупнейшие мельницы, дал указания предприятиям мукомольной промышленности и способствовал обновлению руководства Крайсельтреста.

Однако проводимые прокуратурой края мероприятия в значительной части имеют ослабленный эффект вследствие того, что предприятия мукомольной промышленности края вместо того, чтобы повысить качество вырабатываемой продукции, встали на путь узаконения недоброкачественности своей работы, добиваясь перед своими главами пониженных требований к выпускаемой продукции.

Главки, в частности, Союзмука, идя по линии снижения требований к качеству выпускаемой продукции, одновременно внесли величайшую путаницу в этот вопрос, рядом противоречивых указаний поколебав стабильность показателей качества муки.

Мы уже упоминали, что согласно стандартам муки, выработанным Всесоюзным комитетом по стандартизации и утвержденным ЦТО СССР от 2 сентября 1934 г., установлены определенные показатели, отступление от которых является недопустимым.

Изменение стандартов возможно только в порядке изменения отмеченных выше постановлений СНК СССР.

Между тем, Главмука и Заготзерно, в целях удовлетворения требований с мест о снижении качественных показателей муки стали на путь произвольного изменения стандартов в сторону понижения качественных показателей.

В результате постановления саратовским трестом Союзмука вопроса о невозможности выполнять ранее существующие стандарты, Главмука и Заготзерно 16 февраля 1935 г. дали совместное указание на места об изменении стандартов, установив зольность первого сорта 0,9%, против существующей 0,6%, а для второго сорта — 1,4% (двухсортный 75% помол), вместо существующей нормы 0,35%.

Телеграммой от 2/IV 1935 г., за подписью заместителя начальника «Главмука» т. Баранова и заместителя Управляющего В/О Заготзерно т. Леднева, дано дополнительное указание, еще более снижающее требование к качеству вырабатываемой муки, устанавливающее процент зольности для муки 2-го сорта 1,45%.

Пользуясь такого рода распоряжением, краевой трест Союзмука перевел все мукомольные предприятия края на помол с повышением процента зольности, одновременно с этим повысив процент влажности. Краевая ГХИ, не имея по своей линии указания о снижении качества муки и изменения стандартов, поставила перед Центральной инспекцией государственной хлебной инспекции (ЦУГХИ) вопрос о допустимости отгрузки муки с произвольно измененными Главмукой и Загозерно стандартами.

10/IV 1935 г. начальник Центральной хлебной инспекции г. Софроненко дал телеграфное распоряжение, подчеркивающее недействительность всяких изменений существующих стандартов муки и зерна хозорганизациями и требующее, в случаях произвольных изменений стандарта, привлечения к ответственности.

В связи с этой телеграммой, начальник краевой Государственной инспекции по качеству и управляющий Государственной хлебной инспекции обратились к прокурору края с требованием о привлечении к уголовной ответственности работников мукомольной промышленности края за самовольное изменение стандартов и выпуск нестандартной, недоброкачественной муки.

Прокуратура края, имея в своем распоряжении столь противоречивые, сбивчивые и неопределенные указания различных учреждений, вынуждена была обратиться со специальным запросом к прокурору СССР г. Вышинскому, которым и были даны исчерпывающие указания, определяющие необходимость без малейших отступлений привлекать к ответственности за нарушение инструкции СНК СССР от 2 сентября 1934 г.

В результате был проведен ряд судебных процессов по выпуску недоброкачественной муки.

К моменту возбуждения дела работников мельницы № 1 процент выпуска брака по ржаному 95-процентному размолу был равен 5,1%, по пшеничному 96-процентному размолу брак доходил до 30%.

Уже к моменту слушания дела брак резко снизился: по 95-проц. помолу — до 0,9%, по 96-процентному помолу — до 3,69%.

После суда мы имеем еще большее снижение брака: 95-процентн. помол не дает уже совершенно брака, по 96-процентному помолу брак еще равен 1,94%.

Снижение выпуска брака достигнуто как усилением массовой работы, повышением дисциплины и контроля, так и проведением ряда мероприятий, изменяющих технологический процесс помола.

Таковыми мероприятиями являлись:

- а) Установка дополнительного вальцевого станка для отбора отрубей.
- б) Установка отрубных щеток.
- в) Смена сит на сепараторах.

Передано также для слушания в краевой суд дело по обвинению работников мельницы № 19 Турковского района за выпуск и направление потребителю 100 тонн недоброкачественной, зараженной отравляющими примесями, муки. По закону 8 декабря 1933 г. переданы суду директор мельницы Пономарев и крупчатник мельницы Петров.

По ст. 109 УК предан суду заместитель уполн. Комзаг. СНК по Турковскому району Хватов, своими действиями побуждавший работников мельницы направлять недоброкачественную муку потребителю.

Прокуратурой края возбуждено было также дело по обвинению работников мельницы № 2 г. Саратова, обвиняющихся в выпуске 4525 тонн нестандартной муки.

При возбуждении этого дела в распоряжении прокуратуры края имелись материалы, дающие основание полагать, что руководством мельницы № 2 допущены факты массовой отправки нестандартной, недоброкачественной муки.

В процессе расследования установлено, что действительно мельницей за вторую половину 1934 г. выработано 4525 тонн нестандартной муки. Значительная часть этой муки отгружена потребителю с согласия последнего, с уплатой рефакции за нарушение стандарта.

Остаток нестандартной муки, имеющейся на складах мельницы, на 1000 тонн меньше того количества, которое должно было быть, если учесть количество нестандартной муки, сданное потребителю, с указанием на нестандартность.

Это дает основание полагать, что 1000 тонн нестандартной муки, направлено мельницей под видом стандартной.

Однако при отсутствии рекламаций и каких-либо других данных, свидетельствующих о том, кому, когда, куда и кем направлена эта нестандартная мука, крайпрокуратура не нашла возможным квалифицировать действия работников мельницы по закону 8 декабря.

В процессе расследования нашли свое подтверждение следующие преступления:

- а) массовое производство нестандартной муки;
- б) недоброкачественный ремонт мельницы;
- в) превышение плановой стоимости помола;
- г) массовые простои мельницы по вине ее технического руководителя — Лучинского.

За все эти преступления преданы суду заведующий производством мельницы Лучинский — по ст. 111 и п. «б» ст. 128 УК и заведующий лабораторией мельницы — по п. «б» ст. 128 УК.

В борьбе за качество хлебопечения прокуратурой края было возбуждено дело о систематическом массовом выпуске бракованного хлеба саратовским хлебозаводом им. Сталина.

За два месяца заводом выпущено 159 тонн хлеба-брака.

Бывший директор хлебозавода Веденеев и технические директора Генш и Цикуренко приговорены к пяти годам лишения свободы каждый.

Уже в период проведения следствия процент брака снизился до 1,1%.

Процент брака к моменту слушания дела был равен 0,99%.

Процент брака после суда снизился до 0,37%. Разоблачение во время предварительного и судебного следствия вскрытых безобразий явилось основой для проведения заводоуправлением следующих мероприятий:

а) созывались по бригадно производственные совещания, на которых обсуждались причины брака и немедленно принимались меры к устранению их;

б) в экспедиции установлен строгий контроль за очередностью при отпуске хлеба, вследствие

чего резко сократилось «затоваривание» и порча хлеба в экспедиции;

в) установлен строгий контроль в отношении недопущения посторонних лиц в экспедицию, вследствие чего сократился брак «лом».

Вместе с тем на резкую убыль пошел процент внутриводского брака.

В период проведения следствия по делу процент внутриводского брака составлял:

по производству — 0,7,

по экспедиции — 0,4.

Процент внутриводского брака к моменту слушания дела:

по производству — 0,55,

по экспедиции — 0,44.

Процент внутриводского брака после суда:

по производству — 0,25,

по экспедиции — 0,12.

Хлебозаводом им. Сталина заключен договор о соревновании с хлебозаводом № 2 в Сталинграде. Вокруг соревнования развернута массовая работа.

Приговор суда проработан побригадно.

К этой же категории дел о хлебопечении относится дело по обвинению заведующего хлебопекарней № 2 гор. Саратова Сарычева в выпуске и направлении потребителю 18 тонн бракованного хлеба.

В хлебе, выпускаемом пекарней, наряду с тем, что хлеб как недоброкачественно выпеченный, вообще не годился к употреблению, запекались мочала, гвозди, стекло и пр.

Заведующий хлебопекарней Сарычев преследовал и травил тех работников, которые разоблачали его преступную деятельность и вскрывали систематическое направление потребителю заведомого брака.

Сарычев по закону 8 декабря приговорен к 5 годам лишения свободы.

К моменту возбуждения дела брак выпускаемого хлеба был равен 2,99%. К моменту слушания дела брак снизился до 2%.

После слушания дела брак снизился до 0,4%.

Недочеты, выявленные в процессе расследования и судебного рассмотрения дела, проработаны на специальном производственном совещании.

Приговор по делу проработан на рабочих собраниях.

Создана группа содействия прокуратуре, специально по борьбе с браком хлебопечения.

Имея в виду, что по прошедшим судебным делам о выпуске бракованного хлеба выявлена недоброкачественность работы хлебопекающих организаций и наличие серьезных недочетов, прокуратура края, не ограничиваясь проведением судебных дел этой категории, вопрос о качестве хлебопечения поставила перед крайкомом ВКП(б), который, приняв специальное решение по этому вопросу, 4 мая созвал специальное совещание производственников по хлебопечению.

По инициативе прокуратуры края был созван также краевой съезд работников хлебопечения по вопросам качества хлебопечения.

Категория дел пищевой промышленности завершается делом о систематическом массовом выпуске недоброкачественной продукции заводом фруктовых вод г. Балашова.

Завод систематически в течение 6 мес. направлял в торгующие организации, буфеты, сто-

ловые продукцию, негодную к употреблению. В бутылках ситро оказывались стекла, грязь, тряпки.

Предан суду по закону 8 декабря заведующий производством Степанов, ранее судившийся по ст. 58¹⁰ и приговоренный к административной высылке.

Степанов приговорен к 5 годам лишения свободы.

Необходимо отметить, что снабжению трудящихся фруктовой водой высокого качества, в особенности в условиях летнего времени, должно быть уделено весьма серьезное внимание, и не даром в Киеве, например, как сообщает печать, по инициативе т. П. П. Постышева был вызван специальный мастер по фруктовым водам из Тифлиса.

По прошедшим через суд делам по закону 8 декабря проходило 29 человек обвиняемых.

Осужденные по закону 8 декабря были приговорены: к лишению свободы на восемь лет — 1 чел.; на семь лет — 2 чел.; на шесть лет — 5 чел.; на пять лет — 13 чел.; применена ст. 51 УК — 7 чел.

Сроки прохождения дел в стадии следствия и в прокуратуре края следует признать удовлетворительными.

Из числа законченных расследованием 12 дел по закону 8 декабря расследовалось в сроки: до 10 дней — 2; до 15 дней — 6; до 20 дней — 2; свыше 1 мес. — 2.

В суде рассмотрено в сроки: до 12 дней — 4; до 25 дней — 6; до 1 мес. — 1.

Из числа 14 предприятий, где имели место факты выпуска недоброкачественной продукции и где, в связи с этим, были возбуждены дела по закону 8 декабря, в настоящий момент имеются группы содействия прокуратуре в 11 предприятиях.

Часть этих групп содействия была организована в процессе ведения следствия по делам 8 декабря 1933 г. или уже после слушания дела.

Группы содействия прокуратуре были организованы до возбуждения дел по закону 8 декабря в следующих предприятиях:

1. Швейная фабрика.
2. Хлебозавод им. Сталина.
3. Мельница № 2.
4. Завод им. Ленина.
5. 8-рамный лесокombинат.
6. Саратовский трампарк.

Организованы группы содействия в процессе проведения дел и после их окончания:

1. Фабрика им. Степана Халтурина.
2. Хлебопекарня № 2.
3. Мельница № 1 г. Саратов.
4. Завод фруктовых вод г. Балашов.
5. Трещихинский плодовоовощный комбинат.

На 11 предприятиях, где созданы группы содействия, в работе последних участвуют 52 рабочих, из них члены ВКП(б) — 12 человек, комсомольцев — 8 чел., беспартийных — 32 чел.

Из числа 15 возбужденных дел по закону 8 декабря, 3 дела возбуждено по инициативе актива прокуратуры.

1. Дело о выпуске бракованных изделий фабрикой им. Степана Халтурина.
2. Дело о выпуске бракованного хлеба Хлебозаводом им. Сталина.
3. Дело о выпуске недоброкачественных изделий заводом им. Ленина.

Как показали судебные процессы, на отдельных предприятиях не велось никакой борьбы за улучшение качества продукции. Достаточно сказать, что на отдельных предприятиях не только рабочие, но и директора не знали о существовании исключительной важности специального закона 8 декабря 1933 г. — «Об ответственности за выпуск недоброкачественной продукции».

Так, не знали о существовании этого закона директор фабрики им Степана Халтурина Муравьев и директор Хлебозавода Веденеев.

Между тем обязанность организации действительной большевистской борьбы за качество выпускаемой продукции лежит в первую очередь на директорах предприятий.

«Наши директора только тогда смогут называть свои заводы действительно культурными, если они будут выполнять первое требование, которое им предъявляют Центральный комитет и товарищ Сталин: «Советскому потребителю давать самую лучшую по качеству продукцию и уже во всяком случае не хуже чем на экспорт» («Правда», 10 июня, «Культура действительная и показная»).

В свете этого указания «Правды» исключительное важное значение получает директивное распоряжение прокурора СССР т. Вышинского от 20 апреля с. г.

Вновь предостерегая органы прокуратуры от неосновательного привлечения административно-технического персонала предприятий к уголовной ответственности по закону 8 декабря и требуя «при производстве расследования по делам о выпуске недоброкачественной продукции учитывать общее состояние данного предприятия по всей сумме его производственных показателей, особо обращая внимание на соотношения выпущенной недоброкачественной продукции ко всей массе продукции, выпущенной за тот же период времени этим предприятием», директивное распоряжение с особенной силой подчеркивает необходимость принять все меры к недопущению свертывания работы органов прокуратуры в борьбе за качество продукции.

Закон 8 декабря 1933 г. в полном объеме сохраняет свое значение мощного орудия борьбы за действительную культуру социалистической индустрии великого нашего СССР.

Б. Борисов

Задачи прокуратуры в области надзора по гражданским делам

Одну из принципиальных особенностей советского гражданского процесса представляет собою предусмотренное еще ГПК 1923 г. право прокурора, «как начать дело, так и вступить в дело, в любой стадии процесса, если, по его мнению, этого требует охрана интересов государства или трудящихся масс».

В то время, как в условиях буржуазного общества сфера гражданско-правовых отношений, имеющих своей основой частную собственность, считается «частным делом» непосредственно заинтересованных в ней лиц, автономно распоряжающихся принадлежащими им гражданскими правами, для Советского государства не могут быть безразличными случаи и причины нарушения гражданских материально-правовых интересов трудящихся. В случае, когда есть основания предполагать, что отсутствие инициативы со стороны заинтересованного лица в восстановлении нарушенного кем-то его гражданско-правового интереса является результатом классово-неравного соотношения сил (влияние более сильной стороны) или правовой неграмотности, прокуратура обязана по своей инициативе возбудить гражданское дело в интересах данного истца.

Однако этим не ограничивается прокурорский надзор. Среди массы гражданских дел, уже возбужденных заинтересованными лицами и являющихся предметом судебного разбирательства, имеется немало таких, где участие прокуратуры представляется необходимым как с точки зрения сугубой охраны того или иного материально-правового интереса (например, спор государства с концессионерами), так и потому, что необходимо обеспечить правильную судеб-

ную политику по той или иной категории дел (авторское право, алиментные дела и т. п.).

Необходимо, однако, констатировать, что в последние годы этот участок борьбы прокуратуры за революционную законность был почти совершенно заброшен. Если после I всесоюзного совещания работников юстиции, провозгласившего суд «основным производственным участком прокурорской работы», произошел перелом в отношении работников прокуратуры к судебнo-уголовным делам и к следствию, то, к сожалению, в отношении внимания к гражданским делам «воз и ныне там».

Работники прокуратуры на местах проявляли интерес и активность в области надзора по гражданским делам, главным образом, в восстановительные годы нэпа, когда фронт борьбы с частным капиталом (имущественные споры госучреждений и предприятий с частными подрядчиками, комиссионерами, различного рода товариществами — «полными», «на вере» и т. д.) очень часто пролегал по линии гражданско-судебных дел, когда гражданский суд, используя гражданские законы, должен был своей судебной практикой содействовать разрешению проблемы, «кто-кого» и осуществлению политики ограничения эксплуататорских элементов, пытавшихся путем буржуазного истолкования советского законодательства увеличить за счет государства свои нетрудовые доходы и прибыли. Участие прокуратуры в гражданских делах начало сокращаться в годы реконструкции и почти совершенно прекратилось в годы первой пятилетки.

«Отход» от гражданско-правового фронта наблюдался в прошлые годы, однако, не чоль-

ко по линии прокуратуры. То же явление можно было наблюдать и в суде (уничтожение гражданских отделов, проекты ликвидации нотариата, упрощенческий подход к вопросам гражданского процесса, фактическое прекращение подготовки кадров цивилистов и т. д.). Факт игнорирования практическими работниками суда и прокуратуры гражданских дел неизбежно был связан с ошибочными, левыми установками в этом вопросе, получившими даже свое отражение в кое-каких теоретических высказываниях, установках, согласно которым ликвидация кулачества как класса неизбежно должна была вызвать отмирание гражданского права. И хотя нелепость и политическая неправильность этого утверждения были теоретически в достаточной степени разоблачены, однако, фактически гражданско-правовой фронт оставался в загоне до тех пор, пока не была организована Прокуратура Союза, которая на всесоюзном совещании работников юстиции, поставившем во весь рост вопрос о поднятии качества судебной работы, тут же выдвинула категорическое требование о создании специальных гражданских отделов в судах. О заброшенности этого участка до этого времени красноречиво свидетельствуют такие факты, как почти полное отсутствие за последние годы принципиальных разъяснений и инструктивных писем по вопросам гражданского права и процесса со стороны верховных судов союзных республик, отсутствие какой бы то ни было работы над приведением в соответствие с требованиями времени в значительной части уже устаревших ГК и ГПК (тогда как над другими кодексами — УК, УЛК, ИТК, Положение о судостроительстве — идет очень большая и кропотливая работа), отсутствие, за отдельными исключениями в правовых периодических журналах статей, посвященных гражданским делам, отсутствие обобщений на основе анализа отдельных категорий дел и т. д.

Подобное положение вещей представляет собой, несомненно явный грех в деле борьбы за революционную законность. Бедь фактически удельный вес гражданских дел в судах чрезвычайно высок как с точки зрения количества, так и по своей социальной значимости. Согласно имеющимся данным по РСФСР и УССР количество рассмотренных судами гражданских дел на много превышает число уголовных дел. Что же представляют собою эти дела и дают ли они своим содержанием какие-либо основания для их игнорирования?

Возьмем в первую очередь категорию дел внутриобщественного сектора. По этой части надо рассеять существующий предрассудок, будто бы дела эти, составляющие, как правило, компетенцию Госарбитража, играют ничтожную роль в работе суда. Необходимо напомнить, что помимо исков до 1000 руб., суду подсудны дела, вытекающие из неплановых железнодорожных перевозок, по претензиям банковских учреждений, иски о возмещении коммунальных услуг. Особенно необходимо отметить такой факт, как недавняя передача из системы Госарбитража в суд такой ответственной и политически важной категории дел, как колхозные споры (до 5000 руб.) с различного рода государственными учреждениями и предприятиями. Фактически через суд проходят теперь не только уголовные и бытовые дела колхоз-

ников, но и вся совокупность хозяйственно-правовых конфликтов колхозов с поставщиками, изготовителями и т. д. В отношении дел внутриобщественного сектора перед судом стоят те же самые задачи, как и перед государственным арбитражем: всемерная борьба за укрепление договорной дисциплины и принципов хозрасчета. Политическое значение этой части работы суда как-будто ясно само собою.

Если возьмем другую группу дел, содержанием которых являются гражданско-правовые споры между частными лицами или между частными лицами и государственными или кооперативными организациями, то социальная природа этих конфликтов, как правило, в корне отлична от того, что мы наблюдали в подобных же делах в восстановительный период. В лице сегодняшней «частной стороны» в гражданском процессе, спорящей с государственным учреждением или предприятием, вы видите, как правило, трудящихся, отстаивающих свои материально-правовые интересы, неправильно, по их мнению, оспариваемые отдельными представителями государственных учреждений и предприятий (иски о заработной плате, об авторском вознаграждении, возмещении причиненного вреда и т. д.). Сугубое внимание к этому рода делам непосредственно вытекает из лозунга т. Сталина о всемерном внимании к интересам живого человека.

В таком же положении окажутся и дела по спорам между отдельными частными лицами (алименты, наследование, жилищные дела).

Констатируя такое положение, мы вместе с тем ни на одну минуту не должны забывать и того, что в ряде случаев нам придется в гражданском процессе иметь дело с классово враждебными элементами, пытающимися удержать свои последние позиции (иски застройщиков, жилищные конфликты с «бывшими людьми», споры с концессионерами, кабальные сделки, о лжекооперативных организациях и т. д.). В этих делах необходимо проявлять максимум бдительности и политической настороженности, дабы в результате формального подхода к делу не пострадали интересы государства и трудящихся.

Приведенные примеры в достаточной степени показывают, каков действительный удельный вес гражданских дел в судах и какого внимания они заслуживают со стороны прокуратуры.

Недавно (17 сентября 1935 г.) по докладу председателя Верховного суда Союза Президиум ЦИК СССР предложил обратить особое внимание на работу кассационно-надзорных инстанций, как основного органа по руководству, проверке и исправлению ошибок низовых судебных учреждений, **обеспечив строжайшее соблюдение уголовных и гражданских, материальных и процессуальных законов**.

Совершенно правильно поступил последний пленум Верховного суда Союза, (52-ой), принявший во исполнение указаний ЦИК Союза, в первую очередь, постановление «О строжайшем соблюдении процессуальных норм в гражданском процессе». Подымать качество работы гражданского суда — это значит в первую очередь преодолеть процессуальный нигилизм, приводящий, как правило, к волоките и бюрократизму. Вот почему необходимо считать абсо-

лотно правильной вступительную часть этого постановления, констатирующую, что «всякое упрощенчество в применении процессуальных норм с целью «ускорить» разбор дела и «ускорить» работу суда на деле вызывает волокиту, ввиду последующей отмены решений в кассационном порядке и в порядке надзора вследствие недостаточной обследованности дела».

Как вывод устанавливается, что «основной обязанностью суда первой инстанции является всестороннее обследование обстоятельств дела и точное установление фактов».

Сейчас, таким образом, речь должна уже идти о тех организационных мероприятиях, которые необходимо предпринять для того, чтобы поднять качество гражданско-судебной работы на должную высоту; по линии судов уже первый шаг сделан: при верховных судах республик, краевых и областных судах организованы (правда, с опозданием на один год), в соответствии с постановлением I Всесоюзного совещания работников юстиции, гражданские отделы. Этого, однако, недостаточно. Основная масса гражданских дел проходит по своей подсудности через низовую судебную ячейку — народный суд (в порядке единоличного рассмотрения или с участием народных заседателей), по-прежнему загруженный как уголовными, так и гражданскими делами. Сколько бы мы ни специализировали надзорно-кассационные инстанции, дело не двинется ни на шаг, если мы не будем иметь специально подготовленных работников в лице судей, рассматривающих дела по существу; самое лучшее и квалифицированное определение кассационных инстанций останется висеть в воздухе, если выполнять его придется народному суду, разбирающему все дела участка как уголовные, так и гражданские. Опыт последних лет показал, что при таком универсализме на заднем плане всегда оказываются гражданские дела, несмотря на то, что они численно занимают доминирующее положение. Организационную перестройку надо довести до конца, выделив в городских центрах специальные камеры народных судов по гражданским делам. Узкоспециализированные камеры по отдельным институтам гражданского права (жилищные, железнодорожные и т. д.) необходимо ликвидировать, создав вместо них единую камеру для рассмотрения всех гражданских дел.

Задача усиления прокурорского надзора по гражданским делам выдвигает на очередь вопрос о некоторой организационной перестройке работы прокуратуры. Начиная с I всесоюзного совещания работников юстиции, работа средних и высших звеньев прокуратуры построена по производственно-отраслевому признаку (промышленный отдел, сельскохозяйственный отдел и т. д.), причем соответствующие отделы должны были охватить надзор за всеми нарушениями законности в пределах поднадзорного объекта, в чем бы такие нарушения ни заключались (уголовные дела, гражданские дела, административные постановления). Если в отношении уголовных дел и ведомственных постановлений можно безошибочно установить, к компетенции какого отдела они относятся, то с гражданскими делами вопрос обстоит иначе. Дела эти, возникающие на основе спора о праве гражданском, являются по самой природе своей двухсторонними, и чрезвычайно

трудно определить, к какому отделу ближе всего относится данный конкретный случай (например: истец — промышленное предприятие, ответчик — колхоз; какому отделу подведомствен спор — промышленному или сельскохозяйственному). Помимо этого, поскольку гражданские дела были разбросаны по всем отделам, не было никакой возможности установить единый надзор за судебной политикой гражданских судов. Между тем, специфический характер гражданско-правовых вопросов и то обстоятельство, что в судах созданы специальные гражданские отделы, выдвигают необходимость создать такие же специальные отделы и по линии прокуратуры:

Приказом прокурора Союза от 20 ноября с. г. предпринято создание в Союзной Прокуратуре специального отдела по гражданским делам. На него возлагается:

- а) непосредственный надзор за работой Гражданской коллегии Верховного суда Союза ССР;
- б) наблюдение за законностью разъяснений верховных судов союзных республик и Верховного суда Союза по вопросам гражданского права и процесса;
- в) надзор за законностью разъяснений Государственного арбитража;
- г) руководство, инструктаж и надзор за работой прокуратур по гражданским делам в республиках, краях и областях;
- д) подготовка для внесения в пленум Верховного суда Союза ССР разъяснений по вопросам гражданского права и процесса;
- е) рассмотрение жалоб в порядке надзора и истребование и просмотр судебных дел;
- ж) изучение и обобщение судебной практики и практики прокурорского надзора по отдельным категориям гражданских дел;
- з) надзор за законностью действий органов государственного нотариата и судебных исполнителей;
- и) подготовка на основе практики и обследований законопроектов по вопросам гражданского права и процесса.

Одним из наиболее срочных вопросов, которые придется поставить перед Гражданским отделом Прокуратуры Союза в ближайшее время, является вопрос об упорядочении порядка надзора по гражданским делам. Институт надзора был введен в наш процесс для того, чтобы можно было в исключительных случаях, когда мы имеем дело с существеннейшим нарушением интересов государства и трудящихся, поставить вопрос о пересмотре вступившего в законную силу решения. На практике же, однако, надзор превратился почти в нормально действующий порядок дополнительной проверки решений, дающий возможность пересматривать дела с приостановлением решений неоднократно количество раз, в связи с существованием множества надзорных инстанций. Этим создается часто неимоверная волокита, сопряженная с подрывом устойчивости и авторитета судебного решения. Ускорение процесса, которое должно было быть, в частности, вызвано устранением апелляционной инстанции, сводится часто на-нет существующей практикой многоинстанционной и бесконечной проверки дел в порядке надзора.

По аналогии с Гражданским отделом Прокуратуры Союза надо будет в ближайшее время создать подобные же отделы в республиках,

краях и областях, поставив перед ними, применительно к их масштабу работы, в основном те же задачи, которые поставлены перед гражданским отделом Прокуратуры Союза. Однако в центре их внимания должен будет стать вопрос о всемерном использовании предоставленного прокуратуре права по возбуждению гражданских дел в интересах государства и трудящихся и даче заключений по наиболее важным и принципиальным делам в первой и кассационной инстанциях.

Помимо поворота внимания к работе гражданского суда, гражданской прокуратуре придется знакомиться детально с работой нотариата и судебных исполнителей. Надо проверить на практике и обобщить работу органов нотариата по выдаче исполнительных надписей. Не слишком ли велик перечень случаев, дающих заинтересованным лицам льготное право разрешать свои гражданско-правовые конфликты в упрощенном, бесспорном порядке, а не через суд; надо ли вернуться к отмененной си-

стеме судебных приказов? Во всяком случае, необходимо устранить тот разрыв в этом вопросе, который существует в различных союзных республиках.

Одним из наиболее неблагоприятных участков гражданского процесса необходимо признать стадию исполнительного производства. Большой процент дел, по которым выданы исполнительные листы, не приводятся в исполнение, чем по существу смазывается все значение проведенных судебных процессов.

Приведенные соображения в достаточной степени характеризуют своевременность организации гражданских отделов и характер тех задач, на разрешение коих должно быть направлено их внимание,

Органы прокуратуры должны принять все меры, обеспечивающие «строжайшее соблюдение гражданских материальных и процессуальных законов» (из постановления Президиума ЦИК Союза ССР от 17 сентября 1935 г.).

В. Зорин

Укрепить отделы по надзору за ИТУ

Вопросы надзора за местами заключения, надзора за законностью и правильностью содержания под стражей приобретают в настоящее время особо важное значение во всей работе прокуратуры.

В свете решений VII съезда советов Союза ССР о дальнейшем развитии советской демократии, в свете исторической речи т. Сталина о кадрах перед нами со всей остротой стоит задача охраны достоинства и прав советского гражданства, задача борьбы со всякого рода проявлениями административного произвола и тем более с незаконным и неправильным лишением свободы.

Ведь абсолютно несовместимы с задачей охраны достоинства и прав советского гражданина до сих пор еще не изжитые безобразные случаи незаконного и бесосновательного лишения свободы, факты превышения законных кроков содержания под стражей следственных и кассационных из-за возмутительной волокиты некоторых следственных, прокурорских и судебных органов.

К сожалению, такие факты до сих пор еще имеют место.

Руководители многих областных, краевых и даже республиканских прокуратур до последнего времени уделяли совершенно недостаточное внимание этим важнейшим вопросам.

Не случайно поэтому отделы по надзору за ИТУ представляют собой самый отсталый и заброшенный участок прокуратуры, а в некоторых местах фактически не существуют.

Между тем наши ИТУ являются как бы фокусом, концентрирующим результаты деятельности всех наших органов, ведущих борьбу с преступностью, и поэтому правильно поставленный надзор за ИТУ может и должен являться одним из действенных методов выявления положительных и отрицательных сто-

рон работы следственного, судебного и прокурорского аппаратов.

О состоянии отделов по надзору за ИТУ лучше всего говорят нам сообщения руководителей областных и краевых прокуратур. Приведем некоторые из этих сообщений:

«Выездов в район за август для обследования мест заключений областной прокуратурой не производилось, так как ст. пом. облпрокурора по надзору за местами заключения (единственный работник сектора) в августе находился в Красной армии на переподготовке» (из сообщения прокурора Западной обл. т. Еремина).

«Задержка с выполнением в срок доклада о кассационных делах произошла в результате болезни ст. пом. облпрокурора по надзору за ИТУ т. Грихцайга» (сообщение винницкого облпрокурора).

«Докладываю, что непредставление вам докладов о кассационных делах имело место в период моего отпуска. Замещавший меня товарищ сейчас находится в отпуску и потому более подробных объяснений я дать не могу» (сообщение т. Хелемского — Киевская облпрокуратура).

«Отделом по надзору за ИТУ облпрокуратуры за август проверка исполнения циркуляра 19 мая (о кассационных и т. п.) не производилась ввиду моего отпуска» (Омская облпрокуратура).

«Специального прокурора, наблюдающего за местами лишения свободы, нет» (сообщение прокурора автономной области Коми).

Не говоря уже о стиле и грамотности некоторых сообщений с мест, из приведенных выдержек достаточно видно, что надзор за ИТУ действительно является заброшенным участком в работе многих прокуратур. Эти сообщения свидетельствуют также и о безответственном отношении самих областных (краевых) прокуроров к этому важнейшему участку работы.

Не секрет ведь, что ряд краевых и областных прокуроров в отделы по надзору за ИТУ назначали зачастую самых слабых и безнадёжных прокурорских работников.

В результате всего этого мы имеем крупнейшие недочеты в деле надзора за исправительно-трудовыми учреждениями, непонимание местными прокурорскими работниками своих задач в этой области, неумение выделить важнейших из них для данного отрезка времени.

Каковы еще эти основные задачи?

Важнейшей задачей должна являться повседневная проверка законности производимых арестов. Прокурор, надзирающий за местами заключения, должен перенести центр своей работы из кабинета непосредственно в места заключения, должен знать о каждом вновь прибывающем заключенном, обязан проверять законность содержания его под стражей и за это отвечать.

Ни один случай незаконного лишения свободы не должен оставаться безнаказанным. Виновные в этом должны привлекаться к строжайшей ответственности.

Не менее важной задачей должен являться надзор за соблюдением законных сроков содержания под стражей следственных и кассационных. Это, разумеется, непосредственно связано с борьбой со случаями волокиты в следственных и прокурорских органах.

А эта волокита в ряде мест свила себе прочное гнездо.

Приведем ряд фактов:

В Троицком р-не Челябинской обл. из 26 проверенных дел 30,5% находились в стадии расследования свыше 2 мес. В Горьковском крае имеются следственные дела, по которым волокита продолжается по 5—6 мес. и больше. Такие же факты имеют место в Курской, Воронежской обл. и др.

При наличии подобных возмутительных и преступных фактов следственной волокиты, Воронежская прокуратура не проявляет никакого беспокойства и даже сообщает в прокуратуру Союза о том, что грубых нарушений закона по области не имеется.

Немало случаев волокиты имеется и в судах. Так, например, в Троицком р-не Челябинской обл. сроки рассмотрения дел с момента их поступления в суд следующие: до 5 дней — 0%, до 10 дней — 26,9%, до 20 дней — 30,7%, месяц и больше — 42,4%.

Нужно сказать, что Троицкий нарсуд не является единственным исключением.

Весьма неблагоприятно со сроками рассмотрения касспроверенных дел. В ряде случаев заключенные, кассировавшие приговоры, длительное время содержатся под стражей в ожидании рассмотрения их жалобы кассационной инстанцией.

Прокуроры, надзирающие за местами заключения, обязаны следить за соблюдением законных сроков содержания под стражей следственных и кассационных. По каждому случаю волокиты нужно принимать решительные меры, вплоть до предания виновных суду.

В отделах по надзору за ИТУ краевых (областных) и республиканских прокуратур должны быть сосредоточены сведения о прохождении в кассационных коллегиях дел, по которым имеются лишенные свободы.

За сроки прохождения этих дел в кассационных коллегиях ответственность должен нести ст. пом. прокурора, руководящий отделом по надзору за ИТУ. Прокуратура должна твердо требовать точного соблюдения сроков рассмотрения кассированных дел, установленных Верховным судом Союза ССР (5—10 дней с момента поступления). Никаких отступлений от этого срока никакой «семейственности» прокурорский надзор не должен допускать.

Нужно твердо усвоить, что вопрос об упорядочении сроков прохождения уголовных дел, вопрос о борьбе с судебной и следственной волокитой является в данное время одним из основных вопросов всей нашей работы.

Плохо, крайне несвоевременно еще приводятся в исполнение судебные приговоры и определения. Многие судьи совершенно не интересуются тем, как выполняются вынесенные ими приговоры и определения. Часто этот участок работы целиком перекладывается на секретарей и делопроизводителей. Со стороны прокуроров также отсутствует систематический надзор за своевременным и правильным исполнением приговоров.

В результате этого имеют место случаи, когда заключенные, подлежащие по постановлению судебных органов освобождению из-под стражи, продолжают оставаться длительное время в местах лишения свободы. Приведем в качестве примера один характерный факт.

24 марта 1933 г. нарсудом Надежденского р-на Свердловской обл. был осужден по закону 7 августа к 10 годам лишения свободы Киселев В. А. 17 августа 1933 г. кассколлегией Свердловского облсуда квалифицировала преступление Киселева по п. «г» ст. 162 УК и снизила ему меру наказания до 3 мес. исправительных работ без содержания под стражей. 31 августа 1933 г. нарсудья т. Островский в своей резолюции поручил секретарю послать это определение для исполнения. Секретарь нарсуда Робищ этого не выполнил, а нарсудья т. Островский за исполнением своего распоряжения не проследил. В результате этой преступной безответственности осужденный Киселев продолжал незаконно находиться под стражей до конца июня 1935 г. Мы могли бы привести целый ряд подобных безобразных фактов. Наряду с этим мы имеем немало случаев, когда классические враждебные и антиобщественные элементы, осужденные к лишению свободы, продолжают длительное время оставаться на свободе.

В Дедовичском р-не Ленинградской обл. в августе этого года выявлен ряд возмутительных фактов.

Степанов Моисей и др. были осуждены нарсудом 27 марта 1935 г. по ст. 107 УК к 8 годам лишения свободы каждый. УИК облсуда этот приговор 9 мая отменила с передачей дела на новое рассмотрение. Вместо вторичного рассмотрения дело было сдано в архив.

Владимиров, сын кулака, осужден 22 июля 1935 г. по ч. 3 ст. 61 УК к лишению свободы. Приговор к исполнению обращен не был, дело положено в архив.

Степанов Михаил, кулак, осужден 16 марта 1935 г. по ч. 3 ст. 61 УК к лишению свободы. Приговор к исполнению не обращен, дело положено в архив.

В этом нарсуде был обнаружен еще целый ряд аналогичных случаев. Несмотря на это

т. Пальгов счел возможным ограничиться лишь тем, что он поставил в известность об этих случаях председателя облсуда. Прокуратурой Союза предложено т. Пальгову привлечь виновных к уголовной ответственности.

Примиренческое отношение к подобным фактам проявляет и прокуратура Грузии.

Тифлиским пригородным нарсудом копия приговора по делу лишённого свободы Макарова была послана в тюрьму только через 14 дней после вступления приговора в законную силу. Копия приговора по делу лишённой свободы Кужелевой была послана в тюрьму с опозданием на 29 дней.

Нарсуд р-на «26 коммунаров» приговорил 26 мая с. г. Кутателадзе Юльгу к 3 годам лишения свободы. 16 июня приговор этот был утвержден кассколлегией, но не был обращен к исполнению до 29 августа, и осужденная Кутателадзе оставалась на свободе.

В нарсуде Ленрайона кассационное дело лишённого свободы Дадашвили Николая не было послано в Верхсуд с 14 июля по 2 сентября.

По этим фактам прокуратура Грузии сочла возможным ограничиться возбуждением только дисциплинарного преследования.

Несвоевременное исполнение приговоров происходит также и по вине органов милиции, при отсутствии должного надзора за их действительностью со стороны прокуратуры.

Вот характерный и далеко не единственный пример: 4 ноября 1933 г. Угличским районным управлением милиции Ивановской промышленной обл. был получен приговор на осужденного по закону 7 августа к 10 годам лишения свободы Казнина. Приговор этот был вынесен 22 августа 1933 г. Розыск Казнину не был объявлен и приговор не приводился в исполнение

в течение 2 лет, между тем как Казнин продолжал работать в колхозе и даже занимал должность председателя правления одного из колхозов этого же Угличского р-на. Ярким доказательством отсутствия прокурорского надзора за исполнением приговоров в этом районе служит тот факт, что случай этот был выявлен райпрокурором т. Любимцевым только 8 августа 1935 г., т. е. через 2 года после вынесения приговора.

Подобные «образцы» работы больше не могут быть терпимы, и борьба с ними должна вестись самым решительным образом.

Усиление прокурорского надзора за законностью и правильностью арестов, за своевременным расследованием и рассмотрением уголовных дел, за исполнением судебных приговоров и определений должно сочетаться с коренным улучшением надзора органов прокуратуры за самим порядком содержания заключенных в местах лишения свободы.

Прокурор, надзирающий за местами заключения, должен обеспечить соблюдение администрации тюрем, лагерей и колоний нашего исправительно-трудового законодательства, должен самым решительным образом, пресекать всякие нарушения законов со стороны администрации мест заключения.

В наших советских исправительно-трудовых учреждениях не могут быть допустимы никакие проявления административного произвола.

Перед органами прокуратуры стоят серьезнейшие задачи в области надзора за исправительно-трудовыми учреждениями. Эти задачи могут и должны быть успешно разрешены. Но для этого нужно прежде всего усилить внимание к этим вопросам со стороны руководителей прокуратур республик, краев и областей.

А. Герцензон
З. Вышинская

Борьба с убийствами в судебной практике 1935 г.¹

I

На страницах нашего журнала уже освещался вопрос о борьбе с преступлениями против личности и, в частности, с убийствами.

В целях более углубленного изучения убийств Институт уголовной политики в 1935 г. провел выборочное изучение дел об убийствах в 13 краях и областях РСФСР и на Украине. В результате изучения и обобщения этих материалов мы располагаем некоторыми данными о мотивах и формах этих преступлений по нескольким сотням дел.

На основе этих данных можно дать следующую классификацию мотивов убийств:

- 1) убийства в ссоре (20,0%);
- 2) убийства из мести (17,9%);
- 3) убийства из корысти (12,1%);
- 4) убийства из ревности (9,2%);

5) убийства из хулиганских побуждений (4,7%);

6) убийства на почве семейных недоразумений (3,8%).

Помимо этих мотивов нужно указать и на некоторые другие: убийства с целью сокрытия других преступлений — 0,9%, убийства в состоянии сильного душевного волнения — 9,8%, убийства как результат самосуда — 1,3% и т. д.

Помимо указанных категорий убийств следует отметить сравнительно высокий процент убийств, совершенных по неосторожности — 12,2%, вследствие превышения пределов необходимой обороны — 2,1%. Из общего числа 531 убийств, подвергнутых нами изучению, свыше 14% приходится на детоубийство. Около половины осужденных детоубийц совершили эти преступления в связи с неуплатой алиментов, или в связи с изменением семейно-бытовых отношений.

Убийство детей совершается с целью избавиться от алиментов, на почве недолюбовства

¹ По материалам Института уголовной политики.

рождением ребенка, нежелания его кормить и т. д.

Наряду с этой, довольно значительной категорией убийств детей, необходимо указать на детоубийство на почве «стыда за внебрачное рождение ребенка» и в меньшей мере на почве тяжелых материальных условий матери.

Сопоставляя мотивы убийства с возрастом осужденных, мы должны указать на относительно высокий процент убийств, падающий на несовершеннолетних до 18-летнего возраста по мотивам мести и по мотивам ссоры.

Среди осужденных за убийства в возрасте от 19 до 24 лет должен быть отмечен относительно повышенный процент убийств, совершенных по мотивам ссоры и хулиганских побуждений

и в известной мере на почве семейных недоразумений. Основная масса детоубийц—в возрасте свыше 18 лет. Убийства по корыстным мотивам преимущественно совершаются деклассированными элементами и очень тесно сплетаются с разбоями и грабежами. В убийствах в ссоре высокий процент составляют одиночники и жолхозники. К этой же категории осужденных относится и повышенный процент убийств, совершенных из хулиганских побуждений.

II

Уголовно-судебная репрессия по делам о преступлениях против личности характеризуется

У б и й с т в о

М о т и в ы	Общее число осужденных	В том числе					И.прав. труд. работы	
		У.ловное лишение свободы и усл. принуд. работы	Неусловное лишение свободы					
			До 3 лет	3—5 лет	5—8 лет	8—10 лет		ИТОГО
Убийство (без детоубийства)								
Корысть	64 12,1	3 4,7	2 3,1	4 6,3	10 15,6	42 65,6	58 20,6	1 1,6
Ревность	49 9,2	1 2,0	3 6,1	5 10,2	17 34,7	21 42,9	46 83,9	1 2,0
Мсть	95 17,9	5 5,3	10 10,5	14 14,7	22 23,2	32 33,7	78 82,1	12 12,6
С целью сокрытия другого преступления	5 0,9			1 20,0		2 40,0	3 60,0	2 20,0
Ссора	10,6 20,0	1 0,9	5 4,7	16 15,1	33 31,1	43 40,6	97 91,5	8 7,6
В состоянии сильного душевного волнения	15 2,8	2 13,3	3 20,1	2 13,3	2 13,3		7 46,7	6 40,0
По неосторожности	62 12,2	6 9,2	13 20,0	7 10,8	5 7,7		25 38,5	34 52,3
Вследствие превышения необходимой обороны 1	2,1	25,4	9,1	9,1	9,1		27,3	27,3
Самосуд	7 1,3		1 14,3	1 14,3	4 57,1	1 14,3	7 100	
Из хулиганских побужд.	25 4,7		2 8,0		3 12,0	20 80,0	25 100	
На почве семейн. недор.	20 3,8	2 10,0			6 30,0	11 55,0	17 85,0	1 5,0
Проч. мотивы	10 1,9		2 20,0	2 20,0	4 40,0	1 10,0	9 90,0	1 10,0
Детоубийство								
Тяжелые материальные условия	15 2,8	5 33,3	1 6,7		2 13,3	3 20,0	6 40,0	4 26,7
Убийства ребенка из стыда	15 2,8	4 26,7	1 6,7	4 26,6	2 13,3	1 6,7	8 53,3	3 20,0
Прочие мотивы	23 4,3	4 37,4	2 8,7	5 21,7	8 34,8	4 17,4	19 82,6	
Неизвестно	6 1,2		1 16,7	1 16,7		3 49,9	5 83,3	
	531 190,0	39 7,2	47 8,9	63 11,7	119 22,4	184 34,8	413 77,8	76 14,3

довольно широким применением лишения свободы на различные сроки, а также исправительно-трудовых работ без содержания под стражей. Уголовно-судебная репрессия по делам об убийствах по сравнению с общими данными о преступлениях против личности характеризуется повышенным уровнем приговоров к лишению свободы; с другой стороны, в последние годы заметно увеличилось число приговоров к исправительно-трудовым работам. Удельный вес приговоров к лишению свободы колебался в рассматриваемый период времени между 70—80%. Что же касается приговоров к исправительно-трудовым работам, то их удельный вес за рассматриваемые последние 9 лет возрос с 0,8 до 15—20% к концу исследуемого периода.

С целью глубже проанализировать уголовно-судебную политику по делам об убийствах, мы провели специальную разработку листов на осужденных за убийство по г. Москве и Московской области. Из общего числа 856 чел. осужденных за убийство в 1934 г. в Москве и Моск. области 314 или 36,7% приходится на осужденных по ст. 136 УК. Еще большее число осужденных (395 чел.) — 46,2% приходится на осужденных за неосторожное убийство по ст. 139 УК. Что же касается осужденных по другим статьям УК, предусматривающим различные формы убийства, то число осужденных по ним очень незначительно. Суды относительно редко применяют высшую меру наказания, предусмотренную ст. 136 УК, т. е. 10 лет лишения свободы. Обычно применяется лишение свободы на срок 5—8 лет. В отношении осужденных за детоубийство (п. «д» ст. 136 УК) нужно отметить большую дифференциацию мер наказания; с одной стороны, широко применение исправительно-трудовых работ и условного осуждения, и лишения свободы на сравнительно небольшие сроки, а с другой стороны, — ряд случаев осуждения на сроки 5—8 лет. Как показывает изучение уголовных дел, долгосрочное наказание по делам этого рода применяется к подстрекателям, к убийцам малолетних детей, а также ко всем прочим лицам, убивающим своих или чужих детей из корыстных мотивов. Детоубийцы-матери, совершившие это преступление в силу особо тяжкого стечения обстоятельств в послеродовой период, подвергаются значительно смягченному наказанию.

Осужденные за убийство по ст. 137 УК преимущественно подвергаются наказанию на сроки 3—5 лет, хотя вместе с тем нужно указать и на то, что около 20% их приговорены к 8 годам лишения свободы, т. е. к предельному сроку, предусмотренному этой статьей УК. Осужденные за убийства в состоянии сильного душевного волнения приговариваются к значительно более мягким мерам наказания, нежели осужденные по предыдущим статьям УК: половина осужденных приговаривается к испр.-труд. работам, около ¼ приговаривается к лишению свободы до 3 лет и 20% приговаривается на срок 4—5 лет.

Что же касается осужденных за неосторожное убийство, то в отношении их суды главным образом применяют исправительно-трудовые работы и значительно реже лишение свободы на срок до 3 лет (около ¼).

Вывод, который можно сделать на основании анализа этих данных, состоит в том, что суды,

являя правильно дифференциацию мер наказания в зависимости от характера убийства, все же в ряде случаев недооценивают опасности этого преступления, о чем свидетельствует крайне редкое применение судами максимальной меры наказания, предусмотренной ст. ст. 136, 137 УК. Вместе с тем нужно учитывать, что некоторая часть дел об убийствах квалифицируется по ст. 16 и 59^а, т. е. по аналогии с бандитизмом, и по этой категории дел применяется высшая мера наказания — расстрел. Однако число таких дел все же невелико, и таким образом остается в силе наш вывод о том, что суды в общем недостаточно жестко определяют наказания за убийство.

Между тем характер самих убийств, а также состав их исполнителей говорит о несомненно повышенной социальной опасности этого рода преступлений; так например нужно указать, что 29% всех осужденных за убийство совершили это преступление не единолично, а в соучастии с другими лицами, с одной стороны, ¼ осужденных являются лицами, которые довели свое преступление до конца, т. е. в результате их действия наступила смерть потерпевшего. Правда, суд учитывает и это обстоятельство, усиливая репрессию в отношении окончивших преступление и смягчая репрессию в отношении покушения, но наш общий вывод относительно мягкости репрессии по делам этого рода остается неизменным.

При рассмотрении дел об убийствах суд уделяет достаточно серьезное внимание выявлению мотивов преступления. Об этом позволяет судить произведенная нами статистическая разработка по указанному выше количеству дел. Если применение исправительно-трудовых работ, согласно нашей разработке, в среднем составляет 14,3%, то в отношении убийств по неосторожности, убийств, совершенных в состоянии необходимой обороны и т. д., этот процент оказывается значительно повышенным. Также повышенным оказывается по этим видам убийств и процент применения судом условного осуждения. Если средний процент применения лишения свободы по рассмотренным нами делам составляет 76,8%, то он оказывается наиболее повышенным по убийствам, совершенным из хулиганских мотивов, вследствие самосуда, в споре, ревности и из корысти. По этим же категориям убийств мы находим наибольшее число осужденных на сроки от 8 до 10 лет. Как мы указывали уже ранее, судебная политика дифференцирует меру наказания по делам о детоубийствах. Это подтверждается и произведенной нами специальной разработкой; так например, применение лишения свободы за детоубийство, совершенное в силу тяжелых материально-бытовых условий, выражается в цифре 40%. Этот процент заметно повышается в отношении детоубийств, совершенных на почве стыда и становится преобладающим при убийствах детей, совершенных на корыстной почве.

III

Недостатки в действующем уголовном законодательстве побудили к изданию за последние годы ряда законов, в которых по новому ставится и разрешается задача охраны личности в Советском государстве. К числу таких законов

нужно отметить закон от 25 июня 1934 г. о борьбе с хулиганством на транспорте, закон 30 мая 1935 г. о борьбе с хулиганством, закон 7 апреля 1935 г. о преступности несовершеннолетних и ряд других.

Обращаясь к действующим уголовным кодексам союзных республик, нужно указать, что раздел об убийствах в них сконструирован в основном сходно с уголовным кодексом РСФСР, с внесением, правда, в эти статьи некоторых особенностей. Так например, в уголовном кодексе Азербайджанской ССР особо выделены убийства, связанные с расчленением женщины (ст. 182 УК); в уголовном кодексе Туркменской ССР особо выделены убийства на почве кровной мести (ст. 132 УК).

Уголовный кодекс РСФСР и уголовные кодексы других союзных республик имеют двухчленную классификацию убийств (убийства умышленные и убийства неосторожные). При этом необходимо подчеркнуть, что наряду со статьями уголовных кодексов, трактующими об убийстве в разделе преступлений против личности, во всех уголовных кодексах выделены некоторые специальные формы убийств, которые по своему характеру, по целям или по объекту преступления явно выходят за рамки преступлений, посягающих на отдельную личность, преступлениями, посягающими на основы Советского государства и являющиеся контрреволюционными. Если попытаться дать схему убийств, квалифицирующих уголовную ответственность за совершение убийств, то мы получим следующую схему:

1. Убийство, как преступление против личности.

2. Убийство, как форма имущественного преступления.

3. Убийство, как особо опасное преступление против порядка управления.

4. Убийство, как контрреволюционное преступление.

Нужно указать на то, что наше уголовное законодательство особый упор в применении наказания делает на борьбу с убийствами контрреволюционного порядка или посягающими на установленный правопорядок, а также на убийства, составляющие форму посягательства на имущество, принадлежащее частным лицам. Во всех этих случаях в качестве меры наказания Уголовный кодекс предусматривает или долгосрочное лишение свободы, или высшую меру наказания — расстрел.

Что же касается убийства, как формы посягательства на отдельную личность, какими бы отягчающими обстоятельствами оно ни сопровождалось, — в качестве меры наказания за эти формы убийств Уголовный кодекс предусматривает лишение свободы на срок до 10 лет, а в ряде случаев даже исправительно-трудовые работы без содержания под стражей¹.

Выше мы уже приводили достаточно убедительный материал, который показывает, что по крайней мере в истекший период времени судебные органы не могут быть упрекаемы в излишней жесткости репрессии по делам об убийствах. Если проанализировать ст. 136 УК РСФСР и соответствующие статьи уголовных

кодексов союзных республик, то мы установим следующую схему условий, квалифицирующих ответственность за убийства:

1. По субъекту преступления: а) лица, привлеченные ранее за умышленное убийство или телесное повреждение и отбывшие меру наказания; б) военнослужащие.

2. По объекту преступления: а) убийства лиц, находящихся в беспомощном состоянии, убийство беременной женщины (УК УССР).

3. По субъективной стороне преступления: а) жорысть, б) ревность, в) другие низменные побуждения, г) хулиганские побуждения (постановление пленума Верховного Суда РСФСР от 16 марта 1925 г.), д) кровная месть (УК Туркмении), е) кровная вражда, ж) с целью облегчить или скрыть другое тяжкое преступление.

4. По объективной стороне преступления: способом, опасным для жизни многих людей, или особо мучительным способом.

Из приведенного нами перечня обстоятельств, квалифицирующих уголовную ответственность за совершение убийства, видно, насколько опасны и тяжки формы преступлений, предусмотренных ст. 136 УК РСФСР и соответствующими статьями уголовных кодексов союзных республик.

Явное несоответствие, которое существует в нашем законодательстве между охраной жизни и охраной имущества, принадлежащего отдельным гражданам, привело к тому, что наша практическая уголовная политика нередко квалифицирует убийства как бандитизм, хотя формально к этому нет никаких оснований. Объясняется такой подход суда к некоторым категориям убийств не чем иным, как стремлением повысить применяемую меру наказания.

Признавая, что действующее законодательство несомненно неудовлетворительно разрешает вопрос об охране личности и в особенности об охране жизни, мы должны указать и на то обстоятельство, что изданные в 1930—1931 гг. проекты уголовных кодексов также неудовлетворительно разрешали эту проблему. Так например, совершенно неудовлетворительным оказался проект УК 1930 г. в редакции Гос. института по изучению преступности. В ст. 159 этого проекта говорится, что «защита личности должна быть согласована с общей классовой политикой советской власти» и что одной из задач советской власти является повышенная охрана человеческой личности. Вместе с тем проект уголовного кодекса в качестве меры наказания за совершенное убийство запрещает применять даже лишение свободы. Таким образом, проект УК в этой редакции ни в какой мере не обеспечивал действительной охраны личности от посягательства на ее жизнь.

Проект УК, выработанный ИССП Комкадемии различает особо опасные формы убийства и менее опасные их формы, но не дает достаточно четких и ясных критериев для разграничения этих категорий убийств. Нужно сказать, что этот проект также не поднял проблему охраны личности на достаточную высоту, относя эти преступления в один из последних разделов УК.

Проект уголовного кодекса СССР в этом отношении является гораздо более выдержанным. Преступления против личности переносятся в один из первых разделов Особенной части УК.

¹ Особо выделен, правда, вопрос об убийстве, совершенном военнослужащим, за совершение которого может быть применен расстрел.

В качестве меры наказания за умышленное убийство назначается лишение свободы на срок не ниже 5 лет. Некоторые категории убийств, в частности убийства из хулиганских побуждений и т. д., приравнены по своей квалификации к бандитизму, со всеми вытекающими отсюда последствиями, в смысле применения суровых мер наказания.

Мы полагаем, что в новом УК должны найти полное отражение задачи подлинной охраны личности в соответствии с установками, данными по этому вопросу т. Сталиным о том, что из всех ценных капиталов, имеющихся в мире, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди — кадры.

Действующий УК особо охраняет личность — представителя советской власти, деятелей революционной организации, рабочих, ударников, учителей и т. д. Вместе с тем, судебная практика особо охраняет жизнь женщины Востока, на которую посягают антисоветские элементы в связи с ее раскрепощением.

В период вступления в социализм армия рабочих, ударников фабрик и заводов, колхозов и совхозов стахановцев, армия общественных работников, активистов и т. д. превращается в многомиллионную массу. В строительство социализма включаются все новые и новые кадры, мы вплотную подходим к такому периоду, когда в основном все население Советского союза превращается в строителей социалистического общества. Поэтому охрана личности от посягательства на нее со стороны преступных, враждебных и деклассированных элементов должна быть совершенно четко зафиксирована в Уголовном кодексе.

Уголовный кодекс должен совершенно ясно и последовательно указать, что убийство члена социалистического общества является тяжчайшим преступлением, таким же тяжким, как посягательство на основы советского правопорядка, как посягательство на основу советского строя — социалистическую собственность. Поэтому мы полагаем, что в Уголовном кодексе должны быть установлены суровейшие меры наказания, по крайней мере за те категории убийств, которые выделяются особенной жестокостью, особым динизмом, особой дерзостью.

Помимо этой, особо выделяемой, категории убийств, за совершение которых должно быть назначено наиболее тяжкое наказание, в уголовном кодексе должны быть выделены остальные формы убийств, причем за совершение прочих, помимо упомянутых видов умышленного убийства, как мы полагаем, должно быть установлено наказание с абсолютно определенной санкцией.

Основываясь на материалах специального изучения убийств, произведенного Институтом уголовной политики, вносится следующая редакция соответствующих статей:

1. Умышленное убийство, совершенное с исключительной жестокостью, цинизмом или из хулиганских побуждений, карается высшей мерой наказания — расстрелом.

2. Иные виды умышленного убийства караются тюремным заключением на срок 10 лет, а при наличии особо смягчающих обстоятельств караются лишением свободы на срок не ниже 5 лет.

3. Неосторожное убийство карается лишением свободы до 3 лет.

А. С. Тагер

Кассационные заметки¹

О кассационном значении протокола судебного заседания

В правовой литературе никогда не выделялась и не ставилась специальная тема о кассационном доказывании, т. е. о методах доказывания перед кассационным судом кассационных жалоб и протестов. Между тем это одна из самых важных проблем кассационного процесса.

Весь богатый комплекс вопросов, связанных с общей проблемой о кассационном доказывании, может быть поставлен лишь при той структуре кассационного процесса, которая дана ему в советском процессуальном законодательстве. Большинство этих вопросов в кассационном процессе буржуазных стран попросту не существует.

Из всего этого большого количества вопросов, связанных с темой о кассационном доказывании, мы в первую очередь останавливаемся на двух: о кассационном значении протокола судебного заседания, с одной стороны, и о представлении новых доказательств в кассационном процессе, с другой стороны.

Статья, помещаемая в настоящем номере, ста-

вит своей задачей — вновь привлечь внимание к одному из самых интересных и к сожалению весьма неблагоприятных моментов в деятельности судов первой инстанции — к протоколу судебного заседания и притом под углом зрения его кассационного значения.

В протоколе судебного заседания не только должен найтись свое отражение формальный ход процесса, не только должно быть зарегистрировано соблюдение процессуальных правил и отмечены все процессуальные действия, совершенные судом и сторонами. Но в протоколе судебного заседания должно найти себе отражение и существо дела, так, как оно развернулось перед судом и выявилось в объяснениях подсудимых, показаниях свидетелей и заключениях экспертов.

Другими словами, допрос подсудимых, свидетелей и экспертов, имеющий место в судебном заседании, должен быть отражен в протоколе судебного заседания настолько подробно, чтобы те выводы, которые можно сделать из письменных записей протокола, не отличались от тех выводов, которые можно сделать, слушая показания, объяснения и заключения в самом судебном заседании.

¹ В порядке обсуждения. — Ред.

Если в процессе типа чистой кассации протокол судебного заседания является контрольным документом лишь в области формального движения процесса перед судом первой инстанции, то в советском уголовном процессе контрольное значение протокола судебного заседания выходит далеко за эти формальные пределы.

Это выросшее в советском уголовном процессе значение протокола судебного заседания по сравнению, например, с русским дореволюционным процессом, построенным по французскому образцу на принципе чистой кассации, практически в нашем судебном обиходе еще недостаточно оценено. В одной из редакционных статей журнала «За социалистическую законность» было правильно указано, что «на работу судебного секретаря привыкли смотреть как на третестепенное дело, как на дело, почти что формальное, никчемное. Сами секретари смотрят так на свою работу». («Выше качества работы органов юстиции». («За социалистическую законность» № 5, 1934 г., стр. 5).

Такой взгляд на работу секретаря судебного заседания еще терпим до тех пор, пока секретарь обязан фиксировать в протоколе лишь формальные моменты. На секретаре судебного заседания советского суда — задача несравненно более сложная, более трудная и более ответственная.

Нельзя не обратить внимания на следующую особенность построения работы в судебном заседании: протокол судебного заседания ведет не судья, принимающий участие в разрешении дела, а секретарь, не участвующий в вынесении приговора. Приговор выносится судьями, после судебного следствия, состоящего в проверке доказательственных материалов, собранных на предварительном следствии, с одной стороны, и доказательств, дополнительно представленных на суде. Картина этого судебного следствия протоколируется лицом, не принадлежащим к числу судей, решающих дело. Правильность же решения судей и соответствие этого решения содержанию судебного следствия проверяется затем в кассационном порядке путем сопоставления приговора с протоколом, составленным секретарем. Секретарь имеет и не может не иметь своего взгляда на важность и существенность различных моментов дела, исследуемых во время судебного следствия. Никогда не исключена возможность того, что по отдельным вопросам его взгляд расходится со взглядом судей. А правильность судейского вывода будет проверяться затем посредством записей секретаря, которые в свою очередь уже никак при кассационном рассмотрении проверены быть не могут. Таким образом перед кассационным судом протокольные записи оказываются имеющими больший авторитет и большую стабильность, чем приговор суда. Если качество протокола на высоте, то очень хорошо, что выводы суда могут быть проверены посредством записи лица, не участвовавшего в вынесении приговора. Если же протокол с существенными пробелами, если протокол заключает в себе случайное отражение тех или иных моментов, сделанное лицом, не изучавшим дело и его не знающим, то совершенно ясно, что кассационная проверка приговора по такому протоколу становится совершенно случайной, и качество ее понижает-

ся благодаря пониженному качеству протокола. Можно поэтому без преувеличения сказать, что дурной протокол судебного заседания может опорочить правильный по своему содержанию судебный приговор. Это значит, что дурной секретарь судебного заседания может сорвать работу великолепных по квалификации судей¹.

Вопрос не в том, может ли быть установлена ошибочность приговора, а в том, что не может быть вообще проверена его правильность. Если бы вопрос состоял только в том, что нельзя установить ошибочность приговора, то оказалось бы, что дурной протокол вовсе не должен влечь за собой отмены приговора, поскольку не доказана еще ошибочность последнего. Между тем правильно обратное: поскольку дурной протокол судебного заседания не дает возможности проверить правильность приговора, постольку, другими словами, при дурном отражении в протоколе материалов судебного следствия нет уверенности в правильности приговора, такой приговор неминуемо должен быть отменен в кассационном порядке. На эту точку зрения и стала судебно-надзорная коллегия Верховного суда СССР (см. наши «Кассационные заметки» в № 11 «Соцзакононости» 1935 г.).

Обращаясь от этих общих рассуждений к положению, существующему в судебной практике с протоколами судебных заседаний, надо будет признать, что если в верховных судах попадаются блестящие по форме, содержанию и технике протоколы судебных заседаний, то в краевых (областных, главных) и в особенности в народных судах качество протоколов судебного заседания в среднем невысокое, а попадают протоколы и шитом, к сожалению, нередко по качеству своему значительно ниже среднего уровня.

Мысль руководящих органов советской юстиции не раз обращалась к теме о протоколе судебного заседания, сетуя на низкую квалификацию секретарей судебных заседаний, дурное качество их работы и предлагая председателям судов принять меры к повышению того и другого. Почти 10 лет назад Народный комиссариат юстиции РСФСР и Верховный суд РСФСР опубликовали подробный циркуляр (№ 136/7 от 16 июля 1926 г.), констатировавший неблагоприятное положение с протоколами судебных заседаний. Циркуляр этот обращал внимание как на порядок удостоверения в протоколах совершения или несвершения судом и сторонами различных процессуальных действий, так и на вопрос об отражении в протоколе существа дела, так как оно выясняется в судебном заседании: «Показания подсудимых, свидетелей и устные ответы экспертов весьма часто излагаются настолько кратко, что протокол совершенно не отражает происшедшего в судебном заседании. Встречаются даже такого рода записи:

¹ В одном из методических писем, составленных Институтом уголовной политики, было указано, что «если протокол судебного заседания составлен неполно и небрежно, то ошибочность приговора вообще не может быть установлена путем проверки в кассационном или надзорном порядке». («За социалистическую законность» № 9 за 1934 г., стр. 49; в отдельном издании «О судебном приговоре», стр. 8.)

«Свидетель ничего не добавил к своим показаниям на предварительном следствии (или дознании)», «свидетель повторил свои показания, данные им на предварительном следствии (дознании)». Подобного рода записи являются совершенно недопустимыми, ибо отражают собой не показания свидетелей на суде, а суждение секретаря о показаниях свидетеля» («Сборник циркуляров и разъяснений НКЮ РСФСР», издание 1934 г., стр. 277—278. «Сборник разъяснений Верховного суда РСФСР», издание 2-е, стр. 481—483. В третьем издании (стр. 323) и в четвертом издании (стр. 432) этот циркуляр помещен лишь в сокращенном виде).

Интерес к качеству протокола судебного заседания вновь поднялся в 1934 г. в период подготовки к всесоюзному совещанию работников юстиции. Положение с протоколами должно оставаться неудовлетворительным.

«Протоколы судебного заседания иногда вовсе не ведутся, заменяясь какими-то «дневниками», писала редакция журнала «За социалистическую законность» (№ 5 за 1934 г., стр. 5). Техническое оформление этих протоколов или дневников таково, что нередко из них нельзя ничего понять, а между тем протокол судебного заседания — это важнейший документ, решающий очень часто судьбу кассационного протеста или кассационной жалобы. Основные докладчики по процессуальным проблемам на всесоюзном совещании — И. А. Акулов и А. Я. Вышинский — также обращали внимание на положение с протоколами судебного заседания («За социалистическую законность» № 5 за 1934 г., стр. 9, 28, 31, а по отдельному изданию докладов — стр. 8, 46, 56).

В печати отмечалось, что в некоторых судах вообще не велось протоколов судебного заседания (см. статью М. Хаевского, Борьба прокуратуры с нарушением прав специалистов, «За социалистическую законность» № 12 за 1934 г., стр. 19, 20). Перед кассационной инстанцией такой процесс без протокола судебного заседания выглядел как процесс, лишенный вообще судебного следствия.

После всесоюзного совещания серьезное внимание протоколу судебного заседания уделил 47 пленум Верховного суда СССР, резко критиковавший продолжающее существовать в этом вопросе положение. «Совершенно не обеспечивают, — указывал Верховный суд, — точного документирования протоколом судебного заседания всего хода судебного рассмотрения дела, часто ограничиваясь перечислением в протоколе одних лишь формальных моментов процесса, без подробной и точной записи объяснений и показаний допрошенных лиц и заявлений сторон, или же донельзя их сокращая произвольной перефразировкой лица, ведущего протокол. Нередки полная неграмотность протокола и недопустимо небрежное техническое его выполнение (на клочке грязной или цветной бумаги, карандашом, не поддающимся прочтению почерком и т. д.). Председательствующий не всегда даже подписывает протоколы, установленный же УПК порядок рассмотрения замечаний на протокол, гарантирующий права сторон, судами совершенно не соблюдается. Таким отношением к протоколу суды в массе выявляют явную недооценку ими протокола судебного заседания как документа огромной процессуальной важности, на основании которого

кассационные и надзорные инстанции проверяют и решают вопрос о правильности действий суда при рассмотрении дела и о соответствии приговора данным, установленным в судебном заседании» («За социалистическую законность» № 8 за 1934 г., стр. 33).

Наблюдения над судебной практикой показывают, что резкого перелома и за последнее время нет. Постановление НКЮ РСФСР от 16 июля 1935 г. приводит образчик того, как составляются протоколы судебного заседания по делам о несовершеннолетних: «13-летний Петров в судебном заседании показал, что «послезавтра придет мама и меня заберет», а в судебном протоколе имеется отметка: «Обвиняемый в последнем слове ничего не сказал» («Советская юстиция» № 25 за 1935 г.).

Нам известен протокол судебного заседания одного из областных судов, в котором с выразительной краткостью записано, что подсудимый признал себя виновным в присвоении и растрате 8000 руб. Но к протоколу была приложена стенограмма, которая велась в процессе и из записей которой видно было, что не только подсудимый не признал себя виновным, но, отрицая свою вину, требовал для опровержения обвинения производства экспертизы. В каком положении была бы вся кассационная проблема по этому делу перед кассационным судом, если бы случайно, кроме протокола судебного заседания не оказалось еще и стенограммы?

Протокол судебного заседания, одного из водно-транспортных судов, вместо записи содержания показаний обвиняемых и свидетелей, содержал лишь записи о том, что «слово для задавания вопросов дано», «ответ дан» и т. д. Надзорные инстанции должны были признать, что основная кассационная функция — проверка правильности приговора, при таком протоколе судебного заседания не может быть выполнена. Дурное качество протокола сорвало всю судебную работу по этому делу.

Для оформления судебного следствия протокол судебного заседания имеет такое же значение, как протоколы допросов, осмотров и т. д. для оформления материалов предварительного следствия. Вопрос о взаимоотношении предварительного и судебного следствия при вынесении приговора заслуживает сам по себе специального исследования.

Развернутый публичный процесс с участием сторон признан в советском праве наилучшей формой осуществления задач суда как с методологической стороны, так и с точки зрения политического результата, так, наконец, и для установления фактической стороны обвинения. На судебном следствии, с одной стороны, проверяются материалы предварительного следствия, т. е. предварительные материалы, а с другой стороны, исследуются заново представленные непосредственно суду доказательства. С этой точки зрения материалы судебного следствия, которые охватывают собой и проверку материалов предварительного следствия, принципиально стоят выше материалов предварительного расследования. Такое сопоставление вновь подчеркивает огромное значение протокола судебного заседания, призванного отразить существо и содержание судебного следствия, т. е. наиболее высокой ступени в движении и развертывании процесса. Поэтому к технике

составления протоколов судебного заседания никак нельзя предъявлять меньшие требования, чем к технике составления следственных протоколов при предварительном расследовании дела. А по степени напряжения, необходимого для составления хорошего протокола судебного заседания, работа секретаря ничуть не легче работы составителя следственного протокола.

Если суды рассмотрели дело, не составляя вовсе при этом протокола судебного заседания, то перед кассационной инстанцией для проверки приговора остаются лишь материалы предварительного следствия. Это, конечно, случаи, доведенные до совершенного процессуального уродства.

Но что же происходит в кассационной инстанции при дурном качестве протокола судебного заседания, при его простотности, при его противоречивости, при недостаточно ясных записях? Совершенно естественно, что при всех этих условиях необходимым результатом является при кассационной проверке повышение удельного веса материалов предварительного следствия по сравнению с удельным весом следствия судебного. Приговор при этих условиях, с точки зрения своей правдивости, проверяется главным образом посредством сопоставления его с материалами предварительного следствия и лишь в подчиненной и незначительной степени посредством сопоставления с материалами судебного следствия, неполно, нечетко и недостаточно отраженными в протоколе судебного заседания.

Другими словами, дурной протокол судебного заседания извращает всю структуру процесса, лишает публичный процесс его реального значения и заставляет кассационную инстанцию сойти с правильного пути.

В самом деле, на судебном следствии материалы предварительного следствия проверяются в публичном и состязательном процессе. Судебное следствие, с этой точки зрения, представляет собою высшую процессуальную ступень по сравнению с предварительным следствием. А затем приговор, вынесенный на основе произведенной на судебном следствии публичной и гласной проверки, проверяется в кассационной инстанции главным образом по материалам предварительного следствия, ибо судебное следствие в дурном протоколе судебного заседания принижено, смазано, а сплошь и рядом сведено к нулю.

Так дурной протокол судебного заседания извращает все основные принципы, лежащие в основе публичного и гласного процесса. И кассационная инстанция при этих условиях поставлена нередко в исключительно тяжелое положение при проверке приговора.

В своем директивном письме 17 августа 1935 г. за № 41 Верховный суд СССР, затрагивая вопрос о качестве изучения дела докладчиками в кассационных заседаниях, обращает внимание на то, что докладчики «зачастую ограничиваются только рассмотрением приговоров и материалов судебного следствия и не анализируют материалов предварительного расследования. Конечно, нельзя отрицать, что могут быть случаи, когда материалы предварительного следствия подвергаются недостаточному анализу при кассационной проверке приговора. Поскольку по структуре советского уголовного процесса приговор должен быть

основан на совокупности материалов как предварительного, так и судебного следствия, по-скольку, разумеется, и при кассационной проверке приговоров должны быть подтверждены надлежащему анализу и те и другие материалы. Недопустимо пренебрежение ни к тем, ни к другим. Но нельзя забывать, что для окончательного рассмотрения дела по существу в нашем процессе избрана форма гласного публичного и устного состязательного процесса. Поэтому, не отрицая возможных случаев недостаточного внимания к материалам предварительного следствия, мы все же полагаем, что главная опасность состоит не в этом, а в том, что недостаточно высоко качество протокола судебного заседания затем, при кассационном рассмотрении дела, невольно переносит центр тяжести с материалов судебного следствия на материалы следствия предварительного.

Совершенно ясно, что повышение качества протокола судебного заседания является одной из основных задач по повышению качества судебной работы в целом.

Какие же меры нужны для того, чтобы повысить качество протоколов судебного заседания? Первое, что напрашивается и что является, конечно, совершенно естественным и правильным, — это повышение квалификации секретарей судебных заседаний. «Мы должны обеспечить советскому суду квалифицированного советского секретаря, понимающего свою ответственность в судебном процессе, обеспечивающего сворой подготовкой и дисциплиной достойное отношение к своим обязанностям, от качества выполнения которых до известной и немалой степени зависит качество и результаты судебного процесса», так писала редакция журнала «За социалистическую законность» (№ 5 за 1934 г., стр. 5).

А. Я. Вышинский правильно указывал на необходимость организовать специальные курсы для секретарей («За социалистическую законность» № 5 за 1934 г., стр. 28; И. А. Акулов и А. Я. Вышинский, За перестройку и улучшение работы суда и прокуратуры, 1934 г., стр. 46). Эти мероприятия можно только приветствовать. Мы бы считали кроме того необходимым, чтобы в преподавании в правовых институтах было уделено определенное место обучению делу составления протоколов судебных заседаний. Лишь при введении такого обучения может быть с реальной пользой осуществлено то предложение, которое сделал на всесоюзном совещании Е. Б. Пашуканис и которое сводилось к тому, чтобы лица, оканчивающие правовые вузы, работали известное время в качестве секретарей судов («За социалистическую законность» № 6 за 1934 г., стр. 28). Работа в качестве секретарей поможет, конечно, повысить подготовку самих работников, окончивших вузы. Но для того, чтобы было повышено качество самих протоколов судебных заседаний, необходимо, чтобы основная подготовка в этой области была произведена еще в стенах вуза.

Таким образом совершенно бесспорно, что квалификация секретарей судебных заседаний должна быть поднята на большую высоту.

Также бесспорно и указание пленума Верховного суда СССР о том, что на председателях суда лежит обязанность «в каждом отдельном случае обеспечивать ведение протокола достаточно подготовленным к этому лицом, следить

во время самого процесса за полнотой и точностью записей в протоколе всех объяснений и показаний допрашиваемых лиц, во-время проверять и корректировать протокол, ни в коем случае не допускать такого ведения и технического выполнения протокола, при котором последующее прочтение его и использование является невозможным или затруднительным, и удостоверить протокол своей подписью, после тщательной проверки его правильности, точности и полной доброкачественности» («За социалистическую законность» № 8 за 1934 г.).

Но всех тех предложений — о повышении квалификации секретарей и о наблюдении за протоколом судебного заседания со стороны председателей существующих на суде — еще недостаточно для того, чтобы обеспечить протоколу ту качественную высоту, которая совершенно необходима с точки зрения его значения в советском кассационном процессе. В дополнение к тем организационным мероприятиям, которые обычно предлагаются, мы позволим себе сделать два процессуальных предложения, которые при их осуществлении также дадут возможность повысить качество протокола.

Считается бесспорным и не подлежащим сомнению, что прокурор, для того, чтобы обвинять в процессе, должен предварительно изучить дело. То же самое должен сделать защитник, для того чтобы защищать. Наконец, должен изучить дело и председатель суда, для того чтобы руководить процессом и вести допрос на суде обвиняемых, свидетелей, экспертов.

Надо со всей решительностью поставить то же требование и секретарям, ведущим протоколы судебных заседаний.

Если бы объяснения, показания и заключения допрашиваемых на суде лиц можно было всегда записывать стенографически, то были бы устранены многие трудности, сопряженные с надлежащей организацией судебного-протокольных записей. Поскольку правильная и мощная стенограмма отражает точный текст объяснений, показаний и заключений, постольку для стенографистки совершенно необязательно знать содержание того судебного дела, по которому она ведет свои записи; она записывает все, и перед ней нет задачи отделять существенное от несущественного, выделять важное из неважного и фиксировать в своих записях лишь существенное и важное, опуская то, что неважно и несущественно.

Совершенно иная задача стоит перед секретарем, ведущим протокол судебного заседания. Протокол — не стенограмма и вовсе не претендует и по самому существу своему не может претендовать на то, чтобы с исчерпывающей полнотой отражать в протоколе судебного заседания все то, что содержится в показаниях допрашиваемых лиц. На секретаре лежит ответственная задача суметь из всего того, что происходит на суде, выделить то, что существенно, и именно это существенное зафиксировать в протоколе. А существенным для того или иного судебного дела может оказаться какая-либо мелкая подробность, на которую человек, незнающий дела, может не обратить никакого внимания. Но и то, что существенно, секретарь записывает совсем не текстуально, как это делается в стенограмме. Значит и в существенном надо уметь уловить основное содержание и изложить его с максимальной краткостью и вме-

сте с тем с достаточной полнотой. Как для следователя, так и для секретаря судебного заседания необходимо большое умение правильно и полно улавливать в показаниях все существенное и излагать это на бумаге.

Надлежащим образом выполнить подобные обязанности может только секретарь, знакомый с содержанием дела и воспринявший при изучении, какие проблемы должны быть на суде исследованы, в чем состоят спорные вопросы и что поэтому является важным и существенным при допросах на судебном следствии. Не изучив дела и не зная всех его спорных вопросов, секретарь обречен на фиксирование случайных моментов, т. е. невольное для себя искажение в протоколе данных судебного следствия.

Задача секретаря может быть в значительной степени облегчена более активным, чем это принято сейчас в судебных заседаниях, отношением к протоколу судебного заседания как со стороны председателя суда, так и со стороны сторон — прокурора и защитника. Это более активное отношение к протоколу должно выражаться в своевременных просьбах о записи в протоколе тех частей из объяснений, показаний и заключений допрашиваемых, которые покажутся важными председателю или сторонам и могут ничем не привлечь к себе внимания со стороны секретаря. Между тем использование этого права сторонами сплошь и рядом встречает недовольство, выражающееся в том, что на просьбу сторон о занесении того или иного обстоятельства в протокол дается ответ, что и так «все заносится». Нет нужды доказывать, насколько такие ответы неуместны и неверны, ибо совсем в протокол судебного заседания не все заносится. Нередко такое недовольство выражается и секретарями, которые в просьбе о занесении в протокол усматривают сомнение в том, что они действительно «все» вносят в протокол. С такими настроениями нужно конечно бороться. Если председатель и стороны будут активно пользоваться своим правом пополнять протокол судебного заседания, то последний от этого только выиграет.

Сторонам можно рекомендовать особый технический прием. Нет надобности делать это в самом ходе судебного заседания посредством устных заявлений, поневоле прерывающих судебное исследование. Стороны могли бы подавать на имя председателя письменные заявления с просьбой о занесении в протокол и с точным текстуальным указанием тех частей показания, которые должны быть записаны. По удостоверении этих обстоятельств председателем, заявление передается секретарю, который и осуществляет самую запись. А в публичное заседание вопрос должен быть внесен лишь в том случае, когда председатель отказывается в занесении просимого в протокол.

Подобно тому, как неудовлетворительным является общее положение с протоколами судебных заседаний, так неудовлетворительным является и положение с замечаниями на протокол судебного заседания.

Пленум Верховного суда СССР обратил внимание председателей существующих на необходимость обеспечить установленный законом порядок принятия и обсуждения замечаний сторон на протокол, являющихся важной процессуальной гарантией соблюдения судом их прав и инте-

ресов («За социалистическую законность» № 8 за 1934 г., стр. 34).

Наиболее частым дефектом этой стадии процесса является совершенно пренебрежительное отношение председательствующим к подаваемым замечаниям на протокол судебного заседания.

Суд обязан либо удостовериться, что представленные замечания на протокол правильные и соответствуют действительности, либо отвергнуть их, если ходатайство, изложенное в замечаниях на протокол, не соответствует тому, что было в действительности в судебном заседании.

Наиболее частым, однако, является иное отношение: подаваемые замечания на протокол подшиваются к производству с краткой резолюцией: «К делу». Так двумя словами ликвидируется право сторон на представление поправок к протоколу судебного заседания.

Но это дефект не единственный. Гораздо большим дефектом является чрезвычайно ничтожное использование права принесения замечаний на протокол судебного заседания как со стороны прокуроров, так и со стороны защитников. Это связано с тем, что и прокуроры и защитники весьма часто вообще не пресерьют протокола судебного заседания. А между тем такая проверка должна быть признана для сторон совершенно обязательной. Поэтому мы рискнули бы предложить сделать эту проверку обязательной не только с точки зрения каче-

ства выполнения своих обязанностей, но и с точки зрения закона. Мы предлагаем поэтому превратить право сторон на ознакомление с протоколом судебного заседания в их формальную обязанность, регламентируемую в Уголовно-процессуальном кодексе. Как прокурор, участвующий в процессе, так и защитник обязаны проверить протокол судебного заседания и в случае существенной неполноты или не правильности его подать на него замечания. Под протоколом судебного заседания должна быть поэтому не только подпись секретаря, составившего протокол, и председателя, утвердившего протокол, но должны быть также подписи прокурора и защитника, удостоверяющие, что протокол ими проверен. В случае существенной неполноты или не правильности протокола стороны обязаны подать замечания к протоколу.

Нам кажется, что подобные меры также должны будут послужить к тому, что протоколы повысятся в качестве. Перед возможностью такой тройной, активной, обязательной и действительно всесторонней проверки и секретари должны будут стремиться к тому, чтобы подтянуться и дать, по возможности, меньше оснований для критики и исправления протокола.

При наличии же такой доказанной проверки возрастет уверенность в полноте и правильности протокола в существенных его частях.

**В. Тадевосян,
Л. Чернов**

Больше внимания следователю и качеству расследования

Прошло полтора года с тех пор, как по инициативе I всесоюзного совещания судебного-прокурорских работников вопросы следствия были выдвинуты на первый план.

За полуторагодичный срок, прошедший после этого совещания, сделано много для улучшения работы следственного аппарата. Достаточно сказать, что вреднейшему взгляду многих и многих прокуроров на следователей как на второстепенных, технических работников, обязанных безмолвно исполнять резолюции прокуроров, нанесен решительный удар; четко и определенно указано ответственное место следователя во всей важнейшей политической работе органов юстиции. Уделяется ныне больше внимания подбору и подготовке следователей кадров, улучшению их материально-бытовых условий и т. д.

Однако все, что сделано до сих пор, далеко недостаточно для того, чтобы поднять работу следственного аппарата на должную высоту, чтобы быть уверенным в том, что в руках советского следователя ни одно преступление не останется не раскрытым и в тоже время не будет иметь место ни одного случая не правильного и неосновательного привлечения к ответственности невинных людей. Этих качеств

следователя, абсолютно необходимых у нас в настоящее время, далеко у многих из них не хватает.

Наглядный пример наличия совершенно нетерпимых недочетов в деятельности некоторых следственных органов дает недавно проверенная нами работа следственного аппарата Азербайджанской ССР.

Незнание законов и своих собственных прав и обязанностей, неумение отличить существенное и основное среди массы всяких деталей и ненужных подробностей при проведении расследования, чрезвычайная медлительность, прямо переходящая в волокиту, беспланоность и бесперспективность в работе, отсутствие чувства индивидуальной ответственности — вот те качества, которые в той или иной степени характерны для большинства следователей Азербайджанской ССР.

Каковы причины такого положения? Отнюдь не потому так плохо обстоит дело со следственным аппаратом в Азербайджане, что кадры следователей там сплошь негодны. Половина старших следователей Прокуратуры Республики являются высоко квалифицированными работниками, могущими показать образцы работы. Можно смело сказать, что многие республи-

кавказские и краевые прокуроры гордились бы имея у себя в аппарате таких следователей, как т. Агасаров, Мустафаев, Конушкина, Джафарова, Багиров и др. ст. следователи прокуратуры Азербайджанской ССР, имена которых могли бы быть в числе победителей конкурсов следователей, но не были никогда отмечены даже во внутренних приказах Прокуратуры Республики, ибо об этих людях, об их работе, их достижениях и недочетах, об их нуждах никто не думал и ими никто не интересовался.

Примерно та же картина в прокуратуре города Баку и в районах.

Странно было слышать из уст одного из лучших следователей Азербайджанской ССР т. Конушкиной слова о том, что за все время своей работы она впервые услышала от бригады Прокуратуры Союза ССР такие требования, как обязательность для следователя повышать уровень своих знаний, работать над собой, повышать качество расследования. «Никто не говорил нам и не требовал от нас, — говорила она на оперативном совещании, — чтобы мы работали лучше, относились к людям бережнее, никто не преврал нашей работы, не давал нам необходимых конкретных указаний. Мы работали как придется, без всякой мысли о том, что то, что мы делаем, имеет дефекты, что можно эту же работу, сделать лучше».

Так говорят лучшие следователи. И они не ошибаются. Слепое доверие к следователям, которым страдают многие прокуроры призванные руководить работой следователей, отсутствие проверки исполнения, вредит не только в том случае, когда следователь плох, неграмотен или тем более, когда он недобросовестен в работе, но и тогда, когда следователь хорош, умен и образован. Неумением или чванливым нежеланием конкретно руководить работой следователя, проверять его, выявлять и отмечать как недочеты в его работе, так и достижения, прокурор убивает в следователе инициативу, чувство ответственности, обезличивает его и приучает к бездушно-бюрократическому самотеку чиновничьей канцелярии.

Отсюда возможны такие случаи, когда то или иное дело (без всякого к тому повода, если не считать поводом желание избежать ответственности, передается от одного следователя к другому и, наконец, прекращается «за давностью»). А для того, чтобы избежать обвинения в волоките, каждый из следователей, принимающий дело, поступившее к нему от другого следователя заводит новую папку, пишет на ней дату поступления к нему дела и считает, что расследование по делу началось с этого момента. Эта новая папка, куда шито дело, успокаивающе действует и на следователя и на прокурора. Оба как страусы спрятали голову в эти папки. Считают и уверяют, что расследование протекает нормально без волокиты. Вот пример — 19/VII 1933 г. ст. следователь прокуратуры Азербайджанской ССР т. Мустафаев, один из лучших следователей прокуратуры, принял к своему производству дело по обвинению казакского прокурора Халиева и следователя того же района Халиева в ряде злоупотреблений. Дело, серьезное. Как же протекает расследование? Слыше месяца материал лежит у т. Мустафаева без движения. 23 июля 1933 г. следователь запрашивает заместителя председателя Бакинского совета т. Шекинского,

расследовались ли им в бытность в Казахе в Комиссии ЦК материалы о действиях прокурора. После этого следственного действия дело лежит без движения еще месяц, а через месяц, т. е. 20 августа 1933 г. т. Мустафаев пишет т. Шекинскому напоминание и получает ответ, что материалы о действиях прокурора Халиева переданы в ЦК т. Усейнову. До 20 июня 1934 г. т. Мустафаев, не получив нужных ему материалов, держал дело у себя, а ровно через год передал его ст. следователю Саркисову. Тов. Саркисов вынес постановление о приеме дела к своему производству и постановление о продлении срока ведения следствия, на что последовала резолюция пом. прокурора республики т. Мамедбеги «согласен». Тов. Саркисов свои следственные действия ограничивает несколькими письмами т. Гусейнову о присылке ему материалов и держит у себя дело до 8 февраля 1935 г., когда передает его ст. следователю т. Алахвердову. 11 апреля 1935 г., т. е. через 2 месяца т. Алахвердов выносит постановление о прекращении дела, так как «с момента возбуждения этого дела прошло около 2 лет». На этом постановлении пом. прокурора республики т. Бабаханов меланхолически издал «согласен».

В результате этого способные следователи, могущие дать образцы работы, дают лишь минимум того, что от них можно было бы получить. Что же и говорить о слабых, явно непригодных кадрах, число которых все еще значительно, именно потому, что нет умения подбирать работников, проверять их в работе, очищать аппарат от худших, а остальных учить и вырабатывать из них необходимых квалифицированных работников. Вот юдиз, к сожалению, не единственный пример «подбора» кадров в Азербайджанской прокуратуре.

Следователь Зангеланского р-на Набиев Г., работал в качестве следователя в течение 2-х лет. В сентябре 1935 г. в связи с одним безграмотно составленным Набиевым заключением, была произведена проверка его знаний и оказалось, что он не обладает даже элементарнейшими понятиями о правилах процесса. В результате этой проверки Набиев с работы был снят. А ведь он два с лишним года вел следствие, направлял дела в суд и никто, ни прокурор, в первую очередь, ни суд не заметили, что имеют дело с невеждой.

Руководить следствием многие прокуроры до сих пор еще понимают в смысле «водить руками». Нам не удалось в течение целого месяца нашей работы найти хотя бы несколько дел, по которым было бы видно, что следователь получил от прокурора исчерпывающие, конкретные указания о ведении следствия о методах и способах раскрытия преступления, о необходимых, упущенных следователем, следственных действиях и т. д.

«Мудрое» руководство прокурора ограничивается обычно наложением резолюции о заведении дела или о немедленном окончании следствия. Слушающий доклад следователя районный прокурор зачастую сам не знает законов и процессуальных правил, поэтому от такого «слушания» нет почти никакой пользы. Некоторые грамотные и более квалифицированные следователи справедливо жалуются на то, что работа с таким прокурором становится неинтересной и немыслимой. В самом деле, говорят они, как

можно работать, если обычно работа штампуются трафаретным: «согласен», а в случае необходимости получить совет, не к кому обратиться. Прокурор, думающий, что обязанности его ограничиваются приемом жалоб и посещением многочисленных заседаний и совещаний по своему р-ну, является серьезным бичем в деле организации и руководства борьбы с преступностью. Считая себя «политической фигурой» такой прокурор, до сих пор еще в значительном числе сохранившийся во многих местах, полагает лишним овладеть техникой расследования, знать работу милиции и следователя и руководить ими конкретно и оперативно.

Что же получается в результате этого? Милиция почти не получает от прокурора никакого руководства; больше того, прокуроры даже не интересуются тем, сколько дел и каких имеется у милиции. Последняя обычно на свой риск и страх ведет расследование, иногда запутывает дела, а затем передает его прокуратуре. Прокурор, не зная дела и не дав никаких указаний, подбрасывает одно за другим такие дела следователю и тот должен расхлебывать неграмотно и путанно состряпанную до него кашу.

Вот один из образцов нелепых постановлений, составленных милицией АзССР, утвержденных прокурором Октябрьского р-на г. Баку. Приводим это постановление дословно. «1935 г. 4 июля в Управление начальника 6 отделения БГЖ поступила переписка с личностью Осипова из отдела очистки Октябрьского р-на. В процессе расследования было выявлено следующее: 4 июня 1935 г. рабочие Осипов и Саркисов Гурген, проживающий Федресная, 16, собирали мусор по улице 1-й Параллельной, где вывозили мусор из дома № 2, тут же стояли арбы — Осипова лицом вверх, а арба Саркисова лицом вниз. Во время их отсутствия, где они возились с мусором во дворе лошадь Осипова начала скандалить, как она скандальная лошадь укусила лошадь Саркисова, при выходе он видел эту историю, что обе лошади передрались, Саркисов начал тащить свою лошадь, а также Осипов в этот же момент Осипов нагнулся и поднял маленький камень и бросил в лошадь и выбил ей глаз, которая ослепла, на основании чего был задержан Осипов. Предъявленное ему обвинение злоупотребление своим служебным положением, о том, что он выбил глаз лошади, принадлежащей отделу очистки Октябрьского р-на виновным себя не признал и всячески старался отрицать свою вину. Принимая во внимание, что показания Осипова не заслуживают никакого доверия, так как в деле имеется свидетельское показание, факт виновности его считая вполне доказанным и потому руководствуясь ст. 142 ч. 2 полагая бы след. дело за № 498 пр. на 19 пол. листах направить в нарсуд Октябрьского р-на по подсудности.

Мера пресечения по отношению Осипова избрать поручительство».

А вот другой пример:

«Я уполномоченный, оперчасти 6 отделения БГМ — Нуриев сего числа рассмотрев следарестантское дело за № 1596 по обвинению вышеуказанного и произведенным расследованием, установил:

5/III—35 г. Гр-н Мамедов Музаев, Сафар

Оглы был приглашен на свадьбу к гр-ну Гасанову Якуб Али Гейдар Оглы, прож. по Каменной ул. № 22 и во время проверки у гр-на Мамедова был обнаружен охотничий нож большого размера.

Допрошенный обвиняемый Мамедов Музафар Сафар Оглы сперва не сознавался в том, что нож принадлежал ему, мотивируя тем, что когда вошли в комнату представители власти, один из гостей бросил этот нож, впоследствии он Мамедов сознался, что действительно нож его. Когда вошла милиция, боясь вынул из кармана и бросил его и признает себя виновным. Причиной признания о том, что нож принадлежит ему потому, что рядом сидевший с ним гр-н Аббас Бекю Али Оглы подтвердил, что действительно им был брошен указанный нож и поэтому впоследствии он сознался.

Исходя из вышеизложенного и принимая во внимание весь материал, находящийся в деле, считаю обвинение гр-на Мамедова Музафара вполне доказанным и не требуется дальнейших следственных действий, что подобные лица, как Мамедов Музафар, всегда посещают общественные места с ножами, или револьверами, поэтому прошу ударить таких по рукам так, чтоб и другим была наука, чтобы на верхней части г. Баку очистить от таких хулиганов, спрашивается приглашен ты на культурную свадьбу, на что и для чего ты с ножом являешься, а посему руководствуясь ст. 102 ч. 2 УПК АЗССР постановил:

Следарестантское дело за № 9112—9289 на 10-ти л/л. по обвинению гр-на Мамедова Музафара Сафар Оглы по ст. 103 и 39 УК БССР направить в нарсуд Октябрьского р-на по подсудности».

Думается, что комментарий к этим постановлениям, составленным милицией и утвержденным прокуратурой, излишни. Они, эти постановления, лишь подчеркивают как отсутствие работы по надзору за милицией, так и безграмотность прокурора, утвердившего эти постановления.

Прокурор же подбрасывает следователю всякую жалобу или акт обследования, ревизии и т. п., в которых содержится указание о преступных действиях кого-либо. К прокурору поступают кучи таких актов, отношений и др. бумаг, которые пишутся нередко различными организациями только для того, чтобы застраховать себя от возможных нападков вышестоящих органов за неприятие мер. Там думают, обычно, успокоить свою совесть и возможных контролеров и ревизоров тем, что пишут какого-то за то-то привлечь к ответственности и дело передать прокурору.

И вот вместо того, чтобы разобравшись в груде этих бумаг, передать следователю или милиции на расследование (со своим конкретным указанием об этом) те из них, в которых содержится указание на действительно преступления, а остальные вернуть их авторам с указанием на отсутствие фактов преступления, с объяснением того, что неправильные действия должностных лиц в данном случае подлежат исправлению административными мерами и путем наложения дисциплинарных взысканий и т. д., вместо всего этого, прокурор направляет эти бумаги следователю, не только, таким образом, не помогая ему, но и перелагая на него свою собственную работу. В то же

время прокуратуры, считают для себя возможным, а для дела полезным заниматься «творческой работой» следующего порядка.

19 января 1935 г. приказом по управлению строительства Дворца советов в Баку снят с работы ответственный исполнитель сектора найма рабочей силы Халиев, а дело о нем передано прокурору. Халиев обвинялся в том, что незаконно прописал гр. Пураяна, не работавшего на строительстве. Халиев обвинялся еще и в том, что им был испорчен паспорт рабочего Гурковского. Расследованием, проведенным милицией, было установлено, что вина Халиева в деле с пропиской не доказана, а вопрос об испорченном паспорте был разрешен в административном порядке и Халиеву был объявлен выговор. Поэтому милиция своим постановлением от 3 февраля предложила прекратить дело. Прокурор Ворошиловского р-на т. Герасимов согласился с мнением милиции и своим постановлением от 13 марта с. г. предложил прекратить дело по ст. 4 «а» УПК АзССР.

Каким-то образом дело попало в прокуратуру республики, где 9 июля 1935 г. пом. прокурора т. Гасанов вынес постановление, в котором пишет, что дело неправильно, вопреки его, Гасанова, указаниям, прекращено прокурором Герасимовым по ст. 4 «а» УПК (за отсутствием состава преступления), в то время, как по его мнению, дело должно было быть прекращено за отсутствием состава преступления и предложено наложить на т. Герасимова взыскание.

Через два месяца, 9 сентября с. г. ст. пом. прокурора т. Кирич по этому же делу выносит новое постановление, в котором пишет: отменить постановление Ворошиловского прокурора и пом. прокурора Гасанова (утвержденное зам. прокурора Республики), а дело все-таки прекратить за отсутствием состава преступления.

Что можно сказать по поводу подобной игры (иначе этого не назовешь) в прокурорские указания.

Неудивительно поэтому, что мы нашли следователей, у которых в производстве имелось 50—70 дел; многие из этих дел «расследовались» по 6—8 мес., а нередко и по году и больше. Как можно рассчитывать в подобных случаях на доброкачественную продукцию. Не говоря уже о том, что многие дела из-за затяжки их расследования на длительные сроки теряли всякий смысл, почему и пришлось прекратить их производство. Не может же следователь нормально работать, если он обязан одновременно двигать 40—50 дел, иметь их у себя в производстве, думать о них и работать над ними. По характеру своей работы он вынужден работать над всеми делами, находящимися у него в производстве, он не может заниматься 2—3 делами, а остальные отложить до окончания расследования по первым делам. Но легко это сказать, делать же это можно при условии нормальной нагрузки следователя, при условии отсеивания прокурором и направления на расследование следователю наиболее серьезных и сложных дел; отсутствие же всего этого не только срывает работу следователя, но и приучает его к механической безынициативной штамповке или как в Баку усвоили выражаться, к простому «оформлению» дел. Поражает ярко выраженное беспечное отношение многих следователей к результатам своей работы, отсутствие интереса к тому, чем кон-

чится расследованное им дело, будет ли вынесен обвинительный приговор, или обвиняемый будет оправдан. Причины такого равнодушия к результатам своей работы кроются не только в приведенных выше обстоятельствах, но и в том, что вследствие огромной текучести личного состава следователей, частой переброски их, дела передаются от следователя к следователю по несколько раз, не говоря уже о том, что до перехода к следователям многие дела проходят через руки ряда милицмейских работников. Таким образом, приступая к следствию, которое велось до него 3—4 лицами, новый следователь связан действиями, совершенными его предшественниками, сваливает на них всю вину за неудачное ведение дела (причем чаще всего не без основания) и не чувствует ответственности за полученные в конечном итоге следствия результаты.

Особенно много энергии тратится зря без получения нужных результатов тогда, когда после отмены приговора и передачи дела на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия дело это по той или иной причине передается не тому же следователю, который ранее вел расследование, а другому. Такие элементарные организационные истины до сих пор еще не усвоены многими прокурорами, и это больно отражается на всей работе.

Возьмем другой вопрос. Много ли республик, краев и областей могут хвастать тем, что они применяют самый простой и весьма полезный способ ознакомления со своими следователями, с их конкретной работой, с их ошибками и успехами. Этот способ, примененный бригадой Прокуратуры ЦСОР в Азербайджанской республике оказался для прокуратуры этой республики каким-то исключительным ловишеством, давшим по общему мнению весьма полезные результаты. Суть этого простого метода, как ознакомления с работой следователя и прокурора, так и одновременного инструктирования их заключается в том, что на вызываемом 1 или 2 раза в месяц в республиканской (краевой или областной) прокуратуре оперативном совещании райследователей и прокуроров поочередно следователь и прокурор докладывают находящиеся в их производстве наиболее сложные или наиболее интересные (с успехом или без успеха проведенные дела, и тут же происходит серьезное деловое обсуждение допущенных ошибок или недочетов в работе следователя и прокурора по конкретному делу. Совещание носит инструктивный характер, по этому на ошибках товарищей учатся прокуроры и следователи других районов, выявляются недостатки руководства следователем со стороны отдельных прокуроров, выявляется лицо следственного аппарата, рост и развитие каждого следователя и т. д.

Само собой понятно, что результаты таких совещаний могут быть полезны лишь при умелом и авторитетном руководстве совещанием со стороны республиканского (краевого, областного) руководства прокуратурой. А это требует знания дела. Поэтому и здесь ссылки на «объективные» условия, мешающие улучшить дела следствия, явно несостоятельны.

Нало вплотную и по-большевистски взяться за дело улучшения качества расследования и тогда задача, поставленная 1 всесоюзным совещанием судебно-прокурорских работников будет успешно разрешена.

О БУМАЖНОМ РУКОВОДСТВЕ

Обследование Прокуратуры Туркменской ССР, произведенное бригадой союзной прокуратуры, показало, что с задачей правильного, действительно оперативного руководства низовыми прокурорскими органами, Туркменская прокуратура справиться не сумела.

Это обследование дало интересный материал, который во многих отношениях является поучительным не только для Прокуратуры Туркмении.

Хорошо руководить низовыми органами — это значит не только правильно ставить перед ними конкретные задачи, вытекающие из обстановки данного момента, но также добиваться надлежащего и своевременного выполнения этих задач.

Самая хорошая директива, — если она плохо выполняется, — теряет всякий смысл и превращается в никому ненужный казенный документ.

Эти старые истины не усвоены в достаточной степени Прокуратурой Туркмении.

С начала 1935 г. Прокуратура Туркменской ССР развила значительную «литературную» деятельность и издала целый ряд циркуляров по самым различным вопросам. Среди этих вопросов, большое место занимает борьба с хищениями социалистической собственности, с обмериванием и обвешиванием, а также со спекуляцией. Так, 20 марта с. г. издан циркуляр о борьбе с обмериванием и обвешиванием, 14 мая — циркуляр о недостаточности борьбы прокурорских органов с растратами и хищениями, 7 июля — циркуляр об усилении надзора за правильностью карательной политики по делам о спекуляции, 25 июля — новый циркуляр о борьбе с обмериванием и обвешиванием, 3 августа — новый циркуляр о борьбе с хищениями и растратами и т. д.

Между тем, несмотря на солидные размеры циркулярного творчества Туркменской прокуратуры, результаты работы туркменских прокурорских органов оказались совершенно недостаточными именно по тем вопросам, на которых Прокуратура Республики останавливала значительную долю своего внимания, — по вопросам о борьбе со спекуляцией, с хищениями и растратами, с обмериванием и обвешиванием.

Бригада Прокуратуры Союза констатировала, что в области борьбы с хищениями, спекуляцией, обмериванием и обвешиванием в Туркменской ССР определенно неблагополучно, причем необходимо подчеркнуть, что это неблагополучие было признано и Прокуратурой Туркменской ССР.

В чем же конкретные причины этого неблагополучия и почему, несмотря на «сигнализацию», которыми занималась Туркменская прокуратура в своих циркулярах, достигнутые ею результаты оказались более чем скромными?

Попытаемся ответить на этот вопрос.

Остановимся, для иллюстрации, с самого начала на борьбе Туркменской прокуратуры с ра-

стратами и хищениями социалистической собственности.

Еще 20 апреля 1935 г. СНК Туркменской ССР, озабоченный ростом хищений и растрат по Республике, издал специальное постановление, в котором признавал «совершенно недостаточной» работу прокурорских органов с хищениями и растратами, констатировал «слабое участие профсоюзной и комсомольской общественности» (низового актива) «в деле борьбы с хищениями» и признал необходимым принять меры к решительному ускорению расследования по делам о хищениях».

После этого постановления, являвшегося серьезным предупреждением для Туркменской прокуратуры, последняя, со своей стороны, издала 14 мая циркуляр, заостривший внимание всех прокурорских органов на необходимости борьбы с растратами и хищениями. Этот циркуляр, также как и постановление СНК Туркмении, констатировал в достаточно резких выражениях «крайне недостаточную работу» прокурорских органов с растратами и хищениями и волокиту, проявленную следственными и прокурорскими органами при расследовании дел об указанных преступлениях. Циркуляр, после ряда «горьких» слов по адресу прокурорских органов, заканчивался предложением районным прокурорам покончить с волокитой и обеспечить окончание следствий по делам о хищениях и растратах в «минимально жесткие сроки».

После издания этого циркуляра, составленного отнюдь неплохо и в правовом, и в литературном отношении, у прокуратуры Туркменской ССР наступило некоторое «успокоение»: райпрокурорам прочитана нотация, им даны письменные указания, чего же больше?

В районы, для инструктажа и помощи местным работникам, никто из Прокуратуры Республики не выехал, если не считать единственного выезда в Чарджуйский район одного из старших помощников прокурора Республики.

В результате никакого сдвига не произошло.

3 июня, на оперативном совещании при Прокуратуре Республики попрежнему была констатирована неудовлетворительность работы прокурорских органов по борьбе с растратами и хищениями. 11 июня, на другом оперативном совещании, было вновь констатировано то же самое.

Так как ни «основной» циркуляр от 14 мая, ни оперативные совещания 3 и 11 июня не привели к каким-либо реальным результатам, борьба с хищениями и растратами оставалась столь же неудовлетворительной, Прокуратура Республики, вместо того, чтобы, путем выездов своих представителей в районы, помочь практически местным работникам, решила издать новый, более строгий циркуляр о борьбе с хищениями и растратами. Этому циркуляру был придан более «грозный» тон, в расчете на то,

что твердые «нотки» этого нового документа производят впечатление на непослушных районных прокуроров.

Этот циркуляр начинался констатированием того известного факта, что работа прокурорских органов по борьбе с хищениями была явно неудовлетворительной. Он указывал на безобразную волокиту, допущенную по делам о хищениях местными прокурорами. Он негодовал по поводу того, что в некоторых районах (Серахском и Чарджуйском) следственные дела о хищениях лежали без движения с декабря 1934 г. и даже с 1933 г. и что в Пашаузском районе, под носом бездействующей прокуратуры, потребсоюз развалился в результате сплошных хищений.

Заканчивался этот достаточно энергично написанный циркуляр признанием того, что «такое положение в дальнейшем не может быть терпимо», а равным образом категорическим предложением всем райпрокурорам обеспечить «немедленное» окончание следственных дел, мобилизовать внимание низового актива на борьбу с хищениями и растратами и представить к 15 августа сведения о движении дел по хищениям и растратам.

Казалось бы после такого циркуляра, все райпрокуроры должны были бы серьезным образом раскататься, «обеспечить», «мобилизовать», «представить» все, что от них требовалось.

Между тем, ничего подобного не произошло.

Предоставленные самим себе, лишенные всякого живого инструктажа, всякой практической помощи со стороны Прокуратуры Республики, и кроме того, приученные к снисходительному отношению Республиканской прокуратуры, райпрокуроры в подавляющем большинстве не выполнили ее предположений: к моменту обследования работы Туркменской прокуратуры, т. е. к концу сентября, из 21 райпрокуроров лишь 9 представили сведения о проделанной ими работе и состоянии дел о хищениях.

Таким образом, не взирая ни на «грозный» тон, ни на категорический характер предложенный Туркменской прокуратуры, большинство райпрокуроров отнеслось к ним с величайшим равнодушием, оставив их вообще без всякого ответа.

Прокуратура же Республики не сочла нужным подтянуть этих прокуроров или сделать им напоминание, несмотря на длительную задержку ответов и на решительный тон своего собственного циркуляра, требовавшего «немедленного» окончания следствий по делам о хищениях.

Каковы же результаты описанных циркулярных методов «борьбы» Туркменской республиканской прокуратуры с хищениями и растратами?

Количество хищений и растрат, которое и в прошлом году было весьма значительным, неуловимо растет. Так, за первое полугодие 1934 г. по «Туркменсауда» — одной из наиболее крупных кооперативных организаций Туркмении — было произведено хищений и растрат на 125 000 руб., а за 5 мес. 1935 г. — на 266 000 руб. (рост вдвое); по другой крупной кооперативной организации Туркмении, — «Туркменбирлящик» — за I полугодие 1934 г. было расхищено 1869 тыс. руб. против 1963 тысяч в первом полугодии 1935 г.

Если обратиться к работе Прокуратуры Республики по борьбе с обмериванием и обвешиванием, а также со спекуляцией, то и тут наблюдаются те же серьезные недостатки, что и в области борьбы с хищениями.

Прокуратурой Республики 29 марта был издан циркуляр, предписывавший прокурорским органам усилить борьбу с обмериванием и обвешиванием и информировать Прокуратуру Республики «не позже» 1 апреля о ходе этой борьбы.

Этот циркуляр никаких результатов не дал, и за I полугодие 1935 г. по всей Республике прошло лишь 15 дел об обмеривании и обвешивании.

Это обстоятельство побудило Прокуратуру Республики издать 16 июля новый циркуляр, предлагавший вновь райпрокурорам усилить борьбу с обмериванием и обвешиванием и неуклонно опротестовывать слишком мягкие приговоры по этим делам.

Этот циркуляр также не привел к реальным результатам. К моменту обследования бригадой Прокуратуры Союза работы Туркменской прокуратуры была констатирована неудовлетворительность борьбы Прокуратуры ТуркССР с этими видами преступлений. Между тем, на распространность последних государственная торговая инспекция ТуркССР неоднократно обращала внимание Туркменской прокуратуры.

По вопросу о борьбе со спекуляцией, Прокуратурой Туркменской ССР, 7 июля, был издан специальный циркуляр, который, однако, подобно всем вышеприведенным циркулярам, не привел к положительным результатам.

По приблике за весь 1935 г. прошло через следственные и судебные органы лишь 40 дел о спекуляции, т. е. весьма незначительное их количество. При этом заслуживает внимания тот факт, что в Красноводске и Чарджуе — местах, где обычно наблюдается усиленная спекуляция — дел о спекуляции за 1935 г. возбуждено не было.

Причиной столь неутешительного положения вещей, столь неэффективной борьбы прокурорских органов со спекуляцией, хищениями и растратами, обмериванием и обвешиванием, является то, что Прокуратура ТуркССР базирует всю свою работу, все свое руководство районами почти исключительно на составлении и рассылке циркуляров, без выездов в районы, без живого инструктажа и без оказания районным работникам практической помощи на месте.

Господствует, таким образом, в работе прокуратуры метод «приказа», а не «показа», метод письменного, циркулярного руководства.

При этом следует подчеркнуть, что сами по себе циркуляры Прокуратуры ТуркССР неплохи. Беда в том, что издание циркуляров не сопровождается непосредственным инструктированием районных работников, которые, будучи предоставлены самим себе, не в состоянии наладить работу или просто бездействуют.

Бездействие же районных прокуроров побуждает Прокуратуру Республики составлять новые очередные циркуляры, повторяющие в более «решительном» тоне но попрежнему столь же бесплодно, одни и те же указания.

Вывод напрашивается сам собой:

Обследование Туркменской прокуратуры показало лишний раз, что руководство, пользуясь

щесся лишь методом дачи письменных указаний низовым органам, — как бы правильны и своевременны ни были эти указания, — не многого характера в товарищеских письмах или жет добиться положительных результатов. Необходимо помимо дачи указаний принципиаль-

циркулярах. установление живой связи с районными работниками, непосредственное их инструктирование и главное — оказание им на месте практической помощи при разрешении конкретных дел.

А. Сольц

Очередные вопросы

К Октябрьской годовщине у нас принято отчитаться перед трудящимися в своей работе. Я не буду останавливаться на достигнутом, а хочу остановиться на тех вопросах, которые ждуть своей очереди и требуют своевременного разрешения.

Мы живем так быстро, мир в такой степени в нашей стране преобразуется, что в свое время правильные законы, нами издававшиеся становятся несоответствующими нашей современности. Одним из таких законов является ст. 162 УК РСФСР о краже. По этой статье за простое похищение чужой собственности полагается лишения свободы на срок до трех месяцев, которое фактически не применяется. За прошедшие годы в нашей стране многое изменилось. Собственность почти вся стала государственной или общественной, и мы по отношению к такой собственности еще три года назад сказали, что она священна, что крепкая кара должна постигнуть того, кто расхищает эту собственность, кто создает такие условия, такую обстановку, при которой она может быть расхищена. Но вопрос о частной краже еще ждет своего разрешения. Это сейчас вопрос большей частью о краже, полученной рабочим или служащим заработной платы.

Эту собственность охранять нужно крепко, ибо это накопленный трудящимся труд, который государство трудящихся обязано охранять. Вспоминаю случай, имевший место в практике московского судьи Горячева. Завхоз в одном совхозе утащил 15 000 руб., полученных для расплаты с рабочими, сбежал с ними в Москву и сдал на хранение в чемодане на вокзале, а затем попал в компанию темную и телдую, где пьяный уснул. Его сабутыльники вытащили квитанцию, получили деньги и поделили между собой. Все были захвачены и арестованы. Судья Горячев осудил завхоза к 10 годам, как похитившего государственные деньги, а других обвиняемых на основании ст. 162 УК РСФСР — к принудительным работам, как «обокравших частного». Надо статью эту исправить и усилить репрессию за кражу частного имущества.

Чтобы вовлечь в полезную для нас работу частный капитал, чтобы побудить частных пустить свои деньги на строительство, мы издали закон о застройках, по которому застройщики имеют право выселять своих квартирантов и брать с них какую им заблагорассудится квартирную плату. Образовался довольно значительный слой людей, которые превратились в самых страшных эксплуататоров, сосущих служащих и рабочих, самых вредных спекулянтов, каких только можно себе представить. Они в полной мере используют квартирный кризис. За

въезд в квартиру они каждый раз берут сотни и тысячи рублей и каждый месяц хотят менять жильцов, стремясь получить новые въездные. Есть рабочие, у которых половина заработной платы уходит на квартиру. Да и дом обыкновенно эти господа застройщики строят не на свои деньги, а путем обирания своих будущих квартирантов. Этот закон о застройках должен быть крочно и очень крепко переработан, а сейчас он необычайно вреден. Он дает возможность эксплуатировать квартирантов в самых широких размерах и несправедливых формах и разлагает застройщиков, у которых аппетит приходит и развивается по мере поедания тех, которые к ним попадают. Надо лишить их права выселять тех, кто аккуратно платит за квартиру, надо ограничить квартплату известными размерами, которые покрывают и текущие расходы и капитальные вложения.

Есть еще вопрос, который ждет срочного разрешения, — это вопрос об организации защиты труда тех, которые отбыли срок заключения. Для них существуют паспортные ограничения; на них тяготеет судимость. Пока они отбывают заключение, их исправляют трудом, их и на словах и на деле поучают, что спасение их в труде, в работе, которая вернет их в общество трудящихся, восстановит их в нем полноправными гражданами. Они кончают свой срок, их весьма часто даже досрочно освобождают за хорошую работу, как отличившихся, как ударников а потом... им предоставляют возможность искать работу. А воля их встречается часто неласково. Не находя работы, бывший преступник, еще не совсем укрепившийся на новом положении, возвращается к прежнему бытию. Пропадает затраченная на него культурная и агитационная работа, а иногда он еще больше озлобляется и решает, что честные пути для него закрыты, он лишен доверия навсегда. Кончающийся срок или досрочно освобожденные должны обязательно быть взяты на работу, на которой постепенно все ограничения должны быть сняты. Бывший преступник не может быть предоставлен только себе. Еще до того, как он покидает свое заключение, тем, кому сие велять надлежит, надо решить, где и как ему жить и работать. Только так необходимо делать, а то довольно часто освобожденные просят, чтобы их не освобождали, потому что освобождение нередко сводится к лишению работы и жилья и никак в таком случае не может расцениваться, как награда за хорошую работу.

Есть еще одна тема, которой я хочу коснуться. Она труднее и сложнее. У меня нет готового ответа и это скорее будут мысли вслух, участие в дискуссии, которая должна иметь место.

Закон об алиментах не разрешает вопроса о том, как быть с детьми, которые попадают в алиментные. При нормальных условиях благополучие детей зиждется на любви к ним родителей. Обязанность выплачивать алименты никак не может заменить этой любви. И забота о таких детях должна постепенно все больше и больше переходить к государству. Самые алименты в весьма значительной степени не выплачиваются. Такова практика. В этом повинны уклоняющиеся от алиментов и судебные работники, включая в их число и исполнителей, которые недостаточно внимания уделяют тому, чтобы решение было бы выполнено на деле. Но все же не в них одних все дело. Дело еще в «объективных» условиях, в том, что браки у нас зачастую заключаются несерьезно. Браки и разводы перемежаются слишком быстро, а в результате дети, которых закон об алиментах не обеспечивает. Если нельзя по-

мешать разводу тех, которые заявляют, что им не вмоготу жить вместе, то следует не разрешать развода заочно, без разрешения вопроса о детях. Я не знаю для чего в приговорах сообщать о преступнике, что он вдов, холост, женат или разведенный, но несомненно, что во всех документах, удостоверяющих личность человека должно быть указано, каково его положение в вопросе об алиментах. Брак вопрос не узко личный, а глубоко общественный, ибо с ним связан вопрос о детях, а дети это члены будущего общества, мыслью о которых мы должны жить, мы — больше, чем всякое другое общество, ибо мы, как ничто творим будущее и творчеством в нем живем. Это не может не требовать заботы о детях, внимания и любви к ним. Дети принадлежат коллективу в первую очередь и в этом направлении должен быть решен и алиментный вопрос.

С. Потравнов

Должностные преступления в органах связи¹

Среди преступлений в области связи большое место занимают должностные преступления, на осуществлении которых мы и остановимся.

Мы вынуждены отметить, что воровство, растраты, подлоги и другие формы преступлений до самого последнего времени не только не снижаются, а наоборот продолжают расти параллельно обороту хозяйства связи.

При обороте в 1933 г. в 16½ млрд. руб. хищения достигли 17 млн. руб. В 1934 г. оборот составил 20 млрд., а хищения достигли 22 млн. руб.

Отличительная черта преступлений в хозяйстве связи заключается в том, что совершать их могут только работники связи. Из общего числа осужденных 2548 чел. за 1934 г. нами рассмотрены данные в отношении 1339 чел., из коих только 73 чел. не являются работниками связи.

Различными формами подложных махинаций расхищают наличные денежные суммы, посылки, письма, переводы и т. д.

Особенно большой размах хищения приняла в почтовом хозяйстве (хищение зарегистрированных писем и посылок), о чем наглядно показывают нижеприводимые цифровые данные:

Динамика хищения писем и посылок по СССР

Год	Полугодие	Кол. число писем	Количество посылок	Общая сумма
1933.	II	2143	5679	621 160
1934.	II	5738	6325	997 043
1935.	I	5340	5101	818 297

¹ По материалам Института уголовной политики.

Рассматривая динамику хищения посылок и писем по полугодиям, приходится констатировать, что преступность до 1935 г. не только не снижалась в этой отрасли хозяйства, а наоборот в ряде краев росла (Северный Кавказ, Западная Сибирь, Куйбышевский край, Западная обл., Уральская обл., г. Москва и т. д.).

I полугодие 1935 г. дало незначительное снижение хищений по письмам, посылкам и по выплачиваемым суммам.

По 50 управлениям из 66 наметилась тенденция к снижению хищений, но все же хищения продолжают оставаться на довольно высоком уровне в хозяйстве связи.

Особо важно подчеркнуть за последний 1934 г. факты хищений особо ценных почтовых отправок. Например, в Саратове похитили ценную посылку в 45 тыс. руб. В Геокчайском почтовом отделении (Баку) была похищена ценная посылка на 64 тыс. руб. В Евлаховском почтовом отделении (Баку) была похищена ценная посылка в 50 тыс. руб. В Новосибирске похищена посылка на 52 тыс. руб. в мае 1934 г., а к розыску ее приступлено было только в начале 1935 г. В Ачинском ж.-д. почтовом узле (Западная Сибирь) работники связи Федяев, Вежневцев, Ивлева и Вяжнин систематически занимались хищением из посылок ценной пушнины (соболь).

Такое широкое хищение посылок объясняется прежде всего отсутствием классовой бдительности в органах связи. На работу принимаются и допускаются к ценностям люди с весьма темным социальным прошлым.

От пропажи писем и посылок страдают широкие массы трудящихся. Об этом говорят сотни тысяч жалоб, которые поступали и продолжают поступать в органы связи.

Наряду с кражей писем и посылок наиболее распространенным видом преступлений, в аппарате связи являются растраты и присвоения. Растраты и присвоения, главным образом, проявляются в операциях по переводным суммам в кассах аппарата связи.

Если на 1/1 1934 г. мы имеем растрат и присвоений на 4676,1 тыс. руб., на 1/1 1935 г. — 4887,1 тыс. руб., то на 1/IV 1935 г. мы имеем уже 4910,7 тыс. руб.

Таким образом растрачиваемые суммы из года в год увеличиваются, особенно резкий скачок дает I квартал 1933 г.

Вот несколько случаев растрат.

В Тульском р-не (Московская обл.) Аз Пичина в течение одного года растратила 23 362 руб.

В том же районе братья Овседовских растратили 26 952 руб.

В Яхроминском райотделе связи заведующий районом Воробьев присвоил 12 тыс. руб. На протяжении 10 мес. никто его не беспокоил. Заведующий агентством в Деренновичах (Киевская обл.) Бондарь растратил 2286 руб. В то же время происходила ревизия агентства, но она ничего не установила, так как помощник райотдела связи Ковтун, всячески поддерживал Бондаря.

В Азово-Черноморском крае в Новоджеливковском р-не отец и сын Ракинины и Козлов совершили растраты, после чего они переехали: Козлов в Успенку, а Ракинин в Аксай, где они растратили 42 тыс. руб. Оттуда они прибыли в Воронеж и устроились на работу...

В ЦЧО в Сосновском р-не зав. агентством растратил 15 тыс. руб., в том же районе зав. Лажским почтово-телеграфным отделением Никифоров растратил 19 294 руб. и скрылся.

Фабрикация подложных переводов и получение по ним денег, как правило, всегда является результатом групповой преступности, что представляет особую опасность.

Вот характерный документ, который был перехвачен у организатора, возглавлявшего группу лиц, занимавшихся фабрикацией подложных переводов на Северном Кавказе в Шахтинском р-не.

Главарь этой группы писал своему приятелю: «Сюда человек на 20 можно прислать на свой документ... (речь идет о высылке подложных переводов). Здесь можно пройти благополучно... Здесь еще не такая жестокая дисциплина». Группа объединяла 25 чел., почти все они были работниками райаппарата связи. Расхитили они 50 998 руб. В подавляющем большинстве члены этой шайки были кулаками.

Интересно заявление одного из членов шайки Цыганкова. На вопрос: почему он стал заниматься подделкой переводов, Цыганков ответил: «Зная, что существующий порядок, халатность и бесконтрольность не обеспечивают контроля за обработкой почтово-телеграфных переводов как в Туркмении, так и в других предприятиях Союза, я безбоязненно рассылал переводы». Цыганков занимался рассылкой подложных переводов с 1933 г. по апрель 1935 г. Только по 54 поддельным переводам он получил 20 247 руб.

Интересно и дело Колесниковой телеграфистки Западносибирского краевого управления. Колесникова вместе со своими подругами Филатовой и Мартыновой (обе дети кулаков) организовала группу в 5 чел., которая занялась рассылкой подложных телеграфных переводов. Ими было разослано подложных переводов на

2200 руб., из конх они успели получить только половину.

В г. Славгороде того же края телеграфисты Куршев и Стерляга создали группу в 22 чел. и на протяжении ряда месяцев занимались фабрикацией телеграфных переводов, по которым успели получить 8 тыс. руб.

В Харьковском центральном телеграфе телеграфист Гринько, организовав группу в 3 чел., в течение 3 мес. разослал на 25 тыс. руб. подложных телеграфных переводов, по которым было получено 14 тыс. руб. При обыске у них была обнаружена поделывная контрольная печать Барабинского почтового отделения.

В Москве на Центральном телеграфе была раскрыта шайка из 9 чел., возглавляемая телеграфистом Конятыным. Большинство шайки составляли телеграфисты. Они успели получить по 66 подложным переводам 22 460 руб.

Аналогичная шайка, существовавшая на протяжении ряда лет, была раскрыта и в Ленинграде.

В ЦЧО было оплачено за 11 мес. 1933 г. подложных переводов на 291 133 руб. За это же время по управлению связи Нижней Волги оплачено было по подложным переводам 129 850 рублей.

Нужно отметить, что существующий контроль по проверке и выявлению подложных переводов в лице бюро контроля переводов пока что не вполне дееспособен и не обеспечивает надлежащей борьбы за сохранность социалистической собственности.

Наряду с фабрикацией подложных переводов большое место занимают и кражи денежных сумм, посылки и других ценностей. Из 3033 зарегистрированных случаев хищения кражи составили 44%. Особенно благополучными в этом отношении являются Западная Сибирь, Свердловская область, ЦЧО. Так, в Западной Сибири в аппарат Усяжского узла Прокопьевского отдела связи пробралась группа отъявленных врагов советской власти, систематически занимавшаяся хищением ценных посылок, эта группа сумела украсть у советской власти 36 932 руб.

В Усть-Каменогорском (В. Казакстан) сын кулака Пищальников, по указанию отца, специально устроился на работу в почтовую контору, где через небольшой промежуток времени похитил 20 тыс. руб. и вместе с отцом скрылся.

Расхлябанность, недисциплинированность, разгильдяйство и слепая доверчивость, существующие в органах связи, — вот что, главным образом, способствует развитию хищений.

Только этим можно объяснить такие, например, факты:

На Северном Кавказе в Апшеронском почтовом отделении был принят на работу без всякой проверки некто Полторак, назначенный помощником зав. районом. Через несколько дней, похитив 2600 руб., он скрылся. Переехав в Московскую обл., Полторак был принят на работу в Лихославское почтовое отделение без проверки послужного списка и документов с последнего места работы. Здесь он был назначен на ту же должность, где, проработав три дня, похитил 1051 руб. Впоследствии, когда Полторак был задержан, он оказался профессиональным жуликом, гастролирующим по органам связи.

В Иркутске в 18 почтовое отделение явился аферист, отрекомендовавшийся обменщиком почты. Без всяких документов, удостоверяющих

его личность, он получил ценный пакет на 5 тыс. руб. и скрылся.

В Астраханское городское отделение был принят без проверки и допущен к ценностям профессиональный вор-рецидивист Д., осужденный на 10 лет и бежавший из мест заключения. При первой же возможности он похитил 28 тыс. руб. и 30 франков и скрылся.

Не чем иным, как только отсутствием бдительности, можно объяснить и дело Плясакова, патентованного афериста, сумевшего в течение года поработать в Смоленском управлении связи, Куйбышевском, Свердловском, ЦЧО, в Киевском. За это время он успел стащить 50 тыс. руб., 300 франков и 2 нагана.

К сожалению, таких Плясаковых в хозяйстве связи на сегодняшний день еще очень много.

Наряду с вышеупомянутыми формами преступлений большое место занимают и хищения путем двойных выплат.

В 1933 г. двойные выплаты составляли 6½ млн. руб. по почтовым и телеграфным переводам, из которых взыскано только 30%.

1934 г. дал снижение на 500 тыс. руб., но зато резко ухудшилось положение в I квартале 1935 г.

Если двойные выплаты в 1934 г. за квартал составляли 1153 тыс. руб., то в I квартале 1935 г. двойные выплаты достигли 1487 тыс. рублей, т. е. возросли по сравнению с 1934 г. на 334 тыс. руб.

Особенно неблагоприятными являются следующие управления связи:

№	Областные управления	Средн. кварт. двойн. выплаты 1935 г.	Двойная выплата в квартале 1935 г.
1	Ленинградская обл.	8,3	29,5
2	Воронежская обл.	22	56,7
3	Белоруссия	15	29,7
4	Западная обл.	18,2	31,9
5	Северо-Кавказский край	16	24,5
6	Днепропетровская обл.	44,2	49,3
7	Московская обл.	43,7	50,7
8	Карельская АССР	9,3	14,5
9	Ивановская обл.	25,2	39,5
10	Саратовский край	14,2	33,3
11	Северный край	16,2	29,2
12	Башкирия	22,5	27,7
13	Азербайджан	31,7	33,4

Причина двойных выплат объясняется исключительно нечелювкой работой аппарата связи и той функционалкой, которая еще до сего времени не изжита в органах связи.

Чем можно объяснить такое положение, когда одно предприятие связи дает другому предприятию связи справку о розыске денежного перевода, о том, что разыскиваемого перевода у него «в доступлении к выплате не значится», а в то же время в соседней комнате этот перевод оплачивается. Например, Московский почтамт на запросы Ходжента о почтовом переводе № 510 ответил, что разыскиваемый перевод «в поступлении и выплате не значится»,

в то время, как этот перевод был оплачен тем же Московским почтамтом. На основании справки Московского почтамта Ходжент по акту возвратил деньги отправителю. Вот эта — одна из многих причин, порождающих двойные выплаты.

Второй, немаловажной причиной, порождающей двойные выплаты, является бесконтрольность и безответственность работников связи. Например, посылается запрос по неправильно оформленному переводу, но не дожидаясь ответа, производится выплата денег, и когда приходит подтверждение об исправлении, деньги вторично выплачивают.

Наконец, за счет слабо поставленной контрольно-справочной службы следует также отметить известную долю двойных выплат.

Так например, из Заранска был сделан перевод № 464 на 2 тыс. руб. в Московский почтамт Новикову, по которому он и получил 16/V 1935 г. деньги. Этот же перевод вторично поступает, и вторично 21/V 1935 г. Московский почтамт выплачивает Новикову 2 тыс. руб.

Бюрократизм и косность аппарата в охране социалистической собственности в немалой степени способствует увеличению двойных выплат. Когда предприятие связи запрашивает другое предприятие: «Не был ли ими оплачен такой-то перевод», — последнее не отвечает. Тогда запрашивающее предприятие оплачивает перевод. В результате поступает перевод. Теперь это предприятие запрашивает первое о выплате. Первое молчит. Тогда по акту оплачивает второй раз. Так был оплачен перевод № 42 из Владивостока на 200 руб. в адрес Москва, 9. Когда Владивосток запрашивал Москву и последняя не ответила, Владивосток возвратил деньги отправителю. В тот же день 9 отделение телеграфировало Владивосток: «Бланк подтверждения получен, перевод не поступал. Просим подтвердить». Теперь Владивосток не отвечает Москве, и 9 отделение выплатило адресату деньги.

Борьба с двойными выплатами, как правило, не велась и не ведется.

По материалам Наркомсвязи за последние 1½ года видно, что за это время ни один работник не был привлечен к ответственности за допущенные двойные выплаты.

Наряду с хищениями, растратами, присвоениями, и должностными подлогами, которые являются основными видами должностных преступлений в органах связи, часто встречаются в судебной практике дела, квалифицируемые судами, как злоупотребление властью со стороны должностных лиц.

Из 527 рассмотренных во II половине 1933 г. дел по ст. 109 было 17%. Во II половине 1934 г. дел рассмотрено 695 дел, из коих по ст. 109 проходило 24,6% дел.

Одним из видов такого злоупотребления являются широко распространенные позанемствования переводного фонда и государственных средств на местные нужды. В этом, главным образом, повинны руководители районных отделов связи. Существует соглашение между Наркомсвязи и Госбанком о том, что последний обязан опускать местным органам связи по их требованию неограниченные суммы на оплату денежных переводов. Используя свое право для получения денег под видом оплаты переводов, пускают их на кредитование местных коопера-

тивных органов, на зарплату и т. д. Для того чтобы представить, какую дезорганизацию вносят в финансовую дисциплину похищения, мы приведем следующие данные.

Еще в октябре 1934 г. на заседании СНК прокурор Союза т. А. Я. Вышинский указал, что похищения в хозяйстве связи на 1/1 1933 г. составляют 82 млн. руб. Нужно отметить, что большинство этих сумм в дальнейшем были списаны с баланса. Похищения, как правило, практикуются почти во всех управлениях связи до последнего времени. Так например, в ЦЧО похищения из переводных сумм в конце 1934 г. достигли 182 тыс. руб. В Узбекской республике только по одному району (Самарканд) — 120 тыс. руб.

Халатное отношение к служебным обязанностям и невнимательное отношение наблюдаются особенно при передаче текстов телеграмм. Нередки случаи неузнаваемого искажения телеграмм.

Так например, по телеграмме 5 ноября 1934 г. из Алма-Аты в Москву в адрес «Главцветмет» НКТП требовалась погрузка 65 вагонов для перевозки свинца Риддерского комбината со станции Жангиз-Тобе Турксиб в Ленинград, Саратов и другие города. Вместо слова «свинец» телеграфист Алма-Аты Прокопенко передал «свиней».

Необходимо решительно повести борьбу с подобными искажениями, являющимися результатом халатного отношения к служебным обязанностям.

Выше уже было показано, как классово враждебные элементы и их приспешники используют свое положение в целях хищения различного рода ценностей в хозяйстве связи. Классовый враг использует свое положение не только для хищения, но и как метод маскировки более опасных преступлений против диктатуры пролетариата. Участники должностных преступлений образуют сплоченные группы профессиональных преступников, переходящих от должностных преступлений к организованным грабегам и бандитским налетам на почтовые предприятия. Связь должностных лиц с рецидивистами часто приводит к тому, что отдельные почтовые работницы деклассируются и становятся на путь совершения корыстных преступлений, превращаясь в резерв профессиональных преступников.

Так несколько лет назад в Тамбове имел место целый ряд случаев убийства письмоношцев, причем убийства совершались именно тогда когда письмоношцы получали крупные деньги для вручения адресатам. Раскрытие этих убийств показало, что должностные лица органов связи бандитам сообщали, когда письмоношцам вручались деньги.

О действиях классового врага со всей очевидностью говорит дело по обвинению Лазаренко, Панченко и др. в г. Ташкенте.

Сущность дела заключается в том, что монтер Лазаренко с группой других монтеров Узбекского управления связи в течение небольшого периода времени в окрестностях Ташкента по указанию торговца Марфиоросьянова срезали действующий провод и продавали последнему. В результате 15 тыс. метров действующих проводов были срезаны и целый ряд крупных предприятий был оставлен без связи.

Такого рода преступления, как изоляция важнейших предприятий от центра, нельзя не рассматривать, как вредительство.

Значительный рост хищений и пропажа почтовых отправок дезорганизуют деятельность социалистической связи, причиняя колоссальный убыток государству и населению. Это обстоятельство побудило правительство в начале 1932 г. вынести специальное постановление о введении более суровых мер наказания за хищение и пропажу почтовых отправок. ЦИК и СНК СССР предложили правительствам союзных республик «обеспечить привлечение к уголовной ответственности всех совершающих подобного рода преступления и быстрое рассмотрение судами дел о таких преступлениях» (СЗ 1932 г. № 9).

Исходя из того, что размеры хищения в органах связи систематически растут, пленум Верховного суда Союза 25 февраля 1933 г. указал местам, что за подобного рода преступления должен применяться закон 7 августа 1932 г., и дела должны рассматриваться с максимальной быстротой и мобилизацией общественного внимания вокруг процессов.

Нам пришлось проверить, как проводятся в жизнь директивные указания по борьбе с преступлениями в органах связи на местах (Западная Сибирь, Восточный Казахстан, Узбекстан). К сожалению, до II квартала 1935 г. не было еще перелома в борьбе с преступлениями в аппарате связи.

Дела расследуются долго, прокурорский надзор слаб, суды черезчур широко практикуют в качестве меры наказания и-т. работы.

Между тем, принимая во внимание, что преступления в аппарате связи совершаются должностными лицами и в абсолютном своем большинстве носят корыстный характер, необходимо применять более повышенные репрессии к этим работникам чем и-т. работы.

По отдельным краям, областям и республикам мы имеем явно оппортунистическую недооценку опасности этих преступлений.

Нарсуд Ворошиловского р-на Донецкой обл. приговорил кассиршу Утешеву за подлоги и хищения 6258 руб. к 1 году и-т. работ.

В Рубжанском р-не той же области заведующий райотделом связи Эдемский, растративший 8074 руб., был осужден к 8 мес. условно. Нарсуд г. Ирбита приговорил работника связи Михина за систематические кражи из посылок к 6 мес. и-т. работ.

Нарсуд Дзержинского р-на г. Новосибирска за систематические хищения из посылок приговорил связиста Спивака к 1 году и-т. работ. Чтобы иметь хотя бы общее представление о Спиваке, достаточно привести тот факт, что во время его допроса он у следователя похитил паспорт.

В то же время мы имеем искривление карательной политики и другого порядка. Так например, за присвоение 15 руб. почтальон Красильский был приговорен к 2 годам лишения свободы. За потерю возчиком Цимбал посылки тот же суд приговорил его к 3 годам лишения свободы.

Прокуратура со своей стороны недостаточно принимает меры и не опротестовывает мягкие приговоры. Слаб надзор и за следствием по этим делам.

Дела, связанные с преступлениями в хозяйстве связи, расследуются в абсолютном своем большинстве в сроки от 2 мес. и больше.

В Саратовском крае в Балашевском, Колышлейском и в ряде других районов дела тянутся по году, тогда как в этих районах хищения и растраты увеличиваются.

Медлительность расследования, главным образом, падает на дела наиболее важные по размерам хищения социалистической собственности.

С таким же положением мы столкнулись и в Восточном Казахстане. Дело кассирши Сысоевой — образец той безобразной недооценки преступности органами юстиции в аппарате связи. Сысоева была вначале уличена в присвоении двух переводов на 251 руб. Следствие затянулось на несколько месяцев. За это время Сысоева успела присвоить еще несколько переводов на 3998 р. 62 к. И после всего суд приговорил Сысоеву к 1 году и. т. работ.

В Харьковской обл. была похищена денежная сумка с 9220 руб. и кроме того имелась растрата 1370 руб., совершенная работницей Бонт и ее братьями. Дело это было назначено к слушанию только через год.

В Донецкой обл. из 76 осужденных за преступления в органах связи в первую половину 1934 г. 40 чел. сбежало.

Во многих краях и республиках в результате затяжных расследования имеет место потеря уголовных дел. (Ташкент, БССР, Северный край и т. д.). Расследования производятся крайне по-

верхностно, часто не выявляется классовое лицо преступника, социальное положение записывается со слов обвиняемого, не устанавливается действительный виновник правонарушения, что влечет потом или к прекращению дел судом или исправлению на доследование.

Длительное расследование приводит к тому, что дело утрачивает общественный интерес, способствует сокрытию следов преступления, помогает обвиняемому скрыться от суда и следствия, разбазарить или скрыть свое имущество. В итоге дела о связи залеживаются месяцами.

Плохо обстоит дело с проведением в жизнь закона о материальной ответственности. Из материалов Центрального бюро жалоб Наркомсвязи видно, что в 1934 г. наркоматом за хищения и другие злоупотребления по жалобам: I квартал — выплачено 495 786, взыскано 112 979 = 22%; II квартал — выплачено 553 866, взыскано 154 251 = 27,9%.

Между тем по закону выплачиваемый фонд должен покрываться за счет виновников и поэтому правительство ассигновало специальный фонд для оборота, который должен все время восстанавливаться путем применения закона о материальной ответственности. А пока что за проведением в жизнь закона о материальной ответственности прокуратура не наблюдает.

Такова динамика должностных преступлений в аппарате связи на сегодняшний день. Приходится констатировать, что суды судят еще плохо, а прокуратура недостаточно осуществляет свой надзор.

М. Мальсагов

Заочное правовое обучение

В свете исторического лозунга т. Сталина «Кадры решают все» система заочного правового образования для практических работников приобретает исключительное значение.

Особенно большое значение заочное образование призвано играть в системе органов юстиции, где количество работников с высшим правовым образованием крайне незначительно и где недостаточная квалификация практических работников необычайно резко сказывается на количестве неправильно возбужденных дел, отмененных и измененных приговоров.

Заочное правовое образование для органов юстиции должно явиться одной из основных форм подготовки и переподготовки правовых кадров.

При правильной постановке заочное образование позволяет с минимальными затратами охватить учебой десятки тысяч человек, не отрывая их от производственной работы, независимо от расстояния, проникая буквально во все самые отдаленные углы Советского союза, где отсутствуют стационарные учебные заведения. Система заочного образования, как подчеркнул т. Вышинский на Всесоюзном совещании работников по заочному правовому образованию имеет возможностей, пожалуй, гораздо больше и может быть гораздо более результативной, чем система краткосрочных конференций, курсов и т. д. потому, что она

рассчитана на большую систематичность и самостоятельность в работе, а выработка самостоятельного мышления у низовых прокурорских и судебных работников необычайно важна и ценна, пожалуй, более важна и ценна, чем для работников какой-либо другой системы.

Постановление правительства Союза ССР 5 марта 1935 г. дает широкие возможности для развертывания системы заочного правового образования по всему Советскому союзу. До этого постановления заочное правовое образование, за исключением УССР, существовало только в РСФСР, где им руководит Центральный заочный правовой институт (ЦЗПИ).

ЦЗПИ широко развернул заочное правовое образование в пределах РСФСР. Так, на 15 октября с. г. контингент Заочного института вырос до 5421 чел. и в 1935/36 г. институт даст свой первый выпуск, который в 1936 г. должен увеличиться на 80—100%.

Центральный заочный правовой институт в добровольном порядке оказал большую практическую помощь НКЮ тех республик, в которых по указанному постановлению правительства была намечена организация секторов Заочного правового образования.

Так, ЦЗПИ направил своих представителей в Белоруссию, Армению, Грузию, Азербайджан, Узбекистан, Таджикистан и Туркмению. Во всех указанных республиках, кроме УССР, где эта

работа проводилась раньше, организованы сектора заочного правового образования, подобран и проинструктирован аппарат, составлены сметы на содержание заочных секторов до 1 января 1936 г., по которым правительствами этих республик выделены средства и приказами по отдельным наркоматам юстиции оформлены льготы заочников. Заочные сектора получили весь инструктивный материал по вопросам проведения набора и развернули эту работу, хотя и с значительным запозданием. Кроме того заочные сектора снабжены всеми необходимыми для начала учебного года учебно-методическими документами, инструктивным материалом и учебной литературой.

Правда, программы даны пока еще не по всем дисциплинам 1 семестра, но материал, которым располагает на местах сектор, вполне достаточен для начала учебного года, так как заочная система требует, чтобы заочник работал одновременно не более чем над двумя-тремя предметами.

Как основной недостаток, который будет тормозить работу заочных секторов, необходимо отметить полное отсутствие правовой литературы на национальных языках и, что гораздо хуже, полное отсутствие квалифицированных переводчиков в большинстве указанных республик.

Очень неблагоприятно отзовется на развертывании заочного правового образования в национальных республиках недостаток литературы и на русском языке, так как вышедшая до сих пор учебная литература уже почти полностью распределена среди контингента заочников РСФСР. Чтобы не сорвать учебный год, надо добиться разрешения на перепечатку уже изданных материалов и выпуск их в виде отдельных брошюр или статей по тем темам кур-

са, по которым нет литературы. Но для этого нужно ставить вопрос о разрешении возобновления издания информационно-методического бюллетеня.

Помимо перечисленных трудностей, которые нужно преодолеть, имеются еще такие, которые возникают по вине аппарата ЦЗПИ. Несмотря на острый недостаток литературы, программ и методических материалов, на аппарате ЦЗПИ лежит исключительная ответственность за своевременное снабжение заочных секторов союзных республик имеющейся в наличии литературой и учебно-методическими документами, но аппарат ЦЗПИ с этой задачей не всегда справляется, так отобранная Узбекстанскому сектору литература лежала на складе свыше 10 суток. Имеют место и другие ошибки, менее значительные чем эта. Все эти недочеты необходимо решительно преодолевать.

Развитие и укрепление системы заочного правового образования в значительной степени осложняется слабой помощью и поддержкой со стороны местных органов юстиции, недостатком кадров заочных работников и целым рядом до сих пор неизжитых недочетов в работе Центрального института, заочных секторов и консультационных пунктов. К числу этих же недочетов следует отнести: запоздание программ и другие срывы в учебно-методическом обслуживании заочников, нечеткость постановки учета успеваемости и движения заочников, слабость оперативного руководства работой консультационных пунктов со стороны секторов, слабость преподавательской базы консультационных пунктов, недостаточный охват студентов учебными конференциями.

Со всеми этими недочетами в системе правового образования нужно вести неустанную борьбу.

Н. Александровский

Прокуратура и печать в борьбе за проведение хозполиткампании 1935 г.

Июньский пленум ЦК ВКП(б) четко поставил перед сельским хозяйством Союза задачи, необходимые для успешного и своевременного окончания уборки и проведения заготовок сельскохозяйственных продуктов.

Осуществляя указания пленума ЦК ВКП(б) ряд республик, краев и областей своевременно провел уборку урожая и досрочно выполнил план хлебосдачи. Свыше 20 областей и краев Союза досрочно выполнили годовые планы хлебосдачи.

Существенную роль в этой победе необходимо отнести большевистской печати.

Большую помощь печать оказала и органам прокуратуры в их борьбе с имевшими место недочетами и преступлениями во время проведения хозполиткампаний.

В то время, когда на полях еще зеленели колосья яровых, когда до уборки было еще много времени, газеты уже сообщали о случаях умышленного снижения урожайности в ряде колхозов и совхозов Союза.

В заметке «Обманное снижение урожайности», опубликованной в газете «Соц. земледелие» 26 июня 1935 г., приводились факты умышленного снижения урожайности в Ивнянском р-не Курской обл. Председатель Верховенского сельсовета Рядинский посоветовал руководителям колхоза «Красная нива» снизить запланированную урожайность зерновых на 3 центнера с га, «чтобы не ошибиться». Председатель Кочетовского сельсовета Пашетных исправил цифры урожайности зерновых, представленные колхозом им. Сталина, так что урожай с гектара озимой пшеницы оказался преуменьшенным на 3 центнера и по ржи на 2 центнера. Расследование заметки было произведено прокуратурой Курской обл. Факты, изложенные в заметке, подтвердились, и прокуратурой был поставлен вопрос перед президиумом Ивнянского рика о наложении взыскания на председельсовета Пашетных.

Своевременное и высококачественное проведение уборки урожая зависело от максимально-

го использования сельскохозяйственных машин. Вопросам подготовки и эксплуатации тракторов, комбайнов, молотилок и других сельскохозяйственных машин печатать уделяла огромное внимание. Все неполадки, мешающие максимальному использованию на уборке урожая тракторного и комбайного парков, повседневно вскрывались на страницах газет.

«Правда» 17 июля 1935 г. в заметке «Комбайн сгорел» сообщила о случае варварского обращения с комбайном в Воронцово-Александровском р-не Азово-Черноморского края. Водитель комбайна — инструктор-механик Антипов, зная, что комбайн был плохо отремонтирован, продолжал эксплуатировать агрегат. При заводе мотора комбайна произошла вспышка, от которой загорелся бензин, пламя быстро охватило солому и комбайн сгорел до тла. Произведенное органами прокуратуры Азово-Черноморского края расследование заметки установило правильность сообщения газеты. Прокуратурой было установлено, что пожар возник по вине механика Антипова и бригадира Шетенина: Антипов и Шетенин были привлечены к уголовной ответственности.

Успешное проведение хлебопоставок государству требовало от ряда сельскохозяйственных органов своевременной подготовки складских помещений для урожая текущего года. Сохранность урожая в громадной степени зависела от своевременной готовности складов, элеваторов, приведения их в такое состояние, при котором поступивший хлеб мог бы храниться продолжительное время без каких-либо потерь и порч. На этом участке сельского хозяйства много еще беззаботности, граничащей с явной преступностью.

В Свердловской газете «Колхозный путь» была опубликована заметка «Беспризорный хлеб». В заметке сообщалось, что колхоз «Большевик» Кизеловского р-на сдал на склад Заготзерна 21 тонну хлеба, предназначенного для сдачи государству. Склад был совершенно не приспособлен для хранения зерна. Хлеб заливал дождь, поедали мыши, и зерно сыпалось сквозь щели в полу. Склад никто не охранял. Расследование фактов преступного хранения хлеба было произведено органами прокуратуры Свердловской обл. Все указанное в заметке подтвердилось, и прокуратурой был привлечен к уголовной ответственности зав. базой Заготзерна Вольфсон.

Остатки разбитого, но не добытого еще до конца, классового врага стараются на всех участках нашего хозяйства вредить и пакостить делу рабочего класса. Еще нередки случаи, когда классовый враг, маскируясь, пробирается в колхозы и совхозы, расхищает общественное имущество, хлеб, вредит в социалистическом секторе сельского хозяйства нашей страны.

В деле охраны урожая текущего года органам прокуратуры, стоящим на страже охраны социалистической собственности, печать оказала большую помощь.

В газете «Правда» 16 сентября 1935 г. была помещена заметка «Враги и жулики на Актюбинском элеваторе». Актюбинский элеватор был совершенно не подготовлен к приему хлеба. В помещениях элеватора был засыпан прошлогодний хлеб, зараженный клещом. Новый склад не был построен. Поступающее зерно сыпало-

лось во дворе элеватора прямо под открытым небом. На дворе элеватора, а также в соседней мельнице образовались горы хлеба. 1500 центнеров пшеницы были ссыпаны у самого крыльца конторы. Аналогичная картина была и в других местах. Всюду лежали ничем не покрытые горы хлеба, которые мокли под дождем, загрязнялись и рассыпались по всей территории элеватора. На элеваторе вошло в систему обесчистывание хлебосдатчиков. Ряд работников элеватора были классово чуждые люди. Так например, лаборант Хоменко был лишен избирательных прав, качественник Урусов бывший дворянин и др. Расследование заметки было произведено прокуратурой Актюбинской обл. Факты, указанные в заметке, в основном подтвердились, и против руководства и работников элеватора было возбуждено прокуратурой уголовное преследование.

Приведенные выше примеры совместной борьбы прокуратуры и печати сами за себя говорят об огромном значении совместных действий прокуратуры и советской печати. К сожалению, приходится констатировать, что это многие прокурорские работники до сих пор недооценивают. До сих пор наблюдаются случаи волокиты с расследованием сообщений газет. Применение конкретных мер по расследованию заметок о хищениях, порче, потере хлеба, неподготовленности к уборке сельскохозяйственных машин, неподготовленности складских помещений и т. д. требует от органов прокуратуры срочного реагирования на эти факты. Налицо же имеет место иногда недопустимая волокита с расследованием этих сообщений, в конечном итоге, благодаря которой вмешательство прокуратуры в эти дела теряет значение.

В заметке «Лживые цифры об урожайности», опубликованной в «Крестьянской газете» 20 июня с. г., приводились случаи уменьшения урожайности в ряде колхозов Северокавказского края. Так например, председатель колхоза «Красная белка» Ипатовской МТС Колмаков в официальных сведениях, поданных в райзо, уменьшил урожайность в 2½ раза. Директором Софиевской МТС урожайность была определена на-глазок, в результате чего последняя снизилась на 20%. В ряде других колхозов и МТС, примерно, проявляются такие же антигосударственные тенденции в деле определения урожайности.

По данной заметке требовалось немедленное принятие конкретных мер. Не столько важно было привлечь к ответственности виновных в снижении урожайности, как добиться повышения урожайности до действительной нормы.

Прокуратура Союза 25 июня 1935 г. предложила прокурору Северокавказского края произвести расследование заметки и 10 июля сообщить результаты. Но прокуратура Северокавказского края не торопится. Несмотря на посланные ей два напоминания, ответ о результатах расследования заметки до настоящего времени не получен. Куда годятся такие черпаши темпы «оперативной» работы прокуратуры Северокавказского края? Прокурору Северокавказского края т. Гарину надо серьезно заняться ликвидацией волокиты в аппарате краевой прокуратуры.

В «Правде» 29 мая с. г. была помещена заметка «Преступное отношение к комбайнам». Криворожский зерносовхоз имел 55 комбайнов,

В текущем году совхоз забраковал как «совершенно непригодные» 25 комбайнов. Вместо них в совхоз завозились новые. Забраковка 25 комбайнов являлась сплошным оковитирательством. Инженеры завода «Коммунар» установили, что эти комбайны нуждаются в обычном ремонте. Директор зерносовхоза Мирошниченко, начальник политотдела Смородин и механик Беляев списали комбайны для того, чтобы скрыть следы бесхозяйственного отношения к ним.

В день опубликования заметки Прокуратура Союза телеграфно предложила днепропетровскому областному прокурору произвести расследование и привлечь виновных к ответственности. 8 июня днепропетровский облпрокурор сообщил телеграммой, что в Зерносовхоз выехал старший следователь, и результаты расследования по окончании будут сообщены. С момента присылки телеграммы прошло четыре с лишним месяца, но результаты расследования, несмотря на неоднократные напоминания, до сих пор не сообщены.

В заметке «Преступное хранение зерна», опубликованной в газете «Правда» 28 июля с. г., сообщались факты преступного отношения к хранению государственного хлеба в Красноярском крае. В Злобинском зерновом городке Заготзерна скопилось 60 тыс. тонн хлеба, зараженного клещом. Злобинские зернохранилища были введены в эксплуатацию всего лишь год назад, и только исключительная небрежность обслуживающего персонала привела к такому заражению хлеба.

Прокуратура Союза заинтересовалась сообщением газеты и предложила прокурору Красноярского края сообщить к 16 августа, какие меры были приняты по данной заметке. Посылалась напоминания, но ответа по сегодняшний день не получено.

В заметке «Разбазарено 40 тысяч пудов хлеба» («Известия» 24 июля 1935 г.) сообщалось, что на складах Мятлинского пункта Заготзерна в результате преступной халатности и безответственности было разбазарено свыше 40 тысяч пудов государственного хлеба. Поступающая на склады мука принималась без веса, по числу мешков. Учет отпуска муки со складов почти отсутствовал.

Прокуратура Союза 26 июля запросила прокурора Западной обл. о принятых по заметке мерах. Неоднократно посылаемые напоминания об ускорении присылки до сих пор отклика не дали.

Примеров волокиты в деле расследования газетных заметок можно было бы привести и больше, но и приведенных достаточно, чтобы сделать вывод, что в деле проведения хозяйственно-политических кампаний текущего года некоторые органы прокуратуры недооценили значение печати, и приведенные факты волокиты это подтверждают.

Органам прокуратуры на местах необходимо проверить у себя в аппарате и по всей периферии постановку работы по расследованию газетных заметок.

Этим делом необходимо заняться немедленно.

Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза

Председатель Дубковского поселкового совета Звенигородского р-на Московской обл. Петрова Анна Карловна, технический секретарь и счетовод Петров Владимир Петрович (муж первой) и председатель ревизионной комиссии Хлыстов Михаил Иванович были преданы суду: Петрова по ст. 109, ч. 1 ст. 116 и ч. 2 ст. 117 УК, Петров по ст. 109 УК и Хлыстов по ст. 111 УК.

Нарсуд 53 участка Звенигородского р-на признал доказанными в отношении Петровой: незаконные поборы с населения при выдаче продкарточек, с присвоением собираемых денег;

незаконное установление и взимание с населения, начиная с 1929 и по август 1934 гг. 50-процентного сбора от суммы самообложения (за 1932—1934 гг. установлено незаконное получение 7225 руб.) и неоприходование этих сумм по массовым книгам, а также и отсутствие оправдательных расходных документов на них; присвоение излишне взимаемых с населения за дрова денег в сумме 1419 руб.;

незаконное создание должности техсекретаря-счетовода для своего мужа с выплатой ему зарплаты с 1931 по 1934 гг. из сумм дополнительного обложения;

использование своего служебного положения для отвода себе трех сенокосных участков и эксплуатация наемного труда на этих участках;

получение взяток от гр. Гавриловой за предоставление земельного участка под застройку и от гр. Воицкого за выдачу справки для получения паспорта;

умышленное недообложение «по дружбе» подоходным налогом крупных дачевладельцев и сокрытие от обложения своих собственных доходов;

зажим в отношении лиц, выступавших с критикой ее работы, и в частности, незаконное лишение избирательных прав красного командира Василевского;

растрату 882 руб. из бюджетных средств, которые не были оприходованы до момента ревизии;

проведение во всей работе совета кулацкой линии, замена рабочего актива «своими», классово чуждыми людьми.

По совокупности преступлений, предусмотренных ст.ст. 109, ч. 1 ст. 116 и ч. 2 ст. 117, нарсуд приговорил Петрову к 5 годам лишения свободы.

Петров признан судом виновным в том, что с корыстной целью не вел учета поступившим по дообложению суммам, взимал с населения и присваивал излишние сборы за дрова и продкарточки; в 1933 г. умышленно приходовал по квитанционной книге разных сборов меньшие суммы чем те, на которые выписывались гражданам квитанции, присваивая себе разницу (на выборку установлено присвоение 147 руб.). Нарсуд приговорил его по ст. 107 УК к 2 годам лишения свободы.

Явно корыстный характер деяний Петровых суд устанавливает между прочим и тем, что они за короткий период времени приобрели лошадь, корову и произвели постройки, оцененные при местном осмотре в 2500 руб.

Обвиняемый Хлыстов осужден по ст. 111 за халатно-проведенные ревизии на 1 год и-т. работ.

Все пункты обвинения Петровых обоснованы данными как предварительного, так и судебного следствий.

Кассколлегии Мособлсуда, рассмотрев дело по жалобам осужденных, нашла, что приговор суда по существу вынесен правильно, но подлежит изменению.

Признав наличие незаконного взимания дополнительного налога и повышенного сбора за продкарточки, Облсуд утверждает, что «все эти средства шли на нужды совета», тогда как нарсуд прямо признал, что суммы, полученные за продкарточки, присваивались Петровой. «В части недостачи денег 430 руб. по делу также преступление доказано».

Дальше в определении дословно сказано: «В остальном, как-то: во взятках, в переборе 3 руб. за кубометр дров, в присвоении себе трех участков луга, преступление Петровой материалом не подтверждается, следовательно, деяние ее надлежит квалифицировать по ст. 109 УК, остальные статьи отпадают». Поэтому облсуд, перейдя в отношении Петровой на ст. 109 УК, заменил ей лишение свободы 1 годом и-т. работ.

В отношении Петрова облсуд нашел, что «злоупотребления по делу не имеется, поскольку ответственность несла за работу всего совета его жена». Деяния Петрова и Хлыстова облсуд переквалифицировал по ч. 2 ст. 112 УК и заменил им меру наказания, избранную нарсудом, общественным порицанием.

Президиум Мособлсуда, рассмотрев это дело по протесту прокурора нашел, что определение УКС не вытекает из обстоятельств дела, что «имеется достаточно данных о том, что полученные Петровой вместе с мужем незаконные сборы в большей части присваивались и расходовались на свои нужды», со стороны же Хлыстова не были своевременно приняты меры к пресечению обнаруженных им злоупотреблений.

Президиум Мособлсуда определил: отменить определение КК, оставив в силе приговор суда.

Судебная коллегия Верхсуда РСФСР, рассмотрев это дело по жалобе Петровых в порядке надзора, нашла, что «Петрова незаконно перебрала за заборные книжки 345 руб. и обратила их на расходы — оплату за разъезды по исходатайствованию этих карточек, неправильно собрала с населения дополнительные средства по самообложению 7725 руб. за период с 1929 (2) по 1934 г.; сумма эта выявлена, как говорит

приговор суда, неточно, но и та и другая сумма израсходована сельским советом, хотя не в порядке надлежащего оформления, на общественные надобности; получение взяток не подтверждается материалами дела: Петрова виновна в совершенных деяниях по ст. 109 УК.

Петров, работая техническим работником совета, не может нести за это (за злоупотребления) ответственности. Из этих соображений Верхсуд отменил определение президиума Мособлсуда, оставив в силе приговор нарсуда и изменившее его определение КК Мособлсуда.

Прокуратура Союза опротестовала определение Мособлсуда и определение судебной коллегии Верхсуда РСФСР 25/II 1935 г., вынесенными в противоречии с фактами, установленными в деле.

При наличии в деле ряда свидетельских показаний о взятках и корыстных злоупотреблениях Петровой ни облсуд, ни Верхсуд не могли указать, как это они сделали, что данные обвинения не подтверждаются материалами дела. Если наличие оправдывающих Петровых данных делало в глазах кассинстанции сомнительным обвинительный приговор в этой части, единственным правильным и вполне отвечающим принципам УПК выходом для кассационной и надзорной инстанций являлась отмена приговора с направлением дела для нового более полного рассмотрения, долженствующего путем допроса всех свидетелей уточнить вопросы о взятках и присвоениях.

В отношении же Петрова и облсуд и Верхсуд выдвинули совершенно неправильный с точки зрения нашего УК тезис о неответственности его за злоупотребления (в том числе и присвоения) на том основании, что ответственным за всю работу совета лицом явилась его жена. Ответственность руководителя учреждения за направление работы отнюдь не снимает уголовной ответственности того сотрудника, который в соучастии с этим руководителем совершает преступления.

Неправильной является и переквалификация деяния Хлыстова на ч. 2 ст. 112 УК при наличии его собственного признания в том, что он по халатности не сообщал даже о вскрытых им фактах нарушений закона со стороны Петровой, а также не углублял своих ревизий (л. д. 113).

Президиум Верхсуда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил передать это дело для вторичной проверки обоснованности предъявленных обвинений по взяточничестве и присвоении в коллегиям Верхсуда по уголовным делам иного состава.

Постановлением уголовной коллегии Верхсуда РСФСР приговор нарсуда отменен, и дело направлено для нового рассмотрения в тот же народный суд в ином составе.

Тифлисский объединенный нарсуд отказал в иске медскладу Центрального комитета грузинского общества Красного креста к дирекции Закавказских ж. д. о взыскании 2283 р. 77 к. убытков.

Кассколлегии Верхсуда Грузии это решение оставила в силе.

Прокуратура Союза опротестовала решение нарсуда и определение кассколлегии Верхсуда по следующим основаниям:

Материалами дела установлено, что груз, прибывший на ст. Тифлис по накладным № 61216 и 66975 в адрес Резиносбыта, передавшего права на этот груз медскладу Центрального комитета грузинского общества Красного креста, несмотря на все принятые своевременно меры со стороны грузополучателя, 8/1 1933 г. был продан ж. д. за бесценок — 63 руб.

Такая продажа ж. д. груза грузинского общества Красного креста являлась сугубо незаконной, во-первых, груз стоимостью в 2283 р. 77 к., как это следует из имеющегося в деле счета за № 14/3, продан ж. д. без торгов, в нарушение существующих правил о порядке реализации невостребованных грузов; во-вторых, продажа ж. д. груза грузинского общества Красного креста являлась еще и потому неправильным актом, что по делу неоспоримо доказано, что истец своевременно и неоднократно обращался к ж. д. с просьбой проверить прибытие груза. 21 ноября представитель грузинского общества Красного креста справлялся о прибытии груза на ж. д., причем агент ж. д. отметил на обороте квитанции к ж. д. накладной за № 61216, что «прибытия нет».

Из дела видно, что груз продан ж. д. 8/1 1933 г., а прибыл на ст. Тифлис 5/IX 1932 г., следовательно, в момент обращения истца к должностным лицам ж. д. за справками о прибытии груза, с предъявлением дорожных распорядительных документов на этот груз, он находился уже на складе ж. д., но агенты дороги по своей небрежности давали неверные справки о неприбытии груза. Истец в результате неправильных действий ж. д. потерпел убытки от продажи принадлежавшего ему груза, несмотря на все принятые истцом меры к своевременному его востребованию.

По этому требованию медсклада Центрального комитета грузинского общества Красного креста к ж. д. о возмещении причиненных истцу убытков является правильным и доказано полностью материалами дела.

Тифлисское отделение Союзтранса, которому поручено было как Резинотрестом, состоявшим с ним в договорных отношениях, так и грузинским обществом Красного креста проверить прибытие груза и выкупить его, должно было быть привлечено к участию в процессе в качестве солидарного соответчика по силе закона, соответствующего в Грузии ст. 408 ГК РСФСР. Привлечение Союзтранса в качестве третьего лица на сторону ответчика являлось неправильным.

Президиум Верховного суда Грузии, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил решение Тифлисского объединенного нарсуда, утвержденное кассколлегией, отменить и дело передать в Сталинский райсуд для нового рассмотрения.

Альперин, работая кассиром Казатинского райорса, 7/V 1934 г. получив от зав. ресторана 2 тыс. руб. наличными деньгами, внес их указанным числом, причем по квитанциям Госбанка данная сумма числилась внесенной от зав. рестораном Голбонза. В выписке же лицевого счета Госбанка Альперин на полях внес исправление с указанием, что 2 тыс. руб. получены не от Голбонзы, а от него, Альперина. На самом деле этих денег он не вносил, а эти

деньги были разделены между главбухом Бондаревым, получившим 1250 руб., старшим бухгалтером Пузыревичем, получившем 175 руб. и им, Альпериним, 375 руб.

18/X 1934 г. Альперин по его словам, терзаясь угрызениями совести и видя, что он втянут в преступление главбухом Пузыревичем, совершившим ряд других преступлений, подал на имя начальника орска письменное заявление, в котором написал о наличии злоупотреблений со стороны главбуха Казатинского орска Пузыревича и других, в том числе о своем преступлении.

На следующий день 19/X, затем 20/X и 25/X он на основании своего заявления был вызван для допроса уполномоченным ГУГБ ст. Казатин и ему рассказал подробно о всех злоупотреблениях, в том числе и о своем. Проходит более 3 мес. и только 29/V состоялось постановление уполномоченного ЦТОГУГБ о начатии в отношении Альперина и других производства предварительного следствия и лишь после этого 26/X приступается к ревизии деятельности Пузыревича, Бондарева, Альперина и др.

Главный обвиняемый Бондарев за 5 мес. следственной волокиты, не будучи арестован, успел сбежать.

На скамье подсудимых остались второстепенные лица, в том числе и Альперин, который покрыв свою долю присвоения в сумме 375 руб.

Приговором лиссуда Бондарев заочно был осужден к 3 годам лишения свободы Альперин — к 2 годам, остальные двое — Пузыревич к 18 мес. и-т. работ по месту работы и Дыпальченко к 6 мес. и-т. работ условно по ст.ст. 97 и 104 УК.

Транспортная коллегия Верховного суда Союза утвердила приговор.

В итоге такого приговора получилось, что Альперин, первый по собственной инициативе явившийся с повинной, выдавший соучастников преступления и главного виновника оказался больше всех наказанным.

Такой приговор является явно нецелесообразным и необоснованным.

Лиссуд обосновывает необходимость лишения свободы Альперина тем, что он якобы подал свое заявление начальнику орска в ожидании предстоящей ревизии. Но ничем не опровергнутым является обстоятельство, что ревизия даже после заявления Альперина была назначена спустя 4 мес., а уголовное дело было возбуждено спустя 3 мес.

По этим основаниям Прокуратура Союза опротестовала приговор в отношении Альперина.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила заменить лишение свободы Альперину одним годом и-т. работ на общих основаниях с соответствующим зачетом времени отбытого им под стражей.

Нарсуд 6 уч. Сокольнического р-на г. Москвы приговорил Орлова Алексея Антоновича по ч. 1 ст. 116 УК к лишению свободы сроком на 1½ года. Кассколлегией Мосгорсуда приговор оставила в силе. Президиум Мосгорсуда протест Прокуратуры Союза отклонил.

Прокуратура Союза опротестовала приговор нарсуда, определенное кассколлегией и постановление президиума Мосгорсуда по следующим основаниям:

нарсад правильно установил недостачу у Орлова денег конпарка в сумме 1029 р. 75 к. Недостача удостоверена актом 20/IX, составленным самим Орловым, заявившим о ней заведующему конпарком Лифанову и его заместителю Плузникуву.

Однако доказательства совершения Орловым растраты в деле нет. Наоборот, всеми обстоятельствами дела подтверждается правдивость заявления Орлова о том, что кража этой суммы при наличии халатного обращения с гос. деньгами как обвиняемого Орлова, так и руководителей конпарка, в частности Лифанова, произведена другими лицами.

Орлов служил бухгалтером конпарка, не ведя самостоятельного баланса. Парк состоял на балансе треста. С обязанностями он справлялся удовлетворительно. Орлов ранее не судился, имеет 20-летний трудовой стаж. Он пользовался доверием руководителей конпарка, что видно из передачи Орлову Лифановым 17/IX 8195 руб. для выдачи рабочим зарплаты, хотя задача зарплаты в обязанности Орлова не входила. Никакой расписки от Орлова в передаче ему 8195 руб. Лифанов не взял. Эту расписку Орлов выдал Лифанову задним числом, после обнаружения пропажи 1029 руб. Когда Орлов пришел в парк отчитаться, он сдал Лифанову оправдательные документы и остаток денег и составил акт о недостаче 1029 руб. 75 к. Это обстоятельство признал на суде и Лифанов.

Отсюда следует веское предположение о честности Орлова и правдивости его показаний о причине недостачи на предварительном и судебном следствии.

Зарплата рабочим парка была выплачена Орловым частью 17/IX, а остальная часть 18/IX. Деньги в сумме 1029 руб., похищенные, по заявлению Орлова, у него на квартире, удержаны были с рабочих на покупку валенок. Деньги были взяты Орловым на квартиру в общежитие, потому что в конторе парка не было денежного ящика. Это обстоятельство также удостоверил на суде зав. конпарком Лифанов.

Слабой чертой Орлова являлась его склонность к спиртным напиткам. По делу установлено, что Орлов выпивал у себя в общежитии, главным образом, после получения зарплаты. Руководители конпарка знали об этом недостатке Орлова. Это обстоятельство подтверждено рядом свидетелей.

Обстоятельствами дела устанавливается, что Орлов в течение двух дней — 17 и 18 сентября — не мог растратить 1029 руб., удержанных им с рабочих на валенки при выплате зарплаты 17 и 18 сентября.

Все действия Орлова с 18/IX вечером, когда он узнал о недостаче денег, хранившихся у него в тумбочке, и до 20/IX — момента заявления Лифанову о недостаче и составления Орловым акта, говорят о последовательности и правдивости утверждений Орлова о том, что деньги у него похищены. Орлов энергично разыскивал своего односельчанина Огородкина, гостившего у него на квартире 17/IX, выпивавшего в компании у Орлова, ночевавшего у него и уехавшего 18/IX вечером. Это подозрение, как видно по обстоятельствам дела, не обосновательно. Огородкин на судебном следствии заявил, что, когда Орлов сильно пьяный, ушел за гармошкой, он, Огородкин, «оставался в комнате один». Он «видел, как дети таскали из

сумки деньги». Он «видел, как жена Орлова положила эту сумку в тумбочку и закрыла». 18/IX Огородкин якобы сделал Орлову замечание — зачем дети таскают деньги. «Рубль у Орлова Огородкин просил потому, что у него были крупные деньги». Свидетель Старичков объяснил суду, что 18/IX, когда он зашел к Орлову, там был Огородкин, который, уходя от Орлова, вечером взял у жены Орлова один рубль, потому что у Огородкина, по его словам, «не было денег». Когда Старичков вышел с Огородкиным на улицу к трамвайной остановке, Огородкин «вдруг убежал обратно в общежитие, потом он снова догнал меня (Старичкова), купил 4 кружки пива, а мне дал 36 руб. После этого он покупал вино».

Из довольно путаных показаний Огородкина на предварительном следствии следует, что он приехал в Москву лечиться, между тем почему-то 20/IX поехал к родным в Ярославль и в тот же день вернулся в Москву. Огородкин показал следователю, что он взял у Орловой один рубль взаймы, так как у него не было мелких денег, а было 80 руб. Из них он якобы отдал Старичкову 36 руб., покупал пиво, вино, 20 руб. еще пропил, ездил в Кусково, в Павлов-Посад, в Ярославль и обратно в Москву.

Все эти обстоятельства судом не были проверены, не установлены источники получения Огородкиным денег. Противоречия в показаниях Огородкина и Старичкова не устранены, не устранены также противоречия в показаниях Огородкина и Мироновой на предварительном следствии.

Орлов после энергичных розысков нашел Огородкина в Москве у Бакунина. Он спросил Огородкина о деньгах, обыскал его, но денег не нашел. Орлов также и во второй раз розыскал Огородкина 26/IX и при помощи милиции привел его к следователю Жуккову для допроса. Огородкин на такие действия Орлова реагирует не так, как следовало бы ожидать от лица, заподозренного без всяких оснований. Его показания не внушают доверия.

Приговор нарсада, установивший наличие произведенной Орловым растраты 1029 р. 75 к. и искусственное создание обстоятельств с целью инсценировки хищения у него денег, не вытекает из обстоятельств дела и основан на предположениях, а не на проверенных фактах.

Уголовная коллегия Верховного Суда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила: переqualифицировать деяния Орлова по ст. 111 УК, назначив ему наказание в 1 год и.т. работ на общих основаниях с зачетом ему в порядке ст. 29 УК отбытого срока лишения свободы.

**

Линейный суд Оренбургской ж. д. 10/VII 1935 г. признал виновной бригадира бакалейного отделения магазина № 1 орс ИВРЗ Сорочкину в растрате 1383 руб. и по ч. 1 ст. 116 УК приговорил ее к лишению свободы сроком на 1 год 6 месяцев.

Транспортная коллегия Верховного Суда 8/VIII 1935 г., рассмотрев это дело по кассационной жалобе, приговор оставила в силе.

Прокуратура Союза опротестовала приговор лиссуда и определение транспортной коллегии по следующим основаниям:

по делу бесспорно установлена только недостача товаров первоначально в сумме 1975 руб. а после уточнения — 1383 руб. Судебным следствием не добыто никаких данных о том, что эту сумму денег или товары Сорокина присвоила.

Одним из оснований для признания растраты было сообщение самой Сорокиной, что она устроила вечеринку по случаю дня рождения. По сообщению Сорокиной, было 20 гостей, вино они принесли сами, а остальное она организовала на полученный в сумме 200 руб. прира-боток.

Суд не проверил, что это была за вечеринка, правильно ли сообщила Сорокина о расходах и источниках средств. Нет ни одного показания на суде, что Сорокина что-либо взяла из своего отделения магазина и все же сделал вывод о «самоснабжении» и растрате на вечеринку.

Следующим доказательством растраты суд приводит оставление кассы без надзора во время отлучки и хищение денег из кассы посторонними лицами, тогда как этот факт, действительно имевший место, свидетельствует об обратном.

Сорокина утверждает, что она неоднократно заявляла своей администрации о том, что касса не запирается, это подтверждено свидетелями на суде, но администрация никаких мер не принимает.

Суд не обратил на это внимания.

Красной нитью на судебном заседании проходило утверждение, что Сорокина давала сотрудникам товар в кредит, но не был выяснен вопрос, на какую сумму, и погасили ли эту сумму сотрудники.

Все свидетели утверждают, что Сорокина малопытна, неграмотна и с работой справиться не могла. Сама Сорокина эта признает и заявляет, что от бригадирства в магазине она отказалась и согласилась лишь по настоянию и при обещании ей помощи.

Из дела видно, что никто не помогал Сорокиной не только в работе, но и в установлении причин недостач.

Судебно-надзорная коллегия Верховуда Союза, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила определенное ей наказание считать условным с испытательным сроком на 2 года.

Прокуратура Рязано-Уральской ж. д. передала суду машиниста Мачахина по обвинению его в том, что он 9/V с. г. явился на дежурство и маневровые работы в нетрезвом виде, причем с 6 часов утра до 12 часов дня совершил два крушения.

Линейный суд признал обвинение доказанным и приговорил Мачахина к лишению свободы на 2 года.

Транспортная коллегия, рассматривая дело по кассационной жалобе, отвергла заключение главной транспортной прокуратуры об оставлении приговора в силе и определила: приговор отменить и дело в уголовном порядке прекратить.

Прокуратура Союза опротестовала определение транспортной коллегии по следующим основаниям:

произведенным по делу следствием установлено, что машинист Мачахин явился на работу в нетрезвом виде.

Заявление Мачахина о том, что онпил накануне и что во время работы у него сохранился только запах алкоголя неправильно потому, что при освидетельствовании после крушения, т. е. через 6 часов пребывания на работе, врач установил среднюю степень опьянения.

К этому выводу врач пришел не только на основании запаха, но и ряда других объективных данных.

Машинист Мачахин, начиная маневровую работу, не осмотрел паровоз и не опробовал ручной и автоматический тормоза. Спустя 20 мин. работы Мачахин вывел из строя цистерну.

Этот случай ничему не научил машиниста Мачахина.

По собственному его признанию, он, продолжая маневровую работу, не следил за сигналами.

Сам Мачахин показал, что «при спуске и подаче двух крытых вагонов и одной порожней платформы, не удостоверившись, куда я подаю такие, рассчитывал на главный путь, а оказалось — в улавливающий тулик, в результате получился удар об имевшиеся в тупике платформы»; дальше: «Виновным себя признаю в том, что не удостоверился точно, куда следовал с вагонами, в результате чего произошла авария».

Дальше: «Автотормоз исправный, но в работу я его не включил, считая, что он мне без надобности, и лишняя трата пара и энергии».

При таком положении, когда машинист умышленно не включает автотормоз, не интересуется путем, на который подает состав, не отвечает на сигналы — зеленый и красный, а продолжает следовать вперед и, будучи пьяным, совершает в течение 6 часов работы 2 крушения, совершенно неправильными являются рассуждения транспортной коллегии о том, что «проступок не повлек за собой тяжелых последствий».

В данном случае превалирующее значение имеет грубейшее нарушение трудовой дисциплины и появление на работу в нетрезвом виде. Более тяжелых последствий не было потому, что на пути не было вагонов с ценным грузом и встречных составов.

Судебно-надзорная коллегия Верховуда Союза, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, отменила определение транспортной коллегии и дело передала ей же для вторичного рассмотрения.

Линейный суд Самаро-Златоустовской ж. д. признал виновными в хищении грузов и приговорил по ст. 162 УК: кассира Кувшинникова к лишению свободы на 3 года, весовщиков Давидова и Васильева на 2 года лишения свободы, багажного кассира Спиридонова, весовщика Козина и грузчика Хайруллина к одному году и.т. работ каждого с удержанием 25% и запрещением всем работы на транспорте.

Транспортная коллегия приговор оставила в силе.

Прокуратура Союза опротестовала приговор и определение транспортной коллегии в отношении всех обвиняемых по следующим основаниям:

все указанные лица на всем протяжении следствия и суда категорически отрицали свою виновность и осуждены исключительно по огорочу осужденного по этому делу весовщика Симонянц, пойманного с поличным.

Произведенные у обвиняемых обыски не дали доказательств их виновности в краже. Оговор осужденного объясняют личными счетами с Симонянц и желанием последнего свалить совершённые кражи на ряд других лиц.

Обвинительный материал настолько ничтожен в отношении Кувшинчикова и Данилова и совершенно отсутствует в отношении других, что сам суд в приговоре вынужден констатировать: «Факт наличия хищений из багажной кладовой ст. Уфа остается неоспоримым, лишь суду не представилось возможным установить точно время хищений и размера похищенного».

К этому надо добавить, что суд не установил и рода похищенного этими лицами груза.

При таких условиях суд не имел права вынести обвинительный приговор и обязан был оправдать подсудимых за недостаточностью улик.

Судебно-надзорная коллегия Верховного Суда Союза, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила приговор лиссуда и определение транспортной коллегии отменить и дело в уголовном порядке производством прекратить.

Линейный суд Оренбургской ж. д. 15/VI 1935 г. признал виновными начальника ремонтной колонны 9 участка службы пути Каминского В. П. и кладовщика Змеева П. И. в том, что они отправили рабочим негодный для употребления хлеб. Квалифицируя это преступление по ст. 109 УК, суд приговорил Змеева к 1 г. 6 м. лишения свободы и Каминского к 6 мес. и-т. работ с удержанием 10%.

Главная транспортная прокуратура при рассмотрении кассационных жалоб в транспортной коллегии предложила дело в уголовном порядке прекратить, отменив приговор суда.

Транспортная коллегия прекратила дело только в отношении Каминского, а Змееву лишение свободы заменила 6 мес. и-т. работ на общих основаниях.

Прокуратура Союза опротестовала это определение, как и приговор в отношении Змеева, по следующим основаниям:

Для обеспечения хлебом рабочих во время снежных заносов, аварийных работ или стихийных бедствий в кладовых железной дороги имеется некоторый запас печеного хлеба, хранящийся месяцами в замороженном виде.

Весной этого года во время борьбы с наводнением начальник колонны Каминский приказал своему кладовщику Змееву получить из кладовой дистанции хлеб и немедленно погрузить для отправки на место работ.

Приняв хлеб, Змеев обратил внимание, что хлеб с плесенью, но принял его, и сказал Каминскому, что хлеб черствый и нехороший.

Каминский сам хлеба не осмотрел и предложил отправить.

По прибытии на место работ при распаковке хлеба обнаружили, что хлеб негоден. Каминский тут же распорядился вернуть хлеб в кладовую и привести свежий, что и было сделано. Принуждения брать негодный хлеб не было,

желания как-нибудь «сбыть плохой хлеб тоже не было. Был просто недосмотр.

Каминский на транспорте 31 год работал хорошо. Змеев за время своей работы также не подвергался дисциплинарным взысканиям.

В данном случае не было надобности применить судебную репрессию, и нужно было рассмотреть вопрос в дисциплинарном порядке.

Кроме того суд допустил нарушение норм УПК, а именно:

На предварительном следствии обвиняемым было предъявлено обвинение по ст. 111 УК.

В подготовительном заседании суд без достаточных к тому оснований переквалифицировал преступление по ст. 109 УК.

Это новое обвинение не было предъявлено обвиняемым, новые моменты злоупотребления не были установлены, и обвиняемые не допрошены по этому обвинению.

Несмотря на это, суд вынес приговор по ст. 109 УК, хотя из описательной части приговора не вытекает злоупотребление властью в понимании ст. 109 УК.

Действия Змеева не выводят за пределы дисциплинарного проступка, и судебная репрессия к нему была применена без достаточных к тому оснований.

Судебно-надзорная коллегия Верховного Суда СССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила приговор лиссуда и определение транспортной коллегии в отношении Змеева отменить и дело о нем прекратить.

Водно-транспортный суд Днепровского бассейна приговорил среди других обвиняемых гр. Карташева по ст. 20 УК УССР и закону 7/VIII 1932 г. с применением ст. 46 УК УССР к одному году и-т. работ на общих основаниях.

Водно-транспортная коллегия Верховного Суда Союза, рассмотрев это дело в кассационном порядке, определила приговор в отношении всех обвиняемых оставить в силе. Но деяния Карташева квалифицировать как содействие и пособничество мошенничеству по ст. 20 и 180 УК УССР.

Прокуратура Союза опротестовала приговор водно-транспортного суда Днепровского бассейна и определение водно-транспортной коллегии Верховного Суда Союза по следующим основаниям:

главным действующим лицом в этом деле, совершившим целый ряд преступлений, которые в совокупности правильно квалифицированы обеими судебными инстанциями по закону 7/VIII 1932 г., является Октябрьский Ким Данилович.

Приговор по этому делу устанавливает, что в помощь себе Октябрьским был принят ряд служащих для выполнения обязанностей ответственных исполнителей. Так, у него работали Лебедевский, Студанский и др.

Одним из таких служащих, через которого Октябрьский реализовал одно из своих преступлений—хищение кирпича, через которого он купил за наличный расчет 2 кубометра досок на складе Укрдревлеса и 1 тонну цемента, был Карташев. Все эти материалы были доставлены Карташевым по распоряжению Октябрьского частью в больницу водников, а частью на завод «Запад», от директора которого Карташев по запискам, скрепленным печатью уполномо-

членного несуществующей организации «ВИЗИ» и подписью Октябрьского получил 1500 руб.

Суд первой инстанции, исходя из того, что Карташев знал о договоренности Октябрьского с кладовщиком кирпичных заводов № 3—4 Островским о хищении кирпича, квалифицировал деяния Карташева по ст. 20 и закону 7/VIII 1932 г. применил к Карташеву меру наказания и.т. работ сроком на один год.

Кассинстанция переквалифицировала обвинение Карташева по ст.ст. 20 и 180 УК УССР, оставив меру наказания, определенную судом первой инстанции.

Октябрьский совершил целый ряд преступлений, среди которых, если брать каждое в отдельности, одни должны быть квалифицированы как мошенничество, другие как растрата, третьи как хищение. Карташев никакого отношения ко всем преступлениям, совершенным Октябрьским, кроме одного хищения кирпича, не имел. Он в качестве служащего Октябрьского реализовал одно из многочисленных его преступлений — хищение 30 тыс. кирпича, не зная о преступном характере сделки.

При таких условиях нет никаких оснований ставить вопрос о соучастии Карташева в хищении или в мошенничестве.

Самый факт поступления Карташева на службу к Октябрьскому рисуется в следующем виде: рабочий, член ВКП(б), Карташев по приезде в Киев временно работал в политотделе ЮЗ, Карташев и Октябрьский давно знают друг друга — они уроженцы одного села; Карташев, оставшись без работы, встретив Октябрьского, обратился к нему, считая его членом партии, с просьбой помочь ему устроиться на работу. Октябрьский обещает ему устроить его, когда будет формироваться (в связи с переездом в Киев) аппарат секретариата ВУЦИК, а до этого он ему предложил временно поработать у него в представительстве, сопровождая перевозимые грузы. В такой роли Карташев проработал у Октябрьского с 15/VII до 1/IX 1934 г.

Таким образом инкриминируемое Карташеву приговором Днепровского бассейнового суда непосредственное выполнение преступных заданий Октябрьского о хищении государственных кооперативных средств не находит подтверждения ни в материалах предварительного, ни в материалах судебного следствия: данных, устанавливающих осведомленность Карташева о преступном характере выполняемых им заданий Октябрьского, в материалах предварительного и судебного следствия нет.

Карташев получает вначале кирпич по записке Октябрьского и с разрешения директора кирпичного завода Барака (о котором суд вынес постановление о привлечении его к уголовной ответственности), в дальнейшем он получал кирпич по запискам Октябрьского у кладовщика Островского. На вывозимый кирпич Карташев получает пропуск, вывозит его днем, везет в государственное учреждение. Никаких данных, хотя бы косвенно подтверждающих какую-либо материальную заинтересованность Карташева в операциях Октябрьского, в деле нет.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила: приговор водно-транспортного суда Днепровского бассейна и определение водно-транспортной коллегии Верховного суда

в отношении Карташева отменить и дело о нем прекратить.

Кроме того судебно-надзорная коллегия вынесла частное постановление, в котором указал кассационному составу по данному делу и невнимательный надзор за водно-транспортными судами в части применения ими закон 7/VIII 1932 г.

Председателю водно-транспортной коллегии Верховного суда Союза предложено подвергнуть председателю составившего в суде первой инстанции дисциплинарному взысканию и дать водно-транспортным судам указания о порядке и условиях применения закона 7/VIII.

Председателю составившему по делу в кассационном присутствии водно-транспортной коллегии т. Мерен указано на оставление без замечания суду первой инстанции этого нарушения.

Линейный суд Рязано-Уральской ж. д. 17/IV 1935 г. признал виновными зав. клубом железнодорожников «Знамя труда» ст. Тамбов Самородова и завхоза Котова по ст. 116 УК и приговорил Самородова к лишению свободы на 2 года, а Котова — к лишению свободы на 1 г. 6 мес.

Транспортная коллегия, рассмотрев 10/V дело по жалобам осужденных, приговор оставила в силе.

Прокуратура Союза опротестовала приговор линейного суда и определение транспортной коллегии в отношении обоих осужденных по следующим основаниям:

весной 1934 г. Дорпрофсоюз постановил расширить помещение клуба «Знамя труда» путем пристройки. Пристройка и перестройка клуба производились в внеплановом порядке. Это обстоятельство затрудняло получение строительных материалов. Завклубом и завхозу приходилось изворачиваться, доставая материалы всякими способами.

По заявлению осужденных плохо было поставлено и финансирование клуба. Нехватало средств и на строительство и на зарплату.

Нехватка денег заставила осужденных продать коопхозу часть досок, полученных на устройство забора вокруг парка клуба. Доски продавались по повышенной цене, в три, четыре раза дороже себестоимости. Вырученные деньги шли по заявлению осужденных на выплату зарплат клубным работникам, в том числе и им.

Самородов и Котов осуждены за растрату этих сумм, будто бы поделенных между собой лишь на том основании, что продажа досок была неправильной и что С. и К. часто видели выпившими.

Ни на предварительном, ни на судебном следствии не были проверены следующие обстоятельства: а) на какую именно сумму было продано досок, б) была ли эта сумма оприходована и на что истрачена.

Самородову вменено в вину присвоение и продажа 150 стульев, принадлежащих клубу. Это обвинение также следствием не установлено. Никакими документами не подтверждено, что сверх принятых по акту и затем сданных 728 стульев существовали какие-то 150 стульев, которые Самородов мог отремонтировать и продать. Нет покупателя этих стульев, нет свидетелей купли-продажи, и это обвинение осно-

вано только на слухах и показании столяра, что он якобы стулья ремонтировал.

Самородов ремонта не отрицает, но утверждает, что ремонтируемые стулья входят в число принятых им 728 стульев. Это утверждение ничем по делу не опровергнуто.

Не расследован вопрос и о репродукторах, часть которых с точек установок была украдена, что вполне возможно, а часть, 40 штук, роздана различным лицам.

Рассматривать это как растрату Самородова без проверки, были ли получены за репродукторы деньги или почему за них не было уплачено, невозможно.

Котов утверждает, что некоторое количество фанеры, досок и краски для ремонта он получил за наличный расчет и представил об этом справку.

Такие же справки представлены о внесении в кассу денег за проданные доски на сумму 300 руб. и 1162 р. 88 к., и справка о том, что оставшая сумма в 295 р. 76 к. с коопхоза получена новым руководством клуба при взаиморасчетах с коопхозом.

В деле нет ни одного ревизионного или бухгалтерского акта, указывающего на недостачу денег или имущества.

Половину приговора занимает обвинение Самородова в разложении клубной работы во время строительства.

Однако это обвинение по резолютивной части обвинительного заключения Самородову не было предъявлено в состав преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 116 УК, не входит и в приговор не могло быть включено как по формальным соображениям, так и по существу.

Клуб на время строительства с участием общественных организаций официально на торжественном вечере был закрыт. На этот вечер было истрачено 600 руб. Руководящие организации об этом знали и требовать от Самородова какой-то особой работы после этого до окончания строительных работ нельзя было.

Судебно-надзорная коллегия Верховного Суда Союза, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановила: приговор ленинуда и определение транспортной коллегии отменить и дело вернуть на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

**

Нарсуд Звенигородского р-на Московской обл. 8/IV 1935 г. приговорил гр. Одинокова Н. Г. по закону 7/VIII 1932 г. к 10 годам лишения свободы за хищение товаров и продуктов винного склада РПС (на 8368 р. 89 к.).

УЖК Мособлсуда 26/IV 1935 г. приговор в отношении Одинокова отменила и направила дело для нового рассмотрения, предложив суду проверить ссылку Одинокова на сдачу им 43 ящ. вина стоимостью 5998 руб. якобы для хранения б. зав. ЗРК РПС Полетаеву.

По протесту прокурора Московской обл. президиум Московского облсуда 11/VI 1935 г. определение УЖК 26/IV 1935 г. в части отмены приговора об Одинокове отменил, указав, что представленная им расписка Полетаева в приеме вина «не может быть признана за юридический документ».

Прокуратура Союза ССР опротестовала приговор нарсуда, определение УЖК Мособлсуда

и постановление президиума Мособлсуда по следующим основаниям:

из дела видно, что Одинокоев работал в качестве зав. прод.-винным складом РПС по совместительству с заведыванием складом Заготзерна. Вследствие этого он имел большую загрузку. При проверке склада на 1/I 1934 г. была выявлена недостача в 4000 руб.

После этого Одинокоев поставил перед правлением РПС вопрос об освобождении его от этой работы, ссылаясь на трудность работы в двух местах.

Несмотря на эти требования Одинокоева, правление РПС от работы его не освободило.

Одинокоев, будучи занят по складу Заготзерна, поручал рабочим производить операции по складу РПС.

Вследствие этого же учет и отчетность на складе были запутаны. Показателем запутанности учета может служить, например, то, что при выверке недостачи по складу три раза получалась разная сумма.

По делу также установлены случаи неправильного оформления и несвоевременного представления Одинокоевым оправдательных документов. К числу таких документов следует отнести представленную Одинокоевым неоформленную записку Полетаева в приеме 2/III 1934 г. 43 ящ. вина на 5998 руб. Между тем факт сдачи этого вина Полетаеву подтверждается тем, что при снятии остатков по магазину на 1/IV 1934 г. образовался излишек 38 ящ. из-под вина.

Таким образом сумма недостачи Одинокоевым продуктов со склада не установлена.

При этих обстоятельствах надо считать, что обнаруженная на складе РПС недостача явилась следствием недостаточности внимания, уделяемого Одинокоевым работе на складе РПС.

Уголовная коллегия Верховного Суда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила перекалфицировать преступные действия Одинокоева на ст. 111 УК и определить ему наказание и-т. работ сроком на 1 год, с зачетом в порядке ст. 29 УК отбытого им срока лишения свободы.

**

Выездная сессия Днепропетровского областного суда признала виновным зав. Ново-Троицкой гострудсберкассой Аргунова Алексея Петровича в систематических хищениях совместно с другими осужденными по этому же делу служащими сберкассы 161 835 р. 03 к. и по закону 7/VIII приговорила к 10 годам лишения свободы.

Приговор Днепропетровского областного суда по этому делу в части осуждения Аргунова был оставлен в силе определением кассационной коллегии Верховного УССР.

Доказанность участия Аргунова в указанном хищении областной суд обосновал тем, что Аргунов после того, как бухгалтер сберкассы Грохотский был изобличен в хищении денег из сберкассы, не принимал никаких мер к устранению его от работы в сберкассе и дал ему тем самым возможность совершать дальнейшие хищения, а, с другой стороны, что своим примером «справильного» расходования государственных средств Аргунов толкал работников сберкассы на совершение преступлений.

Материалами как предварительного, так и судебного следствия установлено, что прямые

хищения денег из Ново-Троицкой Гострудсберкассы в размере 54 893 р. 95 к. совершены были осужденными по настоящему делу Грохольским, Хомяковым и Пильником. Никакого участия в указанных хищениях, как это видно из находящегося в деле акта ревизии Ново-Троицкой сберкассы и из показаний осужденных по настоящему делу б. работников сберкассы Бюанского, Грохольского, Хомякова и Пильника, обвиняемый Аргунов не принимал.

Помимо указанного хищения 54 893 р. 95 к., актом той же ревизии установлено было незаконное получение с разрешения Аргунова рядом работников сберкассы, в том числе и самим Аргуновым, из сумм, предназначенных для премирования сельсоветов за проведение кампании по подписке на заем и из других фондов вознаграждения за особую работу по приписной сберкассе, за работу по проведению подписки на заем, компенсации за неиспользованный отпуск и т. ч. всего в размере 6951 р. 08 к.

Не отрицая факта получения и раздачи работникам сберкассы указанной суммы без соответствующего оформления этих выдач, Аргунов как на предварительном, так и на судебном следствии утверждал, что он корыстной цели не преследовал, так как часть этих денег, полученная им лично, была израсходована на ремонт помещения сберкассы, на поездки по делам службы в Геническ, и только 280 руб. он получил лично для себя как компенсацию за неиспользованный отпуск.

Указанное объяснение Аргунова ничем ни на предварительном, ни на судебном следствии опровергнуто не было.

Никаких данных, устанавливающих участие Аргунова в прямом хищении денежных сумм из Ново-Троицкой гострудсберкассы в материалах дела нет.

Неувольнение Грохольского тотчас после обнаружения первого случая хищения последним из сберкассы Аргунов объяснил соответствующим распоряжением управления гострудсберкассы, которое по его, Аргунова, представлению отказалось уволить Грохольского впредь до приискания ему заместителя, каковое объяснение ни на предварительном, ни на судебном следствии проверено не было.

О преступлении, совершенном осужденным Пильником, сообщено было народному следователю самим Аргуновым (л. д. 43), а потому нет никаких оснований к утверждению, что последний укрывал совершаемые в Ново-Троицкой сберкассе злоупотребления.

Прокуратура Союза, считая, что деяние Аргунова неправильно квалифицировано облсудом по закону 7/VIII и должно расцениваться как злоупотребление им своим служебным положением по ст. 97 УК УССР, опротестовала приговор выездной сессии Днепропетровского областного суда.

Пленум Верховного Суда УССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, переквалифицировал деяние Аргунова с закона 7/VIII на ст.ст. 97 и 99 УК и определил ему меру наказания в 5 лет лишения свободы в и.т. лагерь с поражением в правах на 3 года без конфискации имущества.

**

Нарсуд 2 участка Отраденского р-на Северо-кавказского края приговорил по закону 7/VIII 1932 г. к 10 годам лишения свободы с конфискацией всего имущества: Лысенко И. Ф. председателя Подгорненского сельпо, Ермоленко Н. Д. заготовителя сельпо, Бугаева Т. Г. сырьевщика сельпо и Дьяконова А. И. зав. столовой сельпо.

Кассколлегия крайсуда приговор оставила в силе.

Прокуратура (Союза, считая, что закон 7/VIII 1932 г. в отношении всех осужденных был применен неправильно, опротестовала приговор суда по следующим основаниям:

Материалами дела установлено, что председателем Подгорненского сельпо осужденным Лысенко из фонда централизованных заготовок было незаконно отпущено сотрудникам сельпо и работавшим по договору с сельпо бондарям 2900 кг картофеля. Этот картофель, по распоряжению Лысенко, отпускался со склада сельпо Бугаевым. Несмотря на разбазаривание картофеля, установленный для сельпо план картофелезаготовок был все же перевыполнен.

Кроме того Лысенко через того же Бугаева производил также незаконный отпуск яиц из заготовительного фонда.

Вследствие преступной халатности Лысенко и заготовителя сельпо Ермоленко 2 га посевов кукурузы остались не прополотыми, и сельпо урожай с этой площади не получило. С остальных же 8 га урожай хотя и был собран, но не учтен и хранился без охраны в помещении бондарной мастерской. Часть кукурузы была переработана на муку, мука роздана сотрудникам сельпо, а часть кукурузы испорчена и употреблена на корм скоту. Из-за отсутствия учета урожая кукурузы установить, какое количество кукурузы было собрано и какое действительно израсходовано, не представляется возможным.

Что касается обнаруженных у осужденного Ермоленко 40 пуд. кукурузы, то по этому поводу материалами дела установлено следующее:

До поступления на работу в сельпо Ермоленко работал в заготпункте Утильсырье. У этого пункта также имелся посев кукурузы на площади в 4 га, причем в обработке этой площади под посев и в уборке урожая принимали участие работники заготовительного пункта. Собранный урожай кукурузы был поделен между ними и два воза получены Ермоленко. Никаких указаний о незаконных способах получения этой кукурузы в деле не имеется. Точно так же не имеется никаких оснований считать, что обнаруженная у Ермоленко кукуруза была им похищена из урожая кукурузы, принадлежащей сельпо.

В отношении осужденного по настоящему делу Дьяконова, заведующего столовой сельпо, установлен, что у него в столовой образовалась недостача по кассе в сумме 111 р. 52 к. и недостача продуктов на 156 р. 76 к.

Произведенным по этому поводу расследованием выяснено, что недостача по кассе произошла вследствие неправильной калькуляции себестоимости отпускаемых столовой обедов.

Что касается недостачи продуктов, то она произошла в результате хищения из подвала 45 кг мяса,

Кладовщик сельпо Рулев и бухгалтер Агулов высказали предположение, что хищение этого мяса произведено самим Лукьяновым, однако, достаточных доказательств в подтверждение этого предположения добыто не было.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила переквалифицировать деяния Лысенко на ст. 109 УК, Ермоленко и Лукьянова на ст. 111 УК и Бугаева на ст. 17—109 УК, назначив меру наказания по два года лишения свободы каждому. Конфискацию имущества из приговора исключить.

**

Гр. Матузевич Ф. Ю. пом. зав. самодеятельной столовой № 11 была предана суду по обвинению в растрате 799 р. 07 к.

При рассмотрении этого дела суд вынес решение о производстве бухгалтерской экспертизы.

Экспертизой было установлено, что учет подотчетных сумм в столовой как выдаваемых зав. столовой Кузьминой, так и ее помощнице Матузевич велся на одном лицевом счете Кузьминой и лишь впоследствии на основе имеющихся у Матузевич документов был составлен ее отдельный счет.

В процессе экспертизы Матузевич представила расписку Кузьминой на 600 руб. и просила ее зачесть в погашение недостачи.

В результате экспертиза подтвердила наличие в столовой недостачи в 7999 р. 07 к. и установила, что из этой суммы только 115 р. 20 к. числятся за Матузевич, а 683 р. 87 к. числятся за Кузьминой. В связи с этим, помимо Матузевич, была предана суду и Кузьмина.

Эксперт-бухгалтер в судебное заседание не вызывался, и суд дело слушанием отложил, признав необходимым присутствие в суде эксперта.

В следующем заседании суд, хотя и нашел возможным слушать дело в отсутствие эксперта, но не смог вынести приговор, так как направил дело на исследование на предмет привлечения к уголовной ответственности бухгалтера столовой Коростелева. Основанием к этому послужили следующие соображения суда:

«... со стороны бухгалтера Коростелева имела место грубая халатность в ведении бухгалтерской отчетности по столовой; счета Кузьминой и Матузевич запутаны, благодаря чему они привлечены обе к уголовной ответственности, и кто из них произвел растрату установить не представляется возможным за кем какая сумма числится».

Несмотря на наличие такого рода соображений в отношении подсудимых Матузевич и Кузьминой, суд по привлечении Коростелева к уголовной ответственности по ст. 111 УК все же нашел возможным слушать дело по обвинению Матузевич и Кузьминой по ст. 116 УК.

4/VII 1934 г. нарсуд Бауманского р-на г. Москвы признал Коростелева виновным по ч. 2 ст. 112 УК, а Матузевич по ч. 1 ст. 116 УК и приговорил Коростелева к общественному порицанию, а Матузевич к 8 мес. и.т. работам с взысканием в пользу столовой 799 р. 07 к., Кузьминой суд вынес оправдательный приговор.

Осуждение Матузевич по ст. 116 УК суд мотивировал тем, что первоначально сумма недо-

стачи в столовой была установлена в размере 1002 руб., причем часть ее была покрыта за счет зарплаты Матузевич. На остаток в размере 799 руб. Матузевич было выдано обязательство о погашении.

Представленная Матузевич расписка на 600 руб., по мнению суда, «у ней не должна быть, так как ей не адресована» и Матузевич намеривалась использовать ее в целях сокрытия растраты.

Кассколлегия горсуда приговор нарсуда оставила в силе.

9/XII 1934 г. это дело, по протесту прокуратуры, рассматривалось президиумом горсуда.

Президиум констатировал, что «суд, при разборе дела, признав виновной Матузевич по ст. 116 УК, Кузьмину без достаточных оснований оправдал, мотивировав тем, что Матузевич старается свою вину сложить на Кузьмину, тогда как экспертиза точно выявила недостачу и у Матузевич и у Кузьминой».

Президиум горсуда отменил приговор и определение кассколлегии и передал дело на новое рассмотрение, обязав суд установить, действительно ли в данном случае имеет место растрата или недостача образовалась в результате запущенности бухгалтерии.

Кроме того горсуд обязал «точно проверить виновность Кузьминой, поскольку за ней числится недостача в 683 руб.».

28/XII 1934 г. нарсуд рассмотрел дело снова в отсутствие эксперта и допросил тех же свидетелей, которые допрашивались раньше.

Таким образом суд не выполнил указаний президиума горсуда и поэтому повторил ошибки, допущенные судом при первоначальном рассмотрении дела.

Суд вновь признал Матузевич виновной по ч. 1 ст. 116 УК, а Коростелева по ст. 112 УК и приговорил Матузевич к 8 мес. и.т. работ с взысканием в пользу столовой 799 руб., Коростелева к общественному порицанию, а Кузьмину признал по суду оправданной.

Суд в подтверждение виновности Матузевич привел те же самые соображения, которые приводил суд при первоначальном рассмотрении дела, а именно, что Матузевич сама выдала обязательство о погашении остатка недостачи и что расписка на 600 руб. не может служить оправдательным документом.

Эти соображения не соответствуют обстоятельствам дела.

Основной причиной недостачи в столовой являлось хаотическое состояние отчетности, в чем единственным виновником являлся бухгалтер Коростелев, так как Кузьмина и Матузевич были несведущими в бухгалтерии.

По материалам дела не представляется возможным точно установить, у кого именно образовалась недостача — у Матузевич или у Кузьминой. В течение нескольких месяцев у Матузевич и Кузьминой был общий лицевой счет. И Матузевич и Кузьмина получали деньги в кассе столовой; брали их друг у друга, отчитывались документами самостоятельно и т. д. При этой системе неминуемо происходила путаница.

Что касается расписки на 600 руб., представленной Матузевич, то соображения суда о том, что эта расписка не могла попасть к Матузевич, являются неосновательными.

Между Матузевич и Кузьминой происходил обмен документами, так как они, помимо кассы, брали деньги и друг у друга.

При таком положении любая расписка могла оказаться и у Кузьминой и у Матузевич, причем установить, при каких обстоятельствах та или иная расписка передавалась, не представлялось возможным.

Из показаний свидетельницы Аксеновой — кассирши столовой видно, что расписку от имени Кузьминой на 600 руб. составила она, так как по просьбе управдома Ключева эта сумма была выдана ему в обмен на валютированные чеки за счет подотчетных сумм Кузьминой; потом расписка Кузьминой была возвращена, а взамен получены деньги.

Весьма возможно, что свою расписку Кузьмина вновь передала Матузевич, а от нее получила деньги.

Во всяком случае у суда не было достаточных оснований отнести 600 руб. на счет Матузевич или на счет Кузьминой, так как следует признать, что расписка на эту сумму является спорной.

Суд без всяких уже к тому оснований отнес на счет Матузевич 83 р. 76 к., которые были ошибочно сняты со счета Кузьминой.

В результате следует признать, что в связи с обнаружением в столовой № 11 недостачи в размере 799 р. 07 к. вопрос о ее возмещении подлежал разрешению в гражданском порядке путем предъявления иска к Матузевич и Кузьминой так как достаточных данных для того, чтобы считать эту недостачу растратой, у суда не имелось, точно так же не имелось оснований считать эту недостачу последствием халатного отношения Матузевич и Кузьминой к своим обязанностям, так как хаотическое состояние отчетности в столовой имело место по вине бухгалтера Коростелева, который и осужден за это по ч. 2 ст. 112 УК.

Таким образом осуждение Матузевич по ст. 116 УК являлось неправильным.

Судебная коллегия Верховного Суда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила приговор нарсуда в отношении Матузевич отменить и дело о ней в уголовном порядке в силу ст. 8 УК производством прекратить.

Нарсуд 12 участка Чечено-Ингушской автономной области приговорил гр. Товзуркаева Саида по закону 7/VIII к 10 годам лишения свободы.

Определением кассколлегии Чечено-Ингушского облсуда приговор нарсуда был утвержден.

Прокуратура Союза опротестовала приговор нарсуда и определение кассколлегии по следующим основаниям:

Основным преступлением, в котором был признан виновным б. заведующий центральным товарным складом Кургановского сельпо Товзуркаев Саид, является неоприходование им полученных из Гудермесского сельпо по трем фактурам товаров на 26 266 руб. и присвоение вырученных от реализации этих товаров средств.

Как во время ревизии склада (показание на судебном следствии производившего ревизию Меренкова), так и на предварительном и судебном следствии обвиняемый Товзуркаев утверждал, что указанные товары были им получены без накладных непосредственно от б. председателя Кургановского сельпо Гульматова, что деньги за них были им непосредственно вручены последнему и что соответствующие документы, устанавливающие уплату им, Товзуркаевым, денег за полученные от Гульматова товары, находятся в следственном деле областного отдела НКВД по обвинению работников Кургановского сельпо Шуайпова, Гульматова и Вахидова в различного рода злоупотреблениях по должности.

Несмотря на утверждение Товзуркаева о том, что указанное дело по обвинению работников Кургановского сельпо возникло по его, Товзуркаева, заявлению, и несмотря на возбужденное им ходатайство о приостановлении слушания его дела до окончания следствия по этому делу, ходатайство Товзуркаева удовлетворено судом не было и дело это было разрешено без истребования и проверки тех оправдательных документов, на которые ссылался Товзуркаев.

Таким образом основное предъявленное Товзуркаеву обвинение как на предварительном, так и на судебном следствии осталось совершенно не расследованным.

Остальные обвинения, в которых был признан виновным Товзуркаев (незаконные наценки на товары, недостача и пр.), также являются недостаточно расследованными. Основаны они были, главным образом, на показаниях б. работников Кургановского сельпо Гульматова, Вахидова и Шуайпова, которые по утверждению Товзуркаева, были им избалованы в различных злоупотреблениях и показания которых поэтому нуждаются в тщательной проверке, чего судом сделано не было.

По этим основаниям приговор нарсуда 12 участка Чечено-Ингушской автономной области не может быть оставлен в силе. При новом рассмотрении дела должно быть осмотрено находящееся в производстве органа НКВД дело о б. работниках Кургановского сельпо Гульматове, Вахидове и Шуайпове для установления, по чьему сообщению возбуждено о них дело, в каких преступлениях они обвиняются, привлечены ли они к ответственности и имеются ли в деле документы, устанавливающие уплату Товзуркаевым 26 266 руб. за полученные им товары по трем фактурам.

Главным образом при дальнейшем производстве расследования должно быть объективно проверено путем осмотра в сельпо соответствующих документов утверждение Товзуркаева о том, что наценки на товар им самовольно не производились, и товары отпускались исключительно по той расценке, которая делалась в сельпо Гульматовым и др.

Президиум Чечено-Ингушского областного суда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил приговор нарсуда и определение кассколлегии отменить и дело направить на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

Траво-процесс-судоустройство & капиталистических странах

Польский уголовный процесс

До 1 августа 1929 г. на территории Польши действовали три УПК (австрийский — 1874 г. в бывших австрийских областях, германский — 1877 г. в бывших германских областях и российский — 1864 г. в областях, входивших ранее в состав б. Российской империи).

Польский УПК 1928 г. должен был положить конец этой множественности процессуального законодательства и стать единым для всей Польши. Однако этот «единый кодекс» вновь подвергся изменениям и в переработанном и дополненном виде вступил в силу в 1932 г.

Помимо УПК надо в дополнение к нему иметь в виду также: 1) закон 1924 г. о языке, на котором происходит судопроизводство; 2) закон 1927 г. о следственных судьях по делам исключительного значения; 3) закон 1927 г. о военном и исключительном положении; 4) закон 1928 г. об «ускоренном производстве».

Право возбуждения уголовного преследования принадлежит прокуратуре, суду, полиции и другим административным органам в пределах ведомственной компетенции.

Предварительное расследование имеет следующие формы: 1) дознание, 2) предварительное следствие.

Дознание производится прокуратурой, полицией по поручению прокуратуры и судом. Прокуратура обязана приступить к производству дознания как только ей станет известно о совершении преступления. Сами действия прокуратуры в порядке дознания могут производиться ею непосредственно, либо при помощи полиции, или судебных властей. В случаях необходимости обеспечить доказательства или ограничить дееспособность заподозренного прокуратура обязана обратиться к суду. Исключения допускаются только при чрезвычайных обстоятельствах. Прокурор имеет право при производстве дознания выполнять судебные функции по допросу свидетелей без приведения к присяге, а также иные, если судья отсутствует. В этих случаях действия прокурора имеют силу судебных, а составленные прокурором протоколы — силу судебных протоколов. Суд действует в порядке дознания: по поручению прокуратуры или по своей инициативе. По представлению производящих дознание органов суд выполняет такие действия, на которые производящий дознание орган не правомочен (допрос подозреваемого, допрос с приведением к присяге, освидетельствование психического состояния заподозренного, производство обыска, задержание обвиняемого) или иные, о которых его просит орган дознания. По своей инициативе суд производит дознание только в тех случаях, когда отложение дознания грозит тяжкими последствиями. Действия эти могут быть произведены как следственным судьей, так и городским. Постановление о прекращении дознания может вынести только прокурор или суд. При прекращении дознания суд по пред-

ставлению прокурора вправе в закрытом заседании вынести определение о применении мер воспитательных или «обеспечивающих». В этих случаях суд заслушивает заподозренного или его защитника.

Полиция вправе приступить к производству дознания как по своей инициативе, так и по поручению прокурора или суда. По поручению суда полиция действует по делам в порядке частного обвинения для принятия жалобы и обеспечения доказательств в пределах поручения, а также по преступлениям, которые подсудны городскому суду.

По предложению прокурора полиция производит либо все дознание целиком, либо выполняет отдельные действия в пределах предложения. По своей инициативе полиция вправе только принять меры к обеспечению сохранности следов преступления и доказательств.

Помогающим полиции или временно ее заменяющим органом являются представители муниципальной власти (староста, сотский).

Подозреваемый в процессе дознания не имеет никаких процессуальных прав. Он может оказаться даже не уведомленным о том, что против него производится дознание. Только при изъятии и обеспечении доказательств подозреваемый имеет право присутствовать. В то же самое время подозреваемый имеет право обратиться к защитнику. Допрос подозреваемого обязателен, если он подлежит задержанию. При допросе подозреваемый вправе сделать возражения по существу дознания. За разрешением на превентивный арест производящий дознание орган обязан обратиться в суд.

Прокурор на основании материалов дознания вправе направить дело в суд с обвинительным актом, войти с представлением о производстве предварительного следствия или прекратить дело производством. Направление дела в суд может иметь место со стороны прокурора даже без производства дознания «в случае необходимости».

Прекращенное прокурором дознание может быть возобновлено при наличии достаточных к тому оснований. Потерпевшему по делам частного обвинения принадлежит право подачи жалобы прокурору при апелляционном суде на прекращение дознания, постановление прокурора при апелляционном суде может быть обжаловано в апелляционный суд, определение которого является окончательным.

Дознание имеет целью добыть информационные материалы для обвинения (надлежит ли возбудить уголовное преследование или нет). Предварительное следствие имеет в виду установить для суда, является ли подозрение достаточно обоснованным для того, чтобы материалы поступили на судебное рассмотрение.

Предварительное следствие признается первой стадией уголовного процесса. Оно производится единоличным следственным судьей членом коллегиального суда первой инстанции, в большинстве случаев окружного суда.

Следственный судья приступает к производству предварительного следствия по делам, по которым оно обязательно по предложению прокурора или определению суда. Предложить следственному судье начать предварительное следствие имеют право также председатели окружного и апелляционного судов в порядке рассмотрения жалоб на постановления прокурора при апелляционном суде. Если предложение о производстве предварительного следствия сделано, по делу, по которому предварительное следствие по закону необязательно, вопрос о производстве этого предварительного следствия разрешается самим следственным судьей, а по жалобе на него — окружным судом. Следственный судья пользуется полной самостоятельностью при производстве предварительного следствия. Прокуратуре принадлежит право вносить свои предложения следственному судье и просматривать акты предварительного следствия. Обвиняемый должен быть обязательно допрошен в ходе предварительного следствия, хотя бы он и ранее был допрошен. Обвиняемый вправе приводить все обстоятельства, которые, по его мнению, служат к его защите, вправе не отвечать на задаваемые вопросы и не может быть незаконными способами понуждаем к даче показаний. По окончании предварительного следствия следственный судья обязан вновь допросить обвиняемого, ознакомить его с тяжестью собранных против него доказательств и представить обвиняемому возможность указать на доказательства его невиновности. Следственный судья обязан выяснить взаимоотношения обвиняемого по делу, независимо от его указаний. Обвиняемый вправе в ходе предварительного следствия заявлять ходатайства по существу дела и в случае отказа следственного судьи в удовлетворении этих ходатайств — обжаловать. Обвиняемому предоставляется право присутствовать при следственных действиях, которые имеют целью собирание доказательств. Защита допускается в ходе предварительного следствия, но ознакомление защитника с материалами предварительного следствия еще в ходе его может быть произведено только с разрешения следственного судьи.

Право прекратить предварительное следствие принадлежит следственному судье, но либо по представлению прокурора, либо с согласия прокурора. О прекращении дела в стадии предварительного следствия следственный судья извещает обвиняемого и потерпевшего. Постановление о прекращении дела может быть обжаловано в окружной суд. Дело, прекращенное в стадии предварительного следствия, может быть возобновлено только по вновь открывшимся обстоятельствам. Постановление об окончании предварительного следствия следственный судья направляет прокурору, которому принадлежит право вернуть следственное производство для исследования. С момента окончания предварительного следствия избрание или отмена мер пресечения принадлежит суду.

Польский УПК стремится ограничить категорию дел, по которым обязательно производство предварительного следствия.

* * *

Обвинительный акт составляется прокурором. Обвинительный акт вносится в тот суд, который должен вынести приговор. Формальные дефек-

ты в содержании обвинительного акта не могут служить основанием к опротестованию обвинительного акта. Обвинительный акт вручается обвиняемому немедленно по представлении его прокурором в суд. Обвиняемому предоставляется право принести возражения против обвинительного акта. Возражение должно быть обязательно составлено и подписано защитником. Возражение не принимается после того, как обвинительный акт уже поступил на утверждение суда.

Польский УПК придерживается французско-австрийской системы в своем отношении к обвинительному акту. Суд первой инстанции может рассмотреть прежде всего и возражения обвиняемого и вправе приостановить вручение обвинительного акта, постановить о необходимости дальнейшего или иного направления дела по усмотрению председателя. Прокурору предоставлено право опротестовать такое постановление суда. В исключительных случаях суд может постановить о необходимости составить новый обвинительный акт. Такое право принадлежит апелляционному суду при наличии жалобы на неправильный отказ в возбуждении уголовного преследования или прекращения дела в стадии дознания. В этом случае обвиняемый не имеет права принести возражения против обвинительного акта, а председательствующий не вправе со своей стороны опротестовать составление обвинительного акта.

Председательствующий руководит судебным следствием. Порядок представления доказательств устанавливается им же. Как правило, доказательства обвинения имеют первенство перед доказательствами, служащими в защиту обвиняемого. Подлежат рассмотрению все доказательства, если они допущены судом. При дознании обвиняемым своей вины суд вправе устранить рассмотрение доказательств и перейти к прениям сторон. Стороны в ходе процесса имеют право заявлять ходатайства о представлении новых доказательств, если эти доказательства могут иметь влияние на существо приговора.

* * *

В приговоре может быть вменено обвиняемому в вину только то деяние, которое описано в обвинительном акте, но правовая квалификация этого деяния может и не совпасть с квалификацией обвинительного акта. Исключение может иметь место только с согласия сторон. Изменение правовой квалификации может быть произведено только после разъяснения об этом обвиняемому с предоставлением ему возможности защиты. Если измененная квалификация угрожает более тяжким наказанием, то суд должен возобновить судебное следствие и предупредить стороны об изменении квалификации.

Применение предусмотренных ст.ст. 79—85 УК «обеспечивающих мер» и «мер воспитательных» определяется соответствующим судом. При прекращении дела в стадии дознания окружной суд вправе постановить о помещении подзадержанного психически больного или наркомана в лечебное учреждение, любого заподозренного в дом принудительного труда или рецидивиста в заведение для неисправимых.

Эти характерные для фашистского польского суда постановления, выражающиеся в назначе-

ни заключения на неопределенный срок «в меру необходимости», должны быть оформлены приговором.

В апелляционном порядке могут быть обжалованы приговоры судов городских и окружных по первой инстанции. Доказательства в апелляционном суде бывают двух категорий: бывшие уже в рассмотрении суда первой инстанции и новые. В отношении первых новое рассмотрение имеет место только в случаях, когда сторона оспаривает запись в протоколе судебного заседания или когда в протоколе отсутствуют такие обстоятельства, оценка которых может повлиять на вывод о вине. В отношении вторых суд должен установить, что доказательства эти действительно новые или что стороне не было известно о них во время рассмотрения дела в первой инстанции. Ходатайство прокурора о допущении новых доказательств подлежит безусловному удовлетворению. Апелляционный суд может оставить жалобу без рассмотрения за несоблюдением процессуальных норм, без удовлетворения при отсутствии оснований к отмене приговора или может передать дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, если первоначальное рассмотрение сопровождалось такими нарушениями, которые делают приговор недействительным.

При подаче кассационной жалобы сторона должна обязательно внести залог, который не подлежит возвращению в случае оставления кассационной жалобы без последствий. Кассационная жалоба должна быть обязательно составлена защитником и подписана последним. Верховный суд предварительно рассматривает вопрос, удовлетворяет ли кассационная жалоба формальным требованиям и в случае несоблюдения этих требований оставляет ее без рассмотрения.

Кассационное рассмотрение может происходить в отсутствие сторон, которые не уведомляются о дне слушания дела. Присутствующие стороны могут давать устные объяснения. Жалобщику предоставляется право последнего слова.

Доказательствами в кассационном суде служат только протоколы. Кассационный суд вправе изменить ошибочную квалификацию кодеяного, если не требуется никаких новых процессуальных действий, обратиться к новому рассмотрению и вынести оправдательный приговор. При новом рассмотрении в суде первой инстанции оно может иметь место только в другом составе судей. При новом рассмотрении суд первой инстанции связан правовыми указаниями кассационного суда, но может увеличить или уменьшить наказание вне зависимости от того, отменен ли приговор по жалобе осужденного или нет. Прокурору принадлежит право обжаловать любой приговор в целях единообразного применения и истолкования закона. Рассмотрение прокурорского протеста в этом случае происходит без участия осужденного.

Просьба о пересмотре дела по вновь открывшимся обстоятельствам обязательно составляется и подписывается защитником. Подача ее никаким сроком не ограничена. По делам, рассмотренным городским судом, такие просьбы подаются в апелляционный суд, по всем остальным — в суд верховный. Просьба эта может быть отклонена судом или может повлечь от-

мену приговора с обязательным обращением дела к новому рассмотрению. Новое рассмотрение происходит на общих основаниях, и в случае отмены приговора в интересах обвиняемого суд обязан соблюсти...

Право помилования принадлежит президенту республики (ст. 47 конституции). Просьба о помиловании подается в суд первой инстанции, вынесший приговор. Этот суд может оставить просьбу о помиловании без движения, если считает, что осужденный не заслуживает помилования. В положительных случаях суд пересылает просьбу о помиловании со своим заключением в министерство юстиции через суд второй инстанции, который в свою очередь может оставить эту жалобу без движения. Судья просьбы о помиловании разрешается судом в том же составе, который вынес приговор. Решение суда об отклонении просьбы о помиловании или об оставлении ее без движения обжалованию не подлежит.

Порядок рассмотрения дел в исключительных судах установлен законом от 19/III 1928 г. с изменениями, изложенными в ст. 24 УК.

Этот закон, «передающий ряд дел и в первую очередь политических, на рассмотрение исключительных судов обязывает предусмотренные УК репрессии в виде лишения свободы заменять смертной казнью. Нечего и говорить, что уголовный кодекс особо беспощадно подходит к государственным «преступлениям», к компартии и революционным выступлениям вообще. В эту сторону направлено основное острие закона польской буржуазии, уже неудовлетворяющей нормальными методами подавления своих классовых врагов и вынужденной пускаться в ход чрезвычайные меры репрессии, менее всего напоминающие меры правового характера»¹.

Исключительным судам подсудны не только исполнители, но и подстрекатели и пособники как оконченных преступлений, так и покушений на них. Предварительное следствие не производится. Срок дознания ограничен 90 днями с момента совершения преступления. Обвинительный акт должен быть составлен не позднее 21 дня с момента ареста обвиняемого. Прокурор вправе обратиться к следственному судье или в городской суд за выполнением отдельных следственных действий. Обвинительный акт может не содержать в себе обоснований и не подлежит оспариванию со стороны обвиняемого. Защита в исключительном суде обязательна. Рассмотрение дела заканчивается либо вынесением приговора, либо передачей дела по линии общей подсудности. Наказанием в основном является смертная казнь. Правила УК о смягчающих вину обстоятельствах не применяются. Приговор исключительного суда вступает в силу немедленно по оглашении и приводится в исполнение в течение 24 час. с момента оглашения.

¹ А. Я. Вышинский и В. С. Ундревич «Курс уголовного процесса», т. I, стр. 267—268

Производство по делам с суммарной юрисдикцией имеет место в судах городских, в судах окружных (судья единолично) и по делам уголовно-административным. Предварительное следствие по этим делам не допускается, прокурор, как правило, не участвует в рассмотрении этих дел. Обвинение поддерживается полицейскими или представителями иных административных органов по делам их ведомств. Обвинительный акт не составляется, нет производства по преданию суду. Допрос свидетелей может быть произведен через городской суд по месту нахождения свидетелей.

Сюда же относится производство в порядке судебных приказов в пределах компетентных

городских судов. Оно имеет место в случаях, не возбуждающих у суда сомнений, с применением наказания до 14 дней ареста. На судебные приказы может быть принесено возражение. Приказ, оставленный без возражения в течение 7 дней, считается правомочным приговором. Окружной суд (единоличный судья) рассматривает в порядке суммарной юрисдикции дела о проступках и нарушениях. На приговор окружного суда в этом порядке может быть подана апелляция, которую в апелляционном суде тоже рассматривает единоличный судья. Апелляционная жалоба может быть подана только на приговор, осуждающий к лишению свободы до двух лет или к штрафу.

В институте уголовной политики

Единый учет преступлений и наказаний

I всесоюзное совещание по уголовной статистике поручило Институту уголовной политики разработку проекта единого учета преступлений.

В исполнение этого поручения на заседании Института уголовной политики и секции ИССП Комакадемии 22/X 1935 г. проф. А. А. Герцензон сделал доклад о «Проблеме единого учета преступлений и наказаний». Докладчик особо ставит вопрос о «едином» и «единообразном» учете.

«По своей идее, — говорит докладчик, — единый учет преступлений предполагает такую организацию советской уголовной статистики, при которой ее отдельные звенья (статистика милиции, прокуратуры, суда, исправительно-трудовых органов), исходя из единых организационно-методологических предпосылок, увязаны в единой программе учетно-статистических показателей, обеспечивающих правильный учет единой по своему содержанию системы борьбы с преступлениями и, наконец, базируются на едином первичном учете «преступления» и «преступника».

Основой такого «единого» учета является единый учетный документ на преступление и преступника. Отличительным моментом этого единого учетного документа является его «динамичность»: этот документ следует за делом с момента его возникновения до завершения его выполнением приговора.

Это должно дать следующие результаты:

1. Окончательно ликвидировать разрыв между статистической отчетностью органов расследования, суда и исправительно-трудовых учреждений.

2. Уничтожить дублированный учет одних и тех же фактов в различных органах.

3. Рационализировать учет.

4. Обеспечить не только регистрацию одного определенного момента, но и динамический охват всего процесса борьбы с преступлениями.

5. Внедрить в отчетность единый, стандартный документ первичного учета взамен множественности этих документов в действующей отчетности».

По мере нахождения новых фактов по делу и по мере движения уголовного дела учетный документ должен пополняться новыми сведениями. В том органе, где находится данное дело, учетный документ используется и для оперативно-справочных целей, и для статистического отчета. При «единообразном» учете учетно-статистический документ на уголовное дело не следует за делом, а остается в том органе, который его составил, как это имеет место и в действующей отчетности. Отличием «единообразной» отчетности от ныне действующей является то, что при «единообразной» отчетности согласованы программы статистической отчетности в различных ведомствах, ведущих борьбу с преступлениями, и тем самым ликвидированы противоречия и неувязки в разнородных системах учета преступлений и наказаний.

Статистические данные такой «единообразной» отчетности позволяют, как говорит докладчик, «ответить на основные запросы уголовной политики о количестве и характере выявленных преступлений, о числе и составе преступников и о степени реализации мер наказаний». Материалы единообразной отчетности могут быть систематизированы в виде сводной статистической таблицы показателей органов расследования, суда и исправительно-трудовых учреждений и дадут, таким образом, «достаточно полную картину всего процесса борьбы с преступностью и позволят судить о результатах (а следовательно, в известной мере и об эффективности) практической уголовной политики». Сводная таблица «позволяет судить, хотя и не полностью, о согласованности работы отдель-

ных звеньев советской уголовной политики», и «дает возможность анализа уголовной политики по большому числу видов преступлений». Докладчик подчеркнул, что «введение в жизнь указанной таблицы, являющейся результатом согласования ведомственной отчетности, не разрешает еще полностью вопроса о ликвидации дефектов в учете и отчетности органов расследования, суда, исправительно-трудовых учреждений». Еще не устраняется дублированный учет дел в различных органах расследования, а при сопоставлении различных показателей необходимо помнить, что это сопоставление методологически не вполне правильно, так как показатели учитывают различные дела за один и тот же календарный отрезок времени. Решающим моментом для введения в жизнь «единообразной», т. е. согласованной системы ведомственной отчетности, докладчик считает то, что такая согласованная система «вплотную подводит нас к проблеме единого учета преступлений и наказаний, являясь в ее реализации первым организационным шагом». Конечной целью и «единообразного» и «единого» учета является представление регулярных отчетов директивным органам о динамике преступности и наказаний.

Согласование ведомственной отчетности охватывает, по мысли докладчика, не все, а лишь важнейшие показатели, следовательно, не все документы первичного учета и не все формы отчетности. Равным образом «единый» учет заменит собой не всю а лишь определенно выбранную часть ведомственной оперативной отчетности. В докладе дана и история вопроса о едином учете преступлений и обстоятельная характеристика действующей отчетности органов расследования, суда и исправительно-трудовых учреждений.

В докладе А. А. Герцензона не только поставлена актуальнейшая проблема советской уголовной статистики, но и дано практическое преломление этой проблемы: разработан целый ряд практических организационных мероприятий по введению в жизнь как согласования ведомственной отчетности, так и единого учета

преступлений и наказаний и даны проекты таблицы и самого первичного учетного документа.

Доклад вызвал громаднейший интерес всех присутствующих в том числе и практических работников. Самая идея единого учета была принята всеми присутствующими без всяких возражений. Отдельные же положения доклада, естественно, подверглись дискуссии. Почти всеми выступавшими в прениях отмечались организационные трудности проведения единого учета и необходимость широкого обсуждения вопроса представителями заинтересованных ведомств. Отмечалось значение единого учета для центрального учета судимости, для учета условного осуждения, для паспортизации. Особо отмечалась ценность единого учета, как системы учета, дающей возможность учитывать результаты работы органов расследования, суда и исправительно-трудовых учреждений. Отмечалось в то же время, что в докладе не доработан вопрос об учете в исправительно-трудовых органах.

Все выступавшие признавали, что система единого учета полностью пригодна для оперативного руководства и ни в какой мере не усложнит, а, наоборот, улучшит действующую отчетность.

В заключительном слове докладчик указал, что вопрос о согласовании ведомственной отчетности и о введении единого учета достаточно назрел в ведомственных органах, интерес к вопросу имеется и потому целесообразно создать комиссию для детальной проработки проекта.

В результате заседания избрана комиссия, в которую должны войти и представители заинтересованных ведомств всех органов НКВД, Прокуратуры и Верховуда Союза ССР, ИССП Комакадемии, Института уголовной политики и ЦУНХУ. В работу комиссии входит постановка вопроса на ведомственных оперативных совещаниях в целях обеспечения практической реализации реформы учета.

М. Авдеева.

Библиография

«ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ». Книга 1. Труды Института уголовной политики и секции уголовной политики ИССП Комакадемии. Гос. изд. «Советское законодательство», 1935 г., с. 208. Тираж 2200, цена 4 р. 40 к.

Издание «Проблем уголовной политики» Института уголовной политики и Института советского строительства и права заполняют большой пробел, образовавшийся в нашей уголовно-правовой литературе за ряд последних лет.

В восстановительный период книжный рынок наводнялся откровенно-буржуазной или псевдо-марксистской литературой по вопросам уголовной политики и права; специально юридические

журналы нередко служили трибуной для буржуазных криминалистов (журналы «Советское право», «Право и жизнь», «Революционная законность», «Проблемы преступности» и т. д.).

Начиная, примерно, с 1927 г. на страницах органа Комакадемии «Революция права» эти буржуазно-юридические высказывания подвергались жестокой критике, и через несколько лет было прекращено издание подобного рода сборников и журналов, посвященных исследованию отдельных проблем уголовной политики и права. В дальнейшем группа научных работников, сплотившаяся вокруг Коммунистической академии, а позднее также и вокруг Института уголовной политики, развернула большую

плодотворную работу в области исследования проблем уголовной политики и права. Наша уголовно-правовая литература обогатилась рядом ценных трудов, монографий, учебных пособий по вопросам уголовного права, справительно-трудоустройственной политики и т. д. Однако научные и практические работники довольно остро ощущали отсутствие такого издания, в котором бы более или менее систематически освещались не только общие, но и специальные вопросы теории и практики борьбы пролетарского государства с преступностью.

Нужно поэтому всячески приветствовать издание серии сборников «Проблемы уголовной политики», первая книга которых в настоящее время вышла в свет.

Первое, что должно быть отмечено в отношении этой книги, это единство отправных, методологических установок авторов содержательного и интересного сборника.

Если в издававшихся ранее «Проблемах преступности» (вышло 4 сборника и ряд специализированных сборников) редакция предоставляла авторам — буржуазным юристам возможность высказывания различных оттенков буржуазной уголовно-правовой мысли, и сборники представляли собой довольно любопытное зрелище — борьбы буржуазно-правовых школ в советских условиях, то рецензируемый сборник должен быть охарактеризован, как имеющий четкую и выдержанную в политическом и методологическом отношении физиономию. Работы, помещенные в сборнике, стоят на высоком теоретическом уровне, пронизаны марксистско-ленинской методологией и практикой социалистического строительства, содержат богатый фактический материал, подвергнутый широким обобщениям. Содержание сборника следует признать в высшей степени актуальным: две статьи посвящены узловым проблемам реформы уголовного законодательства, несколько статей рассматривают проблему наказания, помещен большой обзор о преступности и репрессии в СССР, наконец, даны статьи, рассматривающие уголовную политику и право капиталистических государств. Сборник заканчивается обстоятельным отделом рецензий.

Вопросу реформы уголовного законодательства посвящена статья Н. В. Крыленко «Проект уголовного кодекса Союза ССР», представляющая собой переработку доклада автора на ту же тему. Автор, намечая предпосылки проекта УК, в сжатом изложении дает историю развития основных положений советского уголовного права. Особое внимание автор уделил критике проекта УК в редакции ИССП Комакадемии, в составлении которого он принимал в свое время активнейшее участие. Тов. Крыленко указывает на основные ошибки, которые в 1930 г. были допущены при составлении этого проекта: механическое противоставление задач подавления и воспитания, ликвидация дозировки в применении наказания, отказ от исчерпывающего перечня преступлений, недооценка задач охраны социалистической собственности и т. д. Впрочем, по вопросу о дозировке автор и ныне стоит на той точке зрения, что сохранение ее в УК является неправильным, своего рода «уступкой», хотя с другой стороны автор не может же признать значения дозировки при определении меры наказания, в котором он ны-

не уже умагивает не только «обезопасение» преступника, но и известное «стимулирование», угрозу, устрашение... Нам кажется, что в этой в высшей степени интересной и политически заостренной статье, автор уделил излишнее, хотя и понятное в связи с большой полемикой по данному делу, внимание проблеме дозировки, недостаточно подробно изложив самые принципы нового проекта УК. Вследствие этого последний проект УК СССР изложен несколько бледновато и слишком общо.

Так например, т. Крыленко, указывая на «основные требования дня» — на необходимость «коренного пересмотра всех составов и всех мер репрессии, исходя из принципа исчерпывающего, а не ориентировочного перечня этих составов в наиболее совершенной их редакции», подчеркивает следующие 4 требования, которым должен удовлетворять новый УК: гибкость, точность, суровость и принципиальность. Против этих требований, конечно, ничего нельзя возразить. Но вряд ли можно согласиться с тем, что эти четыре требования характеризуют новый УК, не говоря уже о том, что здесь совершенно не отражена проблема воспитания, как одна из важнейших задач, поставленных перед УК.

Статья т. Вышинского посвящена реформе Уголовно-процессуального кодекса. В сжатой форме дается изложение истории реформы УПК, которая, как подчеркивает автор, «представляет собой лишь один из актов целой цепи мероприятий правительства и партии, направленных на укрепление пролетарского государства, укрепление революционной законности и социалистического правосознания». Тов. Вышинский подчеркивает, что проблемы уголовного процесса становятся особенно актуальными в настоящее время, когда на очереди дня стоит задача изменения советской конституции, на основе дальнейшего развертывания советской демократии.

Проект УПК, составленный комиссией под редакцией т. Вышинского, исходит из идеи единого процесса, тем самым в корне отрицая попытки создания двух процессов.

Тов. Вышинский дает в своей статье развернутую аргументацию необходимости максимальной демократизации уголовного процесса, как выражения развития пролетарской демократии.

Противопоставляя уголовный процесс пролетарского государства процессу фашистского государства, возрождающего инквизиционные методы средневековья, автор указывает: «В совершенно противоположном направлении идет развитие... советского уголовного процесса, основной характер которого, вытекающий из принципов пролетарской демократии, требует обеспечения в суде широкой гласности, равенства сторон, полного контроля за их деятельностью со стороны суда и самостоятельности суда во всех вопросах, связанных с разрешением каждого данного конкретного дела». Тов. Вышинский далее указывает на конкретизацию этих основных политических предпосылок в самом проекте: широкое участие в процессе рабоче-колхозного актива, допущение открытого следствия, введение камер предания суду, участие в ряде случаев, в распорядительных заседаниях, обвиняемых и т. д. В заключение своей политически-заостренной и глубоко-со-

держательной статьи т. Вышинский подчеркивает, что новый проект сыграет сырьезнейшую роль в деле укрепления социалистической законности, в борьбе за окончательное превращение советского суда в школу дисциплины и самодисциплины трудящихся.

Большое место в сборнике занимает статья т. Волкова «Наказание в советском уголовном праве», представляющая собой, несомненно, наиболее интересную и содержательную работу, написанную по этому вопросу за ряд последних лет.

Указывая, что в работах Ленина—Сталина содержание уголовной репрессии раскрыто последовательно и исчерпывающе полно, т. Волков вместе с тем показывает, как наше уголовное законодательство и наша теоретическая мысль страдали в этом вопросе недостаточной четкостью. Автор ярко показывает во вредное влияние, которое оказала на развитие учения о наказании в нашей литературе и в нашем законодательстве теория «мер социальной защиты». С другой стороны, автор подчеркивает недостаточность формулировки «репрессия», принятой проектом УК 1931 г. в редакции ИССП, где механически противопоставлялись задачи подавления и воспитания, вследствие чего «проект не давал таким образом формулировки, которая предвставляла бы подавление и принудительное воспитание, сведенные воедино в правовом опосредствовании, т. е. не давал формулировки наказания».

Тов. Волков заостряет внимание на самом термине наказание, правильно подчеркивая что это вопрос не узко терминологический, а глубоко принципиальный.

Автор приводит ряд доказательств того, что термин наказание не является понятием, связанным исключительно с буржуазным уголовным правом, в частности с его классической школой. Наказание — термин, присущий любому классовому государству. Но каждое классовое государство вкладывает в этот термин свое содержание. Далее автор развивает ряд соображений, иллюстрирующих выдвигаемое им положение о том, что наказание, применяемое советским судом, неизбежно связано с причинением страдания (которое, однако, не является целью этого наказания — в противоположность буржуазному наказанию), с осуждением и порицанием преступника, с виной преступника (которая не рассматривается, однако, как выражение свободы воли), с дозировкой наказания (которая не является вместе с тем самоцелью).

В заключительной части своей в высшей степени интересной работы т. Волков показывает на большом конкретном материале классовую сущность наказания, применяемого советским судом и специфику советской уголовной политики, сочетающей элементы подавления и принудительного воспитания к дисциплине. Проблема наказания в советском уголовном праве, несомненно, благодаря работе т. Волкова, получила новое, интересное, основанное на глубоком изучении работ Ленина — Сталина, освещение. Нужно пожелать, чтобы автор углубил свою работу и выпустил ее отдельной монографией.

К статье т. Волкова примыкает по своему содержанию интересная, основанная на изучении большого конкретного материала, статья

т. Авербах «Проблема закрепления перековки». В этой статье автор обобщает опыт работы НКВД в исправительно-трудовых лагерях. Тов. Авербах описывает грандиозную работу чекистов по перековке сознания бывших классовых врагов, профессиональных преступников, рецидивистов, глубоко разложившихся, деклассированных элементов. Автор указывает на необходимость уделить особое внимание закреплению «перековки». Наибольшие трудности в этом деле наблюдаются при индивидуальном освобождении заключенных, которые нередко предоставляются сами себе, и нередко случаи возвращения их на путь уголовщины. Необходимо максимальное внимание советской общественности к делу закрепления перековки.

Анализу конкретных форм преступности и репрессии в Советском союзе посвящена статья т. Шляпочникова «Преступность и репрессия в СССР». Рассматривая изменение форм классовой борьбы в Советском союзе за последние пять лет, автор, приводя богатый статистический материал, анализирует динамику преступности и формы преступлений за эти же годы. Автор последовательно рассматривает динамику основных видов преступлений, изменение преступности в городе и в деревне; особо выделен вопрос о борьбе с хищениями социалистической собственности, о борьбе с преступлениями в области хозяйствования, о борьбе с должностными и хозяйственными преступлениями. Большое внимание в обзоре уделено борьбе с преступлениями, направленными на личность и имущество трудящихся.

В заключение т. Шляпочников рассматривает тенденцию развития уголовно-судебной политики в свете директивы 8 мая 1933 г., указывая на ряд дефектов в карательной политике судов.

В целом, содержательная статья т. Шляпочникова дает ясную, четкую картину состояния преступности в СССР, тенденции развития отдельных видов преступлений и их форм за ряд последних лет и характера уголовно-судебной репрессии.

Статья т. Шляпочникова в значительной мере заполняет тот пробел, который за последние годы образовался в освещении конкретных форм преступности, динамики преступности и уголовно-судебной репрессии. Такие обзоры крайне необходимы для обобщения практики борьбы с преступностью и нужно всячески приветствовать инициативу, проявленную т. Шляпочниковым в составлении подробного рода обзоров. Работа т. Шляпочникова, основанная на материалах, разработанных Институтом уголовной политики, несомненно выходит за рамки простого обзора, представляя собой самостоятельный научный интерес.

В связи с изучением динамики преступности, большое значение приобретает вопрос об уголовной статистике, которая относится к числу наименее разработанных в советской литературе проблем. Вопросам уголовной статистики было посвящено состоявшееся в 1934 г. I всесоюзное совещание по уголовной статистике. Статья т. Волкова «Уголовная статистика в связи с уголовной политикой», представляющая собой литературную обработку доклада на этом совещании, затрагивает узловые вопросы теории уголовной статистики, в частности, вопрос о соотношении между уголовной полити-

кой и уголовной статистикой и вопрос о методологических предпосылках советской уголовной статистики. Подвергая глубокой критике буржуазную теорию «факторов», т. Волков раскрывает основы марксо-ленинской методологии уголовной статистики.

Две следующие статьи посвящены исследованиям уголовного права Германии и Японии.

В статье т. Маньковского «Расовая теория уголовного права германского фашизма» дается развернутая критика расовой «теории» уголовного права, раскрывается ее классовая сущность и методологическая бесплодность. Автор анализирует установки не только «специалистов (фашизма от уголовного права)», но и «самых вождей» фашизма — Гитлера, Геринга в их высказываниях, относящихся к обоснованию пресловутой расовой теории.

Работа т. Маньковского, представляющая собой первую статью из намеченных им очерков, будет прочитана с большим интересом не только специалистами в области уголовного права, но и всеми теми, кто интересуется изучением звериной философии современного германского фашизма. Статья представляет интерес как одна из первых попыток изучения «новейших» теорий уголовного права в странах фашизма.

Статья т. Пионтковского «Уголовная политика Японии» представляет собой часть большой монографии автора на ту же тему и является первой попыткой марксистского освещения уголовной политики и уголовного права Японии. Автор удачно преодолел стоявшие перед ним трудности, дал глубокий анализ социально-политических особенностей японского империализма и ярко осветил уголовную политику и право Японии. Работа т. Пионтковского представляет собой исключительную политическую актуальность и должна быть рекомендована всем нашим научным работникам, учащимся и практическим деятелям юстиции.

«Проблемы уголовной политики» заканчиваются большим разделом критики и библиографии, в котором даны обстоятельные рецензии на «Курс уголовного процесса» т.т. Вышинского—Удиревича (автор рецензии т. Крыленко), на работу т. Крыленко «Ленин о суде» (автор тов. Пашуканис), на учебник т. Утевского «Советская исправительно-трудовая политика» (автор т. Тадевосян).

Таково содержание первой книги «Проблемы уголовной политики», отличающейся глубиной и разнопоронностью содержания, актуальностью и политической заостренностью поставленных проблем. «Проблемы» с интересом будут прочитаны не только нашими научными работниками (криминалистами, но в дальнейшем делается настольной книгой активного работника юстиции, студента и преподавателя правового института.

Необходимо, чтобы последующие сборники были в большей степени обращены к нашей практической уголовной политике, чтобы они ставили и разрешали не только общие вопросы уголовного права, но и специальные вопросы изучения отдельных видов преступлений и мер борьбы с ними, не снижая, разумеется, теоретического уровня самих работ. Нужно, с другой стороны, пожелать, чтобы на страницах «Проблем» нашла достаточное отражение научная жизнь Института уголовной политики и

секций уголовной политики ИССП Комкадемии.

«Проблемы» хорошо оформлены. Издательство «Советское законодательство» за последний год обратило серьезное внимание на оформление юридической литературы, и это нужно всячески приветствовать. Следует признать совершенно недостаточным крайне ограниченный тираж (2200 экз.), который явно не удовлетворяет массу читательского актива.

А. Герцензон.

А. А. Герцензон «Советская уголовная статистика». Учебное пособие для Институты советского права и юридических курсов. «Советское законодательство» 1935 г., стр. 127. Цена 2 р. 25 к.

В нашей литературе впервые появляется учебник по советской уголовной статистике.

Автору пришлось самостоятельно строить систему учебника по советской уголовной статистике. Поэтому необходимо учесть при оценке данной работы, что она является первым опытом систематического освещения основных проблем советской уголовной статистики.

В учебнике дается анализ уголовной статистики капиталистических государств, основ советской уголовной статистики, теории советской уголовной статистики и содержания учета преступности в органах юстиции на современном этапе. Кроме того к учебнику приложена и программа по советской уголовной статистике. Как видно из перечисленных разделов, учебник охватывает значительное количество вопросов, имеющих большое теоретическое и практическое значение.

В первой главе учебника автор правильно отмечает огромное значение статистики в условиях социалистического строительства и в частности уголовной статистики для правильной организации всей системы уголовной репрессии.

Положительной стороной учебника является разоблачение фальши всей системы буржуазной уголовной статистики, пытающейся замаскировать классовую физиономию осужденных и классовый разрез уголовной репрессии в капиталистическом обществе. Ярким образом этой фальши является применение метода математической статистики при учете судимости и репрессии. Автор вскрывает классовую природу установок «моральной» буржуазной статистики, показывая эклектизм ее методологии.

К сожалению, автор весьма кратко показывает влияние буржуазной, позитивистской методологии в разработке советской уголовной статистики, и отражение этого влияния в практике работы наших статистических органов.

Положительной стороной работы является освещение техники статистической отчетности в буржуазных странах и в СССР.

Но наряду с этими положительными сторонами учебника необходимо отметить и ряд недочетов, которые необходимо будет исправить в последующем издании.

Основной недочет учебника тот, что в нем крайне недостаточно разработаны методологические проблемы советской уголовной статистики. Это сразу бросается в глаза при анализе вопроса о содержании и методе уголовной статистики. Здесь подвергается, вполне заслуженно, критике теория факторов преступности в

буржуазной уголовной статистике. Но, к сожалению, отсутствует развернутая постановка вопроса о методологических основах советской уголовной статистики.

Можно, далее, указать также на ряд нерешливо сформулированных положений, которые могут повести к серьезным ошибкам. Например, на странице 35 мы читаем: «Если предположить неиспользование данных уголовной статистики является всесторонний анализ классовой борьбы и ее форм, то конкретной задачей уголовной статистики является исследование опосредствования этих форм классовой борьбы на различных этапах социалистического строительства» (разрядка моя. — Б. М.).

Таким образом, уголовная статистика берет на себя задачу исследования опосредствования форм классовой борьбы, т. е. задачей уголовной статистики является не учет преступлений и наказаний, а изучение опосредствования классовой борьбы! Не слишком ли много берет на себя уголовная статистика? Не ясно ли, что этот тезис никак не увязывается со всей линией учебника, в котором неоднократно подчеркивается, что «советская уголовная статистика не может претендовать на значение науки, самостоятельно вскрывающей и раскрывающей закономерности развития преступления и репрессии в пролетарском государстве» (стр. 23). Поэтому и приходится предположить, что эти неувязки относятся за счет недостаточного внимания автора к некоторым формулировкам. В другом месте автор отмечает, что нужно весьма критически относиться к данным буржуазной уголовной статистики и особенно учитывать внесудебную репрессию. Это, конечно, правильно. Но в учебнике эта мысль сформулирована следующим образом: «Особую важную роль играет использование МОПР о белом терроре и классовой юстиции, позволяющих вскрыть процесс фашизации репрессии». Получается впечатление, что белый террор — это пока что только выражение процесса фашизации, и, таким образом, выпадает такая мелочь, что сейчас имеют место не только процессы фашизации в капиталистических странах, но и наличие в ряде государств озверелой фашист-

ской диктатуры. Однако, несмотря на эти отдельные недочеты, учебник представляет весьма полезную работу и для преподавательской и для практической работы.

Совершенно очевидно, что на очереди дня стоит со всей остротой сейчас разработка ряда основных методологических проблем уголовной статистики. В качестве таких важнейших вопросов можно было бы отметить следующие: развернутое освещение методологии советской уголовной статистики, проблема изучения эффективности работы органов юстиции.

Теоретическая разработка этих проблем даст возможность во втором издании учебника глубоко развернуть основные методологические вопросы советской уголовной статистики.

Сталинский лозунг «кадры решают все» со всей остротой требует постановки и вопроса о подготовке кадров в области советской уголовной статистики. Общеизвестно исключительно тяжелое положение в этом отношении в аппарате органов юстиции, когда очень часто малограмотным работникам поручен статистический учет. Не говоря уже о том, что подчас мы сталкиваемся с исключительно формальным и безответственным отношением и судей и секретарей к заполнению важнейшего документа — статистической карточки на осужденного. Необходимо руководству органов юстиции привлечь внимание судебных работников к серьезной постановке статистического учета. Необходимо провести также хотя бы краткосрочные курсы по переподготовке статистических работников в органах юстиции. Необходимо, наконец, приступить к созданию аспирантуры по уголовной статистике и к действительно серьезному развертыванию научно-исследовательской работы на этом участке теоретического фронта, недооценка которого еще весьма сильна и в настоящий момент.

Несомненно, работа т. Герцензона имеет важное значение и в том отношении, что она привлекает внимание судебных работников к вопросам советской уголовной статистики и дает толчок к марксистской разработке этих проблем.

Б. Маньковский.

Официальный отдел

О ВНЕПЛАНОВЫХ СТРОИТЕЛЬСТВАХ

Совет народных комиссаров Союза ССР постановлением 22/XII 1932 г. № 1893 — «О снятии финансирования и снабжения строительства, начатых без утверждения правительства» (прот. № 26) предложил «считать допущение такого внепланового строительства антигосударственным актом, а руководителей, допустивших его, привлекать к строжайшей ответственности с неременной отдачей под суд».

Контроль за недопустимостью внепланового строительства возложен постановлением СНК СССР 27/IV 1933 г. и 3/IX 1934 г. на соответствующие спецбанки.

Вопреки этим указаниям правительства и вопреки разъяснениям 35 и 42 пленумов Верховного Совета Союза ССР, что расходование хозорганами оборотных средств на капитальное строительство является уголовно-наказуемым деянием, прокурорские органы на местах не уделяют должного внимания делам о допущении внепланового строительства и расходовании хозорганами оборотных средств на капитальное строительство и не ведут надлежащей борьбы с указанными нарушениями финансового дисциплины.

Бывают даже случаи, когда спецбанки просят возбудить уголовное преследование против руководителей учреждений и организаций, до-

пустивших затрату оборотных средств на капитальное строительство, а органы прокуратуры в этом отказывают. Мотивировка таких отказов приводит к выводу, что прокурорские органы в самом факте внепланового вложения оборотных средств на капитальное строительство не усматривают состава преступления.

Так например, прокурор Пролетарского р-на г. Москвы Липов отказал московской конторе Всекобанка в возбуждении уголовного преследования против руководителей завода им. Сталина и орса этого завода за производство внеплановых затрат на капитальное строительство на сумму 1 337 000 руб., в три раза превышающую сумму, определенную по плану.

Помощник прокурора Западносибирского края Медведев, признавая, что сообщенный краевой конторой Всекобанка факт затраты Западносибирским мельтрестом оборотных средств на капитальное строительство подтвердился, тем не менее уголовное дело об этом производством прекратил «ввиду вынужденности затрат».

Расследование возбужденных спецбанками дел производится крайне медленно, и результаты расследования не сообщаются банком, несмотря даже на их запросы.

Западная областная контора Всекобанка, например, до настоящего времени не может, несмотря на неоднократные запросы, добиться от прокуроров Демидовского и Ржевского р-нов ответов о результатах сделанных ею в январе 1935 г. сообщений о допущенных хозорганами в нелимитных строительствах.

Должный надзор за прохождением в судах возбужденных дел об указанных нарушениях прокуратурой не осуществляется: дела, по которым судами вынесены оправдательные приговоры, в большинстве случаев прокуратурой не проверяются.

Обращая ваше внимание на совершенную недопустимость такого рода отношения прокурорских органов на местах к возбужденным спецбанками делами о внеплановом строительстве и о расходовании оборотных средств на капитальное строительство, Прокуратура Союза предлагает вам усилить надзор за соблюдением указаний правительства СССР по данному вопросу, не оставляя безнаказанным допущение внепланового строительства.

Действия лиц, виновных в допущении внепланового строительства и в расходовании оборотных средств на капитальное строительство надлежит квалифицировать по ст. 109 УК, а в исключительных случаях, когда такого рода нарушения носят незначительный характер или вызываются особыми условиями, — по ч. 2 ст. 112 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик.

Зам. прокурора Союза ССР Леплевский.

13 ноября 1935 г.
№ 101/8.

О РАЗОВОМ СБОРЕ С КОЛХОЗНОЙ ТОРГОВЛИ

Постановлением ЦИК и СНК СССР 20/V 1932 г. «О колхозной торговле» для колхозов, колхозников и единоличников, торгующих продуктами своего сельского хозяйства, установлен единый по всему Союзу разовый сбор на покрытие расходов по содержанию рынков.

9/IV 1934 г. Наркомфин Союза ССР циркуляром № 218 предложил наркомфинам союзных республик издать подробные правила о порядке взимания разового сбора, предусмотрев, в частности, ставки разового сбора для «прочих» плательщиков, не предусмотренных постановлением ЦИК и СНК СССР 20/V 1932 г. Точных указаний о том, кто именно относится к категории «прочих», НКФ СССР не дали.

В настоящее время в Прокуратуру Союза ССР поступили сведения о том, что во многих местностях с перекупщиков и спекулянтов, проникающих на колхозные базары, взимается разовый сбор, установленный для «прочих» и что их преступная деятельность, таким образом, легализируется.

Прокуратура Союза ССР поручает вам срочно проверить существующий в вашей республике порядок взимания разового сбора, исходя из следующего:

Разовый сбор с колхозов, колхозников и трудящихся единоличников должен взиматься в порядке, установленном постановлением ЦИК и СНК СССР 20/V 1932 г. Разовый сбор с других категорий плательщиков может устанавливаться только на основании постановления правительства данной союзной республики (Положение о местных финансах). При этом должно быть предусмотрено, что взимание разового сбора может иметь место только с лиц, которым по закону предоставлено право торговли, а именно: а) с кустарей, продающих продукцию своего производства, б) с лиц, имеющих патенты на мелочную торговлю галантереей и другими предметами, разрешенными к торговле постановлением НКФ СССР 10/VI 1934 г., в) с трудящихся, продающих предметы собственного пользования или потребления.

В случае, если действующие в вашей республике правила взимания разового сбора противоречат указанному выше, установленному законодательством Союза ССР порядку, немедленно опротестуйте соответствующие постановления, которыми эти правила установлены.

Одновременно предложите органам прокуратуры на местах проверить практику взимания разового сбора местными финансовыми органами. Укажите им, что должностные лица, виновные в легализации перекупщиков и спекулянтов, путем приема от них разового сбора, должны привлекаться к уголовной ответственности как за пособничество спекуляции.

Об исполнении настоящих указаний сообщите.

Зам. прокурора Союза ССР Г. Леплевский.

16 ноября 1935 г.
№ 102/8.

Сводка важнейших постановлений правительства Союза ССР

за октябрь 1935 г.

I. СОВЕТСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

I. Госустройство и управление

1) Об образовании новых районов в Таджикской ССР — пост. ЦИК СССР 17/IX 1935 г. (СЗ 1935 г. № 53, ст. 433).

2) О разделении Главного управления лесозаготовок, лесного хозяйства и сплава Урала, Сибири и Горьковского края на два главных управления — пост. ЦИК и СНК СССР 17/IX 1935 г. (СЗ 1935 г. № 53, ст. 441).

3) Об упразднении Тарифного комитета при НКПС — пост. СНК СССР 4/X 1935 г. (СЗ 1935 г. № 54, ст. 443).

4) Об организации в системе Главного управления кино-фото-промышленности при СНК Союза ССР Всесоюзной строительной конторы Союзкинопромстрой — пост. СНК СССР 1/X 1935 г. (СЗ 1935 г. № 54, ст. 446).

2. Военное и морское дело

5) О ношении формы и знаков различия, подобных или сходных со знаками Рабоче-крестьянской красной армии — пост. СНК СССР 14/IX 1935 г. (СЗ 1935 г. № 51, ст. 425).

6) О переименовании Штаба Рабоче-крестьянской красной армии — пост. СНК СССР от 22/IX 1935 г. (СЗ 1935 г. № 51, ст. 426).

7) О специальных званиях начальствующего состава Главного управления государственной безопасности НКВД Союза ССР — пост. ЦИК и СНК СССР от 7/X 1935 г. (СЗ 1935 г. № 54, ст. 440).

8) Об изменении «Кодекса о льготах для военнослужащих и военнообязанных РККА и их семей» — пост. ЦИК и СНК СССР от 7/X 1935 г. (СЗ 1935 г. № 55, ст. 448).

II. НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО

Земля и сельское хозяйство

9) О регулировании рыболовства и охране рыбных запасов — пост. СНК СССР от 25/IX 1935 г. (СЗ 1935 г. № 53, ст. 420).

10) О распространении на свиноводческие хозяйства Наркомпищепрома постановления СНК Союза ССР от 5/VIII 1935 г. «Об улучшении работы свиноводческих совхозов системы Наркомсовхозов» — пост. СНК СССР от 23/IX 1935 г. (СЗ 1935 г. № 52, ст. 430).

11) О машинно-тракторных станциях и совхозах системы Наркомзема Союза ССР, отказывающихся от государственной дотации, — пост. СНК СССР от 1/X 1935 г. (СЗ 1935 г. № 53, ст. 435).

III. ФИНАНСЫ

12) О дополнении и изменении постановления ЦИК и СНК Союза ССР от 27 июля 1934 года «О добровольном страховании» — пост. ЦИК и

СНК СССР от 17/IX 1935 г. (СЗ 1935 г. № 51, ст. 423).

13) О работе Сельскохозяйственного банка — пост. СНК СССР 22/IX 1935 г. (СЗ 1935 г. № 53, ст. 454).

14) О порядке принудительного списания с текущих счетов сельских советов сумм в погашение недоимок по взносам на социальное страхование — пост. СНК СССР 4/X 1935 г. (СЗ 1935 г. № 54, ст. 445).

IV. ТОРГОВЛЯ, ЗАГОТОВКИ И СНАБЖЕНИЕ

15) О снижении цен на хлеб и отмене карточной системы на мясо, рыбу, сахар, жиры и картофель — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) 25/IX 1935 г. (СЗ 1935 г. № 51, ст. 421).

16) О признании контрактационных договоров имеющими силу закона и об ответственности за нарушение этих договоров — пост. ЦИК и СНК СССР 21/IX 1935 г. (СЗ 1935 г. № 51, ст. 422).

17) О переоценке остатка товаров на 1/X 1935 г. в связи с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) 25/IX 1935 г. «О снижении цен на хлеб и отмене карточной системы на мясо, рыбу, сахар, жиры и картофель» — пост. СНК СССР 27/IX 1935 г. (СЗ 1935 г. № 51, ст. 424).

18) Об утверждении единых отпускных цен на изделия легкой промышленности — пост. СНК СССР 27/IX 1935 г. (СЗ 1935 г. № 53, ст. 436).

19) О запрещении переборки продовольственных товаров из районов одного пояса в районы другого — пост. СТО 2/X 1935 г. (СЗ 1935 г. № 53, ст. 439).

20) О пересмотре норм естественной убыли на складах и при автогужевых и железнодорожных перевозках — пост. СНК СССР 4/X 1935 г. (СЗ 1935 г. № 54, ст. 444).

21) О снижении цен на хлеб, муку, зерно, крупу, макаронны, мясо, рыбу, сахар, кондитерские изделия, жиры и картофель — пост. СТО 28/IX 1935 г. (СЗ 1935 г. № 54, ст. 447).

V. КООПЕРАЦИЯ

22) О работе потребительской кооперации в деревне — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) 29/IX 1935 г. (СЗ 1935 г. № 52, ст. 427).

23) О реорганизации Центросоюза — пост. СНК СССР 29/IX 1935 г. (СЗ 1935 г. № 52, ст. 428).

24) О выдаче долгосрочных ссуд на пополнение оборотных средств и на капитальное строительство из фонда долгосрочного кредитования кооперации инвалидов — пост. СНК СССР 22/IX 1935 г. (СЗ 1935 г. № 52, ст. 429).

25) О порядке утверждения проектов и смет по капитальному строительству потребительской, промысловой, рыболовецкой и интегральной коопераций и кооперации инвалидов — пост. СНК СССР 9/X 1935 г. (СЗ 1935 г. № 55, ст. 450).

VI. КОММУНАЛЬНОЕ И ЖИЛИЩНОЕ ХОЗЯЙСТВО

26) Об утверждении «Правил о порядке застройки г. Москвы» — пост. СНК СССР 1/Х 1935 г. (СЗ 1935 г. № 55, ст. 449-а).

27) Правила о порядке застройки г. Москвы — пост. СНК СССР 1/Х 1935 г. (СЗ 1935 г. № 55, ст. 449-б).

VII. ТРУД И СОЦСТРАХОВАНИЕ

28) О предоставлении дополнительного отпуска лицам, проходящим обучение летному делу без отрыва от производства, — пост. СНК СССР 4/Х 1935 г. (СЗ 1935 г. № 53, ст. 437).

VIII. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

29) О постановке учета естественного движения населения — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) 21/Х 1935 г. (СЗ 1935 г. № 53, ст. 432).

Приветствия, поступившие на имя прокурора Союза ССР г. А. Я. Вышинского

МОСКВА

В день своего общегородского собрания члены Московской коллегии защитников горячо приветствуют в вашем лице крупнейшего деятеля советской юстиции, лучшего друга советской юстиции, лучшего друга советской защиты, много потрудившегося над признанием и усилением ее роли в системе советского суда.

Московская коллегия защитников ясно сознает недостатки своей работы и приложит все усилия к тому, чтобы их исправить, и поднять качество защиты на уровень, достойный нашей великой родины и великой эпохи построения социализма.

ЧАРДЖУИ

Коллектив работников Чарджуйской прокуратуры и суда шлет вам пламенный привет в день ознаменования XVIII годовщины Октября. Мы даем торжественное обещание еще больше стоять на страже Октября в деле борьбы с происками классового врага, на охране собственности и революционной законности.

Президиум

Сразмедов,
Барнашев,
Иванов.

ИЗДАТЕЛЬ: Государственное издательство
Советского законодательства

Адрес издательства: Москва, Красная площадь, вл. ЦИК, пом. 28.

Рукопись поступила в издательство 25/XI и 11/XII 1935 г. Сдано в производство 26/XI и 17/XII 1935 г. Подписано к печати 20/XII 1935 г. 4 п. л. 10,27 арт. листа; в одном бум. листе 193 680 печ. знаков

формат бум. 72×110. С—04 п.; № 497.

Уполном. Главлита Б-13948 Заказ № 1525. Технический редактор Л. Величко. Тираж 10 000

15-я типография ОГИЗ треста «Полиграфкнига», М. Дмитровка, 18.

Отв. редактор А. Я. Вышинский

Редколлегия: Г. М. Лоплавский, А. А. Сольц
В. В. Сорокин, Л. М. Субоцкий, А. С. Шляпочников

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1936 год НА ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА „СОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО“

СОБРАНИЕ ЗАКОНОВ И РАСПОРЯЖЕНИЙ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА СОЮЗА ССР

Первый отдел

СОБРАНИЕ ЗАКОНОВ И РАСПОРЯЖЕНИЙ
выходит отдельными изданиями на девяти языках:
**армянском, белорусском, грузинском,
русском, таджикском, туркменском,
туркском, узбекском и украинском.**
В Собрании законов и распоряжений опубликовываются
постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР, ЦИК и СНК
Союза ССР и СТО

двенадцатый год издания

Подписная цена: на 12 мес.—9 р. 60 к.
на 6 мес.—4 р. 80 к.

Цена отдельного номера 12 коп.

Выходит по мере поступления законодательных
материалов с приложением по окончании года
алфавитного указателя (80 номеров в год)

СОБРАНИЕ ЗАКОНОВ И РАСПОРЯЖЕНИЙ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА СОЮЗА ССР

Второй отдел

Опубликовываются международные договоры,
конвенции и соглашения, постановления о
награждении орденами, уставы юридических
лиц, утвержденные правительством Союза со-
ветских социалистических республик, и назна-
чения личного состава высших правитель-
ственных учреждений Союза ССР.

двенадцатый год издания

Подписная цена: на 12 мес.—9 р.
на 6 мес.—4 р. 50 к.

Цена отдельного номера 25 коп.

Выходит по мере поступления законодательных
материалов с приложением по окончании года
алфавитного указателя (36 номеров в год)

СОБРАНИЕ УЗАКОНЕНИЙ И РАСПОРЯЖЕНИЙ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА РСФСР

Опубликовываются постановления Всеросий-
ского центрального исполнительного комитета,
Совета народных комиссаров и Экономического
совета Российской социалистической федера-
тивной советской республики

девятнадцатый год издания

Подписная цена: на 12 мес.—9 р.
на 6 мес.—4 р. 50 к.

Цена отдельного номера 15 коп.

Выходит по мере поступления законодательных
материалов с приложением по окончании года
алфавитного указателя (60 номеров в год)

СОКРАЩЕННОЕ СОБРАНИЕ ЗАКОНОВ СОЮЗА ССР и РСФСР

ДЛЯ СЕЛЬСКИХ СОВЕТОВ

Опубликовываются важнейшие акты пра-
вительства Союза ССР, ВЦИК, СНК и ЭКОСО
РСФСР, имеющие отношение к деятельности
сельсоветов, с приложением ведомственных
материалов

шестой год издания

„Сокращенное собрание законов“

ОБЯЗАТЕЛЬНО К ПОЛУЧЕНИЮ ВСЕМИ СЕЛЬСОВЕТАМИ

Подписная цена: на 12 мес.—4 р. 80 к.
на 6 мес.—2 р. 40 к.

Цена отдельного номера 20 коп.

Выходит два раза в месяц

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ отделениями, магазинами, киосками, уполномо-
ченными КОГИЗа и во всех почтовых пунктах СССР.

Подписку и деньги в издательство направлять не следует, издательство подписки
не принимает и рассылки изданий не производит.

Цена 1 руб.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО СОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Открыта подписка на 1936 год на журналы:

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ Орган Прокуратуры Союза ССР

ЖУРНАЛ освещает политику партии и правительства в деле укрепления социалистической законности и охраны общественной собственности по Союзу ССР от всяких покушений со стороны противообщественных элементов.

ЖУРНАЛ предназначается для работников органов прокуратуры, суда, милиции и уголовного розыска, исправительно-трудовых учреждений, работников исполкомов и сельсоветов, а также для учащихся правовых вузов и юридических курсов.

Подписная цена: на 12 мес.—12 руб., на 6 мес.—6 руб., на 3 мес.—3 руб.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА 1 руб.

ВЫХОДИТ ОДИН РАЗ В МЕСЯЦ

СОВЕТСКАЯ ЮСТИЦИЯ ОРГАН НКЮ РСФСР

освещает политику партии и правительства по укреплению социалистической законности Помещает руководящие статьи по вопросам судебной, прокурорской и следственной работы. Печатает руководящие материалы НКЮ, Верховного суда, Прокуратуры РСФСР и дает регулярно информацию о новом в деятельности НКЮ.

ЖУРНАЛ рассчитан на работников судебно-прокурорских органов, учащихся правовых вузов и юридических курсов.

Подписная цена: на 12 мес.—12 руб., на 6 мес.—6 р., на 3 мес.—4 руб. 50 к.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА 10 коп.

ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО Орган Института советского строительства и права Командарма

(Советское государство)

ЖУРНАЛ освещает проблемы марксо-ленинского учения о государстве и праве, его применение в революционной борьбе мирового пролетариата и прежде всего в практике первого в мире государства пролетарской диктатуры.

ЖУРНАЛ рассчитан на научных работников, преподавателей, аспирантуру, руководящих работников советов, исполкомов, суда и прокуратуры.

Подписная цена: на 12 мес.—31 руб., на 6 мес.—16 р. 50 к.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА 3 руб. 50 к.

ВЫХОДИТ ШЕСТЬ РАЗ В ГОД

АРБИТРАЖ орган госарбитража при Совнаркоме СССР

ЖУРНАЛ освещает деятельность государственного и ведомственных арбитражей и печатает их решения по принципиальным и характерным спорам Уделяет большое внимание вопросам организации договорных связей, заключения и выполнения договоров, а также другим вопросам советского хозяйственного права.

ЖУРНАЛ рассчитан на работников государственного и ведомственных арбитражей, на хозяйственников в юрисконсультов предприятий и организаций.

Подписная цена: на 12 мес.—16 р. 50 к., на 6 мес.—8 р. 40 к., на 3 мес.—4 р. 20 к.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА 70 коп.

ВЫХОДИТ ДВА РАЗА В МЕСЯЦ

Подписка принимается отделениями, магазинами, книжными, уполномоченными Книзиз и во всех почтовых пунктах СССР.

Подписку и деньги в издательство **НЕ НАПРАВЛЯТЬ**, так как издательство подписки не принимает и рассылки журналов не производит